

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 3(27)

2022
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2022 № 3(27)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов,
И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахimenок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Ребицкая Е.В.** Понятие и признаки юридических лиц в международном публичном праве 3
- Петров А.П., Петров В.А.** Источники права Российского государства (X–XVII вв.) 9
- Гуминский М.Н.** Материальные гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ 16
- Баньковский А.Л.** Информационно-аналитическая деятельность в сфере национальной безопасности: проблемное поле 21

Э К О Н О М И К А

- Яшева Г.А., Савосина А.А., Кондратьева В.Д.** Анализ кластерного развития: европейский опыт для Республики Беларусь 26
- Турковский С.Р.** Инновационная активность в разрезе субъектов Российской Федерации 34
- Шаматульская Е.В.** Социальная устойчивость сельских территорий Витебской области 42
- Быков К.Р.** Торговые дисбалансы ЕАЭС и Беларуси: сравнительный анализ и определение положительных и отрицательных сторон внешней торговли товарами одежды 48
- Бекиш Е.И., Брагина О.А., Мантур Е.Е.** Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции 60

П С И Х О Л О Г И Я

- Су Тао, Фурманов И.А.** Гендерные особенности социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в Беларуси .. 65
- Пергаменщик Л.А., Коженевская Е.Ю.** Дисфункциональные сценарии детско-родительских отношений в семье, воспитывающей нормотипичного ребенка и ребенка с особенностями психофизического развития 73
- Косаревская Т.Е., Мамась А.Н., Ткач М.Г.** Социально-психологические предикторы адаптации лиц с ограниченными физическими возможностями 78
- Lautkina S.V., Semenova N.S., Tong Chunyu.** Satisfaction With Professional Activity as a Condition for Teacher Personality Self-Implementation 82
- Богомаз С.Л., Циркунова Н.И., Гущина Е.А.** Психологические особенности студентов, склонных к прокрастинации 89

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2022 № 3(27)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschchik,
L.F. Tratshevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospekt
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Rebitskaya E.V.** Concept and Features of Legal Entities in Public International Law 3
- Petrov A.P., Petrov V.A.** Sources of Law of the Russian State (X–XVII Centuries) 9
- Huminski M.N.** Material Guarantees in the Field of Countering Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances 16
- Bankovski A.L.** Information and Analytical Activities in the Field of National Security: a Problematic Field 21

ECONOMICS

- Yasheva G.A., Savosina A.A., Kondratyeva V.D.** Cluster Development Analysis: European Experience for the Republic of Belarus 26
- Turkovski S.R.** Innovation Activities of the Russian Federation Entities 34
- Shamatulskaya E.V.** Social Sustainability of Rural Areas of Vitebsk Region 42
- Bykov K.R.** Trade Disbalances of EAEU and Belarus: a Comparative Analysis and Identification of Positive and Negative Aspects of Clothing Item Foreign Trade 48
- Bekish E.I., Bragina O.A., Mantur E.E.** The Significance of the Integration of Marketing and Logistics in Competitive Environment 60

PSYCHOLOGY

- Su Tao, Furmanov I.A.** Gender Peculiarities of Social and Cultural Adaptation of Chinese Students Who Study in Belarus 65
- Pergamenschchik L.A., Kozhenevskaya E.Yu.** Disfunctional Scenarios of Parent-Child Relationships in a Family With a Healthy Child and a Child With Disability 73
- Kosarevskaya T.E., Mamas A.N., Tkach M.G.** Social and Psychological Predicators of Adaptation of People With Physical Disabilities 78
- Лауткина С.В., Семёнова Н.С., Тонг Чунъю.** Удовлетворенность профессиональной деятельностью как условие для самореализации личности педагога 82
- Bogomaz S.L., Tsirkunova N.I., Gushchina E.A.** Psychological Characteristics of Students Prone to Procrastination 89

Понятие и признаки юридических лиц в международном публичном праве

Ребицкая Е.В.

Белорусский государственный университет

В исследовании рассмотрена правовая категория «юридическое лицо» в разрезе международного публичного права. Автор акцентирует внимание на расширении субъектного состава санкционного воздействия Совета безопасности ООН как одной из предпосылок для необходимости пересмотра статуса юридических лиц на международной арене. Кроме того, в статье описывается проблема отсутствия единого определения понятия «юридическое лицо» в международном публичном праве, что вызывает ряд коллизий и трудностей в правоприменительной практике.

Цель работы – сформулировать авторское определение понятия «юридическое лицо» для использования в контексте международного публичного права и определить особые признаки юридического лица как актора международных публичных правоотношений.

Материал и методы. Нижеизложенные наблюдения построены на изучении международных правовых актов ООН, законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Украины, Великобритании и США в области регулирования деятельности юридических лиц, а также на научных трудах, посвященных раскрытию теорий (концепций) сущности юридического лица. Для исследования собранного материала были использованы методы анализа, синтеза и сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В статье показана роль юридических лиц на международной арене и доказана необходимость единообразного понимания сущности юридического лица в области международного публичного права. Проведен детальный анализ международных актов на предмет наличия определения понятия «юридическое лицо» и синонимичных ему понятий, а также изучен опыт нормативного регулирования деятельности юридических лиц в шести странах с различными правовыми системами. Раскрыты основные признаки юридического лица посредством изучения различных теорий сущности юридических лиц.

Заключение. Юридические лица в международном публичном праве обладают особыми признаками, характеризующими их способность самостоятельно выступать на международной арене и нести отдельные виды международной ответственности. Под юридическим лицом в рамках международного публичного права необходимо понимать организации, предприятия или корпорации, которые могут вступать в отдельные международные правоотношения публичного характера, обладают ограниченной международной правосубъектностью и способны самостоятельно нести ответственность по своим обязательствам в случаях, установленных нормами международного публичного права.

Ключевые слова: юридическое лицо, организация, международные публично-правовые отношения, теории сущности юридического лица, признаки юридических лиц.

Concept and Features of Legal Entities in Public International Law

Rebitskaya E.V.

Belarusian State University

The article considers the legal category of a “legal entity” in the context of international public law. The author focuses on the expansion of the subject composition of the sanctions impact of the UN Security Council as one of the prerequisites for the need to review the role of legal entities in the international arena. In addition, the problem of the lack of a single definition of the concept of “legal entity” in public international law is described, which causes a number of conflicts and difficulties in law enforcement practice.

The aim of the research is to formulate the author’s definition of the concept of “legal entity” for use in the norms of international public law and to identify the special features of a legal entity as an actor in international public legal relations.

Material and methods. The following observations are based on the study of international legal acts of the United Nations, the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, Ukraine, the United Kingdom and the United States in the field of regulating the activities of legal entities, as well as scientific papers devoted to the study of theories (concepts) of the essence of a legal entity. To analyze the collected material, the methods of analysis, synthesis and the comparative legal method were used.

Findings and their discussion. The article shows the role of legal entities in the international arena and proves the need for a uniform understanding of the essence of a legal entity in the field of public international law. A detailed analysis of international acts was carried out for the existence of a definition of the concept of “legal entity” and synonymous concepts, as well as the experience of normative regulation of the activities of legal entities in six countries with different legal systems was studied. The main features of a legal entity are revealed through the study of various theories of the essence of legal entities.

Conclusion. Legal entities in public international law have special characteristics of their ability to act independently in the international arena and bear certain types of international responsibility. A legal entity within the framework of public international law should be understood as establishments, enterprises or corporations that can enter into separate international legal relations of a public nature, have limited international legal entity and are able to independently bear responsibility for their obligations in cases established by the norms of public international law.

Key words: legal entity, organization, international public legal relations, concepts of the essence of a legal entity, features of legal entities.

Категория «юридическое лицо» является одной из фундаментальных и сложных в правовой доктрине. Ее изучение становится все более значимым не только в рамках гражданского и хозяйственного права национальных законодательств различных стран мира, но и в сфере международного права. Уже давно ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что юридические лица выступают полноценными субъектами международного частного права. В то же время последние несколько десятилетий, в ходе глобализации международных экономических отношений, в частности становления и укрепления таких новых субъектов международного бизнеса, как транснациональные корпорации, на международной арене постоянно возникают дискуссии о роли и правовом статусе юридических лиц в области международного публичного права. Строгая позиция ученых по поводу отнесения юридического лица исключительно к частноправовой сфере связана с традиционным закреплением данного субъекта как субъекта гражданского права. В то же время юридические лица все чаще проявляют свою деятельность и в сфере международных публичных правоотношений. Ярким примером выступает деятельность Совета безопасности ООН, направленная на противодействие финансированию терроризма и распространению ядерного оружия путем наложения санкций на юридических и физических лиц, подозреваемых в совершении вышеотмеченной деятельности. Основанием для включения юридических лиц в санкционный список, в наиболее обобщенном виде, выступает опосредованное нарушение ими норм именно международного публичного права (например, оказание финансовой или любой иной помощи КНДР и Ирану по разработке ядерного оружия) и обращение государства в ФАТФ с просьбой включить юридическое лицо в санкционный список [1, с. 383]. Следовательно, юридические лица, не имея статуса субъектов международного публичного права, подвергаются непосредственному санкционному воздействию наравне с государствами за деяния, затрагивающие международные публично-правовые отношения. Однако вопрос определения правового статуса любого субъекта права невозможен без единообразного понимания термина, раскрывающего значение данного субъекта.

Цель работы – сформулировать авторское определение понятия «юридическое лицо» для использования в нормах международного публичного права и определить особые признаки юридического лица как актора международных публичных правоотношений.

Материал и методы. Нижеизложенные наблюдения построены на изучении междуна-

родных правовых актов ООН, законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Украины, Великобритании и США в области регулирования деятельности юридических лиц, а также на научных трудах, посвященных раскрытию теорий (концепций) сущности юридического лица. Для исследования собранного материала были использованы методы анализа, синтеза и сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Институт юридического лица зародился вследствие осуществления физическими лицами различных видов хозяйственной деятельности с целью удовлетворения своих потребностей и получения прибыли. Первые упоминания о юридических лицах можно найти еще в источниках римского частного права, где предусматривалось создание различных частных коллегий, которые владели собственным обособленным имуществом и выступали в гражданском обороте от собственного имени. Однако определение понятия «юридическое лицо» не было разработано римскими юристами, так как данная категория изучалась в первую очередь как социальная, а не правовая [2, с. 122]. Долгое время юридическое лицо рассматривалось учеными социальных наук через призму деятельности физического лица, т.е. не как самостоятельный субъект правоотношений, а как предмет деятельности двух и более физических лиц, объединившихся для осуществления какой-либо хозяйственной деятельности и получения прибыли. В XIX веке о юридическом лице впервые заговорили как о самостоятельном субъекте через призму правовых наук. Ученые того времени (Д.В. Азаревич, Е.В. Васильковский, Г.Ф. Шершеневич и др.) придерживались теории фикции, предусматривающей наличие частичной правоспособности юридического лица, но лишь в сфере частного права. В настоящее время исследователи многих стран мира изучают различные правовые аспекты деятельности юридических лиц как полноценных субъектов права, однако в основном в рамках национального законодательства. Несмотря на то, что теоретическая конструкция «юридическое лицо» прошла длительный путь развития и в научной литературе международного частного права подвергалась неоднократному обстоятельному анализу, данный правовой феномен все еще остается неизученным в области международного публичного права.

Необходимо отметить, что первые упоминания о юридическом лице на международной арене встречаются в международных актах, изданных еще Лигой наций (Международная конвенция об упрощении таможенных формальностей 1923 г.; Конвенция, предусматривающая единообразный закон для переводных и простых вексе-

лей 1930 г.). В настоящее время термин «юридическое лицо» встречается лишь в двух конвенциях ООН, имеющих статус источника международного права – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 9, 137, 139, 153, 168, 187, 190, 235, 263) и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (ст. 3 Раздела II).

В то же время в международных договорах и ряде других актов ООН периодически встречаются синонимичные термины, отражающие специфику юридических лиц:

- «предприятие» (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г.; Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о трансграничной несостоятельности 1997 г.; Создание глобальной культуры кибербезопасности: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 января 2003 г.);

- «частный сектор» (Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 30 июля 2010 г.; Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященного общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества 2015 г.);

- «частное предприятие» (Конвенция о правах инвалидов 2006 г.);

- «коммерческое предприятие» (Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.; Защита интересов потребителей: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 22 декабря 2015 г.);

- «организация» (Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов; Венская конвенция об охране озонового слоя 1972 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Конвенция о правах инвалидов 2006 г.).

Вышеизложенное подчеркивает наличие на международной арене различных подходов к трактовке юридического лица. Более того, мы видим, что в одном международном акте могут упоминаться 2 различных термина (например, Конвенция о правах инвалидов и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). Кроме того, следует подчеркнуть, что ни в одном из изученных нами

международных актов ООН не раскрываются вышеуказанные термины, не дается их определение. Вместе с тем в официальной базе данных терминологии ООН (<https://untermportal.un.org/>) можно найти следующую трактовку интересующего нас понятия: термины «legal entity» и «artificial person» рассматривают юридическое лицо как орган, не являющийся физическим лицом, который может функционировать на законных основаниях, предъявлять иски или быть привлеченным к ответственности, а также принимать решения через представителей [3].

Любопытно, что понятие «юридическое лицо» на международной арене часто встречается в документах, заключенных различными международными организациями. Например, в актах Всемирной организации интеллектуальной собственности: Договор о законах по товарным знакам 1994 г., Договор ВОИС по исполнению и фонограммам 1996 г., Договор о патентном праве 2000 г., Сингапурский договор о законах по товарным знакам 2006 г., Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях 2015 г., Административная инструкция по применению Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации и Женевского акта Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях 2020 г., Общая инструкция к Лиссабонскому соглашению и Женевскому акту Лиссабонского соглашения 2021 г. В то же время лишь в Общей инструкции к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков и протоколу к этому соглашению 2019 г. дается определение понятия юридического лица как «корпорации, ассоциации или другой группы или организации, которая, в соответствии с применимым к ней законодательством, способна приобретать права, принимать на себя обязательства, предъявлять иски в суде или отвечать по иску в суде» (ст. 1) [4].

Юридическое лицо как правовая категория получила фрагментарное изучение в области права прав человека и нашла свое отражение в ряде международных актов, носящих рекомендательный характер. Так, в деятельности Управления Верховного комиссара по правам человека особое место занимает тема влияния предпринимательской деятельности на права человека. Начиная с 1990-х годов вопрос о предпринимательской деятельности в аспекте прав человека не сходит с глобальной повестки дня, являясь тем самым отражением беспрецедентного развития в этом десятилетии частного сектора во всем мире, которое сопровождалось соответствующим ростом транснациональной экономической деятельно-

сти. Все эти изменения привели к необходимости правового осмысления проблемы воздействия предпринимательской деятельности на права человека, на которую также обратила внимание и ООН [5]. Основным международным актом, регламентирующим деятельность юридических лиц с точки зрения соблюдения прав человека, являются Руководящие принципы деятельности в аспекте прав человека ООН, раскрывающие три постулата: «защита, соблюдение и средства правовой защиты прав человека» в бизнес-сфере. Значительную роль также играет международная инициатива ООН для бизнеса в сфере корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития «Глобальный договор ООН», регулирующая международно-признанные принципы в сфере прав человека, трудовых отношений, окружающей среды и противодействия коррупции. Следует отметить, что в указанных документах акцент делается на определенный вид юридического лица – транснациональные корпорации. В то же время по тексту неоднократно встречается формулировка «транснациональные и иные предприятия». Однако ни термин «транснациональные корпорации», ни термин «юридическое лицо» не раскрываются.

Особую роль в сфере предпринимательской деятельности и прав человека играет Международная организация труда. В рамках ее деятельности был издан ряд документов, направленных на регулирование деятельности юридических лиц (в первую очередь как нанимателей в сфере труда с использованием термина «предприятие») с точки зрения соблюдения прав человека (например, Конвенция о компенсации работникам (несчастных случаев) 1925 г., Конвенция о еженедельном отдыхе (торговля и офисы) 1957 г., Конвенция о медицинском обслуживании и пособиях по болезни 1969 г., Протокол 1990 г. к Конвенции о ночном труде (женщин) (пересмотренный) 1948 г. и др.). Отдельно следует остановиться на Трехсторонней декларации принципов МОТ, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики. Уже из самого названия документа видно, что данный акт направлен на регламентацию деятельности многонациональных корпораций, однако понятие «многонациональные корпорации» в тексте не раскрывается. Так, в п. 6 данной Декларации указывается, что «для того чтобы Декларация МНК могла служить своей цели, она не требует точного законодательного определения термина «многонациональные корпорации»; цель настоящего пункта заключается в том, чтобы облегчить понимание Декларации, а не дать такое определение (курсив наш. – Е.Р.). К многонациональным относятся корпорации – будь то в полной или частичной государ-

ственной собственности или в частной собственности, – которые обладают правами собственности или осуществляют контроль над объектами производства, сбыта, обслуживания и другими объектами за пределами страны базирования. Они могут быть крупными или малыми и иметь штабквартиры в любой части мира» [6].

Как уже было отмечено ранее, начиная с 2014 года на международной арене возникло новое проблемное поле, непосредственно касающееся юридических лиц в разрезе их роли в международном публичном праве – негативное влияние односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. Изучив доклады Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека за последние 5 лет (A/RES/72/168 от 25.01.2018, A/RES/72/168 от 25.01.2018, A/HRC/37/L.34 от 20.03.2018, A/HRC/39/54 от 30.08.2018, A/HRC/40/L.5 от 03.14.2019, A/HRC/RES/40/3 от 04.05.2019, A/HRC/42/46 от 07.05.2019, A/HRC/45/7 от 21.07.2020, A/HRC/48/59 от 07.08.2021), видим, что термин «юридическое лицо» используется повсеместно и юридические лица ставятся практически на один уровень с государствами и физическими лицами в процессе принятия односторонних принудительных мер.

В документах Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) также неоднократно упоминается термин «юридическое лицо» (например, Рекомендации ФАТФ «Отмывание денег и конфискация», «Финансирование терроризма и его распространения», «Прозрачность и бенефициарная собственность юридических лиц и образований»). В то же время официальный глоссарий межправительственной организации дает следующее определение понятия: «...под юридическими лицами понимаются любые юридические лица, кроме физических лиц, которые могут установить постоянные клиентские отношения с финансовым учреждением или иным образом владеть имуществом» [7].

Вышеизложенное подчеркивает проблему отсутствия единообразного определения понятия «юридическое лицо» в международном публичном праве, использования множества синонимичных терминов в актах международного права, без раскрытия их дефиниций. Следовательно, наблюдается необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса о разработке единого термина «юридическое лицо» и использовании определенной дефиниции в международных актах. Ведь наличие множества трактовок на законодательном уровне неизменно приводит к возникновению коллизий и трудностей в правоприменительной практике.

Возвращаясь к вопросу доктринального изучения юридического лица, необходимо отметить, что в юридической науке особое место отводится изучению теорий (концепций) сущности юридического лица, о которых мы уже упоминали в начале данного исследования. Вышеназванные теории рассматривают юридические лица через призму фиктивности или реальности их существования. В то же время ученые-юристы практически не останавливаются на вопросе определения понятия «юридическое лицо», делая в своих работах ссылки на нормы гражданского законодательства государства, в котором находится юридическое лицо, т.е. рассматривая юридическое лицо исключительно как субъект частноправовых отношений. Любопытно, что в законодательстве стран англосаксонской правовой системы отсутствует единый термин «юридическое лицо» и дается лишь определение понятия отдельных видов юридических лиц. Так, в Законе о компании 2006 г. Великобритании раскрываются следующие термины: «компания (общество) с неограниченной ответственностью (unlimited partnership)», «общество с ограниченной ответственностью (limited partnership)» и «компания с ограниченной ответственностью (corporation)». В США деятельность юридических лиц регулируется законами отдельных штатов. На уровне федеративного и национального законодательства выделяются и трактуются следующие виды юридических лиц: корпорация (corporation), компания с ограниченной ответственностью (limited liability company), полное товарищество (general partnership), коммандитное товарищество (limited partnership).

В то же время на постсоветском пространстве, в странах с романо-германской правовой системой, законодатели отводят отдельную главу в гражданских кодексах, посвященную юридическим лицам и первая статья в данной главе всегда дает четкое определение понятия «юридическое лицо». Так, изучив национальное законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан и Украины, мы видим схожие подходы к определению статуса юридического лица, его правосубъектности, а также регулированию его функционирования. При этом в основе всех рассматриваемых определений лежит дефиниция, разработанная во времена СССР и закреплённая в гражданских кодексах советских республик. Это ярко демонстрирует преемственность законодательства постсоветских стран в сфере гражданского права.

Однако независимо от используемой правовой системы, дефиниции всех отмеченных ранее стран содержат относительно схожие признаки юридических лиц. К признакам юридического

лица, как указывает в своих работах А.В. Венедиктов, традиционно относят: организационное единство; наличие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного имущества; самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам всем принадлежащим организации имуществом; возможность выступать в гражданском обороте и в любом суде от своего имени [8, с. 15]. Такого же мнения придерживаются О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, И.Б. Новицкий, П.Е. Орловский, В.А. Рясенцев, В.Ф. Чигир, Е.А. Суханов, А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, О.Н. Садилов, В.А. Витушко и другие российские и белорусские ученые-цивилисты. Детально проанализировав определение понятия «юридическое лицо» и синонимичные ему категории, содержащиеся в белорусском, российском, казахстанском, украинском, английском и американском законодательствах, мы видим, что все эти признаки свойственны и дефинициям названных выше государств.

Однако ранее отмеченные признаки, на наш взгляд, не полноценно характеризуют статус юридических лиц на международной арене и их публично-правовую составляющую. При всей значимости работ указанных ранее исследователей, они не исчерпывают многих проблем, значение которых повысилось в последнее время в связи с повсеместной глобализацией мира. Поэтому, придерживаясь общепринятых положений, характеризующих юридическое лицо, мы тем не менее предлагаем следующие особые признаки юридического лица в рамках международного публичного права:

– возможность самостоятельно или опосредованно (через государство) вступать в международные общественные отношения (наличие конкретных прав и обязанностей, способность выступать субъектом на международной арене в отдельных сферах международных правоотношений публичного характера);

– способность самостоятельно нести ответственность по своим обязательствам в конкретно оговоренных случаях нарушения норм международного публичного права.

Опираясь на общие и особые признаки юридических лиц, а также дефиниции юридического лица в рамках национальных законодательств государств с различными правовыми системами, предлагаем понимать под *юридическим лицом в сфере международного публичного права* организации, предприятия или корпорации, которые могут вступать в отдельные международные правоотношения публичного характера, обладают ограниченной международной правосубъектностью и способны самостоятельно нести

ответственность по своим обязательствам в случаях, установленных нормами международного публичного права.

Заключение. В результате изучения различных источников мы пришли к следующим выводам:

1) Юридические лица играют важную роль в частноправовых отношениях не только на государственном уровне, но и на международном уровне, в том числе и в сфере публично-правовых отношений. В настоящее время отсутствует единый подход к пониманию сущности юридического лица как правовой категории и используются различные дефиниции рассматриваемого нами понятия, что приводит к возникновению коллизий и проблемам в правоприменительной практике.

2) В юридической доктрине отсутствуют комплексные труды, посвященные определению понятия и ключевым признакам юридических лиц в отрыве от гражданского национального законодательства. Теоретический анализ литературы позволяет выделить перспективное направление разработки: изучение юридических лиц через призму международных публично-правовых отношений.

3) Выявлено, что юридические лица, принимающие участие в международных отношениях, обладают особыми признаками, а именно: *наличие конкретных прав и обязанностей, способность выступать субъектом на международной арене в отдельных сферах международных правоотношений публичного характера и способность самостоятельно нести ответственность по своим обязательствам в конкретно оговоренных случаях нарушения норм международного публичного права.*

4) Анализируя тенденции развития юридических лиц и расширения их деятельности на различные сферы общественной жизни, в том числе и на международном уровне, мы считаем целесообразным введение единого общеправового определения понятия «юридическое лицо» для использования в доктрине. На наш взгляд, данное определение понятия может быть представлено следующим образом: *юридические лица в сфере международного публичного права – это организации, предприятия или корпорации, которые могут*

вступать в отдельные международные правоотношения публичного характера, обладают ограниченной международной правосубъектностью и способны самостоятельно нести ответственность по своим обязательствам в случаях, установленных нормами международного публичного права.

Литература

1. Ребицкая, Е.В. К вопросу определения понятия «юридическое лицо» в международном публичном праве / Е.В. Ребицкая // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й регион. науч.-практ. конф., Витебск, 18 февр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 383–385.
2. Тихонова, М.М. Генезис понятия «юридическое лицо» в науке и законодательстве / М.М. Тихонова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф., Казань, 20–23 мая 2015 г. – Казань, 2015. – С. 120–126.
3. The United Nations Terminology Database [Electronic resource]. – Mode of access: <https://untermportal.un.org/unterm/display/record/unog/na?OriginalId=54757>. – Date of access: 23.06.2022.
4. Общая инструкция к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков и протоколу к этому соглашению 2019 г. [Электронный ресурс] // Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности. – Режим доступа: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/madrid-gp/trt_madrid_gp_030ru.html. – Дата доступа: 23.06.2022.
5. Мандат Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников [Электронный ресурс]: утв. Резолюцией 7/8 Совета по правам человека от 16 июня 2011 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_8.pdf – Дата доступа: 23.06.2022.
6. Трехсторонняя декларация принципов МОТ, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики [Электронный ресурс]: принята Административным советом Международного бюро труда на 204-й сессии (Женева, ноябрь 1977 г.) с поправками, внесенными на 279-й (ноябрь 2000 г.), 295-й (март 2006 г.) и 329-й (март 2017 г.) сессиях // Международная Организация Труда. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_574716.pdf. – Дата доступа: 23.06.2022.
7. Глоссарий ФАТФ [Электронный ресурс] // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/glossary/j-m/>. – Дата доступа: 23.06.2022.
8. Маньковский, И.А. Юридические лица: научно-практическое исследование сущности и современного правового положения: монография / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск: Молодежное, 2009. – 304 с.

Поступила в редакцию 01.07.2022

Источники права Российского государства (X–XVII вв.)

Петров А.П., Петров В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Данная научная работа посвящена раскрытию причин и условий возникновения источников права в их историческом развитии.

Цель статьи – изучить источники права в историческом аспекте на территории России и Беларуси, показать причины их возникновения и охарактеризовать основные их виды.

Материал и методы. Материалом для анализа послужили нормативные правовые акты периода X–XVII вв. в Российском государстве, научная и учебная литература по теме. Исследование проводилось с применением метода познания правовой действительности, что дало возможность проанализировать возникновение различных видов источников права, создававшихся в Российском государстве. Анализ осуществлялся на основе диалектико-материалистического метода. При написании статьи использовались сравнительно-правовой, исторический, формально-логический и юридико-догматический методы.

Результаты и их обсуждение. Авторами рассматриваются причины и условия возникновения источников права, методологические вопросы их применения; определяется место церкви, ее материальное положение в правовой сфере; анализируется становление Русского централизованного государства, а вместе с ним и создание общерусского феодального права. Показано, что в Русском государстве происходят изменения в правовом положении отдельных социальных групп – дворян, помещиков и верхов пасада.

Заключение. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу, что социально-экономическое развитие общества способствовало совершенствованию источников права, что привело к становлению современной системы источников права в России и Беларуси.

Ключевые слова: источники права, обычное право, письменные источники, уставы, законы, судные (жалованные) грамоты, судебники, уложения.

Sources of Law of the Russian State (X–XVII Centuries)

Petrov A.P., Petrov V.A.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The research work deals with the disclosure of the causes and conditions of the sources of law in their historical development.

The purpose of the article is to reveal the sources of law in the historical aspect on the territory of Russia and Belarus and to show the causes of their emergence and types.

Material and methods. The research material were the normative legal acts of the period of the X–XVII centuries in the Russian state, scientific and educational literature on the topic. The study was conducted using the method of cognition of legal reality, which made it possible to analyze the emergence of various types of sources of law created by the Russian state. The research was carried out on the basis of the dialectical-materialistic method. The following methods were used in the article: the comparative-legal, historical, formal-logical and legal-dogmatic.

Findings and their discussion. The article examines the causes and conditions of the emergence of sources of law, methodological issues of their application; the role of the church, its material position in the legal sphere is determined; shaping of the Russian centralized state is analyzed, and, along with it, the creation of the all-Russian feudal law. It is shown that in the unification of the centralization of the Russian state, there are changes in the legal status of individual social groups – nobles, landlords and upper of settlements (pasad).

Conclusion. Based on the conducted research, the authors conclude that the social and economic development of the society led to the improvement of the sources of law. Different types of sources of law emerged. Written sources were called charters and regulations.

Key words: sources of law, customary law, written sources, charters, laws, judicial (chartered) charters, judicial records, regulations, etc.

Построение правового демократического государства связано со значительной ролью законодательных актов, которые регулируют общественные отношения. Следовательно, исследование причин и условий возникновения источников права является актуальным.

Цель статьи – изучить источники права в историческом аспекте на территории России и

Беларуси, показать причины их возникновения и охарактеризовать основные их виды.

Материал и методы. Исследование проводилось с применением метода познания правовой действительности, что дало возможность проанализировать возникновение различных видов источников права, создававшихся в Российском государстве. Анализ осуществлялся на основе диалектико-материалистического метода. При на-

писании статьи использовались сравнительно-правовой, исторический, формально-логический и юридико-догматический методы.

Результаты и их обсуждение. История человеческого общества представляет собой сложное, многогранное и противоречивое явление.

Характерной, отличительной от других социальных норм, чертой права выступает то, что государство и право возникают одновременно и развиваются в диалектической связи и взаимозависимости.

В VI–IX веках происходит процесс разложения первобытного строя. Это связано с тем, что земля стала обрабатываться с применением плуга, железного сошника, скота как тягловой силы. В результате с появлением производительности труда стали возникать излишки продукции, которые необходимо было реализовать, поэтому все большее значение приобретает торговля.

В IX веке в России появляется частная собственность на орудие производства, продукты труда, скот, частные владения участками земли. В сельской общине происходит процесс социального расслоения, выделяется богатая верхушка из родоплеменной знати. Из нее постепенно складывается господствующий класс, который эксплуатирует не только рабов, но и бедных крестьян-общинников.

Повсеместно этот период характеризуется развитием материальной и духовной культур, что приводит к становлению классового общества, государственности, возникновению правовых систем.

Процессы, происходящие в классовом обществе, неизбежно должны были быть урегулированы нормами права.

Возникновение Древнерусского государства сопровождалось формированием древнерусского феодального права.

Главным источником древнерусского феодального права было обычное, неписаное право, складывающееся из древних обычаев – способа передачи нормативной информации от поколения к поколению. Обычаи и другие виды социальных норм (образы, ритуалы, традиции, этикет и т.д.) глубоко уходят корнями в историю народа.

Обычное право представляло собой систему правовых норм, опирающихся на общепринятость и давность существования и санкционированных государством.

По мере усиления социального напряжения в обществе, развития государства, имущественной дифференциации населения, расширения гражданских правоотношений, а также преступных деяний возникла необходимость в более четкой реализации всех сторон общественной жизни, только обычное право перестало удовлетворять общество. Возросло значение и письменных источников права.

Первыми письменными источниками древнерусского права были договоры Руси с Византией. С греками было заключено четыре договора: в 907 и 911 годах Олегом [1, с. 406–412], в 944 году Игорем [1, с. 413–419] и в 971 году Святославом [1, с. 420–421], закрепившим военные, политические и торговые отношения. «Они регулировали отношения между сторонами в случае убийств, краж, иных преступлений, устанавливали процедуру возмещения убытков, правила торговли, наследования, выкупа пленных» [2, с. 19].

С принятием христианства (988–989 годы) на Руси стало складываться каноническое право, основанное на византийском законодательстве. Распространялись сборники византийских церковных норм, применявшихся главным образом духовенством. Церковные и гражданские постановления во многих сборниках объединялись между собой по сходству содержания – такие книги получили названия Номоканонов, называвшихся на Руси Кормчими книгами.

В это время появилась церковь как учреждение внешнее, имевшее свои канонические законы. Обычное русское право во многом противоречило христианской морали и церковным канонам. Однако оно повлияло на развитие права в целом, так как многие важные сферы общественных отношений регулировались церковными законами.

В X веке появилось древнерусское великокняжеское законодательство. Особое место занимали Устав святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, «О церковных судах» [1, с. 461–468]. Его же Владимира Святославовича (Мономаха) Устав «О десятинах, судах и людях» [3, с. 139–162], Устав князя Ярослава Владимировича (Мудрого) «О церковных судах» [3, с. 167–208] и такие источники Древнерусского права, как Русская Правда [3, с. 44–129]. Сюда же можно отнести Устав великого князя Всеволода «О церковных судах, людях и мирилах торговых» [3, с. 246–261], уставные и жалованные грамоты разных князей Древнерусского государства [3, с. 210–232] и т.д.

В Уставе Владимира Святославовича (Мономаха) речь идет о пожаловании церкви «десятины» (одной десятой части всех княжеских доходов) и правилах сбора этого налога от княжеского суда, торговых пошлин и хозяйственной деятельности: определялось церковное судоустройство, основанное на византийском праве. Церковному суду подлежали все преступления и жалобы по делам семейным, в том числе бытовые дела, преступления против церкви, все преступления и тяжбы лиц, находившихся в церковном ведомстве. Здесь же устанавливалось, чтобы во всех судах, даже светских вместе с княжескими судьями, участвовали и представители церковной власти.

В Уставах закреплялось, что метрологическая система отходила в компетенцию церковных властей. Образцовые веса и меры должны были находиться в церкви. Эта часть Устава взята полностью из византийского законодательства. Устав определял и круг лиц церковной компетенции. К церковному ведомству принадлежали духовенство, лица, служившие церкви с их семьями, паломники и вольноотпущенные рабы, а также все, кто подлежал опеке и попечительству (престарелые, вдовы, сироты, инвалиды, изгои и т.п.), а также обслуживающий персонал приютов и лечебных учреждений. Таким образом, Устав Владимира Святославовича определяет место церкви в государстве, ее материальное положение в сфере юриспруденции.

Устав Ярослава Владимировича (Мудрого) «О церковных судах» ограничивал компетенцию церковного суда и устанавливал более четкие правовые нормы. Ярослав отделяет церковный суд от светского. Церковный суд распространялся только на дела, касающиеся церкви, нравственности и семейных отношений. Церковному суду предоставлялось право налагать только духовные наказания, а исполнение приговора церковного суда Ярослав предоставлял гражданской власти, а не церковной. Все уголовные дела переходили в компетенцию княжеского суда. Устав Ярослава не только перечисляет преступные деяния, но и определяет за них наказания.

Крупным источником древнерусского права являлась Русская Правда – сборник писаных русских законов. В ней охвачены почти все отрасли тогдашнего права.

Русская Правда разрабатывалась для преодоления партикуляризма права, его унификации, приведения законов в соответствие со сложившейся социально-экономической и политической обстановкой, усовершенствованием судопроизводства.

Условно Русская Правда подразделяется на три редакции:

1. Краткая правда, состоящая из 18 статей, основана на законодательстве Ярослава Мудрого первой половины XI века и правды Ярославичей (сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода), состоящей из 19–41 статей, принятых на съезде Ярославичей и бояр во второй половине XI века [3, с. 47–63].

2. Просторная правда, состоящая из суда Ярослава Владимировича, Устава Владимира Мономаха, уставов и грамот других киевских князей конца XI – XIII века [3, с. 164–129].

3. Сокращенная правда, по мнению большинства исследователей, возникла в результате значительного сокращения Просторной правды. В ней оставались только те нормы, которые могли еще действовать в то время. Это время опре-

делялось по-разному: С.В. Юшков относит к XV в., до издания Судебника 1497 года [4, с. 90], М.Н. Тихомиров – к созданию Судебника 1497 г. – в конце XV – первой половине или середине XVI века [5, с. 125].

Ф.Г. Эверс выделяет три этапа Русской Правды: первый – 18 статей Краткой правды, основанной на законодательстве Ярослава; второй этап – расширение Краткой правды сыновьями Ярослава и третий этап – Просторная правда, которую он связывает с Владимиром Мономахом. Уделяя особое внимание Краткой правде, Ф.Г. Эверс видел в правде Ярослава «самый древний законодательный памятник, каким только могут хвалиться новейшие народы...», ее корни «восходят к глубочайшей древности, о происхождении коих в других государствах едва можно делать одни слабые гадания» [6, с. 337–338]. Правду Ярославичей Б.Д. Греков характеризует как «специальный закон, призванный оберегать интересы княжеского имения от враждебно настроенных соседних крестьянских миров» [7, с. 82]. По мнению С.В. Юшкова, Правда Ярославичей «вводит для охраны жизни администрации княжеского домена новые нормы – привилегии, которые и были объединены вместе с избранным законодательством Ярослава и отдельными установлениями – новеллами великих князей в Краткую правду в конце XI в. в Киеве» [4, с. 85].

Таким образом, Правда Ярославичей – это часть Русской Правды (а конкретно Краткой правды), посвященная охране собственности и жизни феодалов, а также лиц, служащих князьям и зависящих от них.

Просторная правда представляет собой свод различного феодального права, в котором нашли отражение нормы уголовного и гражданского права, а также процессуальные нормы. Она основана на текстах Краткой правды, Устава Владимира Мономаха и других киевских князей конца XI – XIII века.

В период феодальной раздробленности на Руси основным источником права оставалась Русская Правда, которая изменялась и дополнялась в зависимости от интересов и потребностей местных князей и крупных бояр, осевших в своих княжествах и вотчинах.

В условиях феодальной раздробленности не могло появиться новое общерусское законодательство в виде княжеских уставов, уставных и жалованных грамот, международных договоров, губных пожалований и т.д.

Особую роль в этот период сыграли судные грамоты Новгорода [3, с. 300–320] и Пскова [3, с. 321–386], принятые на вечевых собраниях.

Основными источниками права Великого Новгорода, наравне с Русской Правдой, являлись

Новгородская судная грамота, договоры на княжение с князьями, международные договоры, решения веча, писцовые книги, пошлины и обычаи.

Важным источником Новгородского права стала Новгородская судная грамота, которая закрепила нормы о судеустройстве, процессуального права, установила компетенцию владычного суда, или суда новгородского архиепископа, суда посадника, суда тысяцкого, суда новгородских докладчиков. В ней указаны положения об истце, ответчике и поверенных (адвокатах), о послухах (свидетелях), о вызове в суд, о судебных сроках, о порядке суда, о судебных пошлинах.

Выдающееся место среди источников Псковского права занимает наряду с Русской Правдой Псковская судная грамота. Ее источниками были Русская Правда, обычное местное право, решение веча.

В Псковской судной грамоте отражались главным образом те вопросы, которые не были затронуты в Русской Правде, а также те, трактовка которых устарела или не отвечала условиям псковской действительности XIV–XV вв.

В Псковской судной грамоте получило дальнейшее развитие уголовное право, появились новые составы преступлений – заговор, государственная измена, взятки. Система наказаний включила смертную казнь, тюремное заключение и денежные штрафы в пользу государства за убийство – продажу.

Правосудие, по Псковской судной грамоте, осуществлялось судом владыки, наместника (церковного), судом князя и посадника, судом псковских выборных судей, братичным судом (судом общины) и судом веча.

Из-за высокого уровня развития в Пскове товарно-денежных отношений Псковская судная грамота уделяет огромное значение гражданско-правовым отношениям (гражданскому и обязательственному праву).

Псковская судная грамота закрепила и процессуальный порядок рассмотрения дел.

Таким образом, Новгородская и Псковская судные грамоты отражали значительно более высокую ступень в развитии права по сравнению с законодательством Древнерусского государства.

В середине XIII в. татаро-монгольское нашествие и установление политической зависимости Руси от Золотой Орды привели к огромным человеческим, материальным и духовным потерям, что замедлило ход общественного развития. Однако остановить процесс политического и социально-экономического развития татаро-монгольское иго не могло. (Россия контролировалась Золотой Ордой на протяжении двух с половиной столетий, от первой трети XIII в. до конца XV в.)

Укрепление экономических отношений, процесс присоединения удельных княжеств во круг Московского княжества объективно требовали объединения русских земель, создания централизованного государства.

Фактором, ускорившим централизацию России, являлась борьба против золотоордынского гнета, за освобождение от иноземного ига. Но необходимо подчеркнуть, что сам по себе, без экономической и социальной основы, внешний фактор сыграл лишь роль ускорения образования централизованного государства.

Таким образом, централизация государства во внутреннеполитическом отношении обуславливалась усилением великокняжеской власти. Во внешнеполитических отношениях усиление централизованной государственной власти было связано с падением власти Золотой Орды.

С формированием Русского централизованного государства требовалось и создание общерусского феодального права. Разработка и принятие общерусского законодательства были обусловлены и тем, что к этому времени появились новые составы преступлений и виды наказаний, расширилась сфера гражданско-правовых отношений, изменились система судов, процессуальный порядок рассмотрения дел.

Первым источником права в этот период стал великокняжеский Судебник, принятый в 1497 году Иваном III совместно с Боярской Думой, он был составлен не только для одного княжества Московского, но и для всей территории Русского центрального государства [8, с. 54–97].

Источниками Судебника 1497 года являлись нормы княжеского законодательства (жалованные и иные грамоты наместничьего управления), особенно Двинская судная грамота 1397 года [8, с. 180–186] и Белозерская уставная грамота 1488 года [8, с. 192–200], а также указы и инструкции, касающиеся суда и управления, издававшиеся как Московским, так и иными княжествами.

Судебник 1497 года принимался с целью унификации уголовного права, судеустройства и судопроизводства, а также для распространения юрисдикции Московского великого княжества на всю территорию русского государства.

Появление Судебника 1497 года, по мнению Б.Д. Грекова, связано «с усилением власти Московского государства и его стремлением к ликвидации сепаратистских тенденций удельных князей» [7, с. 532].

С.В. Юшков сопоставил предшествовавшее законодательство с Судебником 1497 года и пришел к выводу, что «только в 27 статьях Судебника можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права (12 статей из устав-

ных грамот, 11 из Псковской судной грамоты, 2 статьи из Русской Правды (ст. 55 Судебника о займах и ст. 66 о налогах) и 2 статьи из норм обычного права). Но и при заимствовании из старых источников нормы права перерабатывались применительно к изменениям в социально-экономическом строе». Далее он помечает, что «40 статей, т.е. около 3/5 всего состава Судебника, не имеет какой-либо связи с дошедшими до нас памятниками. Они либо извлечены из не сохранившихся законодательных актов Ивана III, либо принадлежат самому составителю Судебника и представляют таким образом нормы, не известные прежней судебной практике» [9, с. 44–45].

А.А. Зимин отмечал, «что Судебник 1497 года, будучи общегосударственным кодексом, является заметной вехой в истории русского законодательства» [10, с. 137].

Закон как источник права в Московском государстве принимал формы грамот (уставных, жалованных, судных, вечевых и т.д.), княжеских договоров, приговоров, (например, Боярской Думы), судебных, Соборного Уложения.

Жалованная грамота предоставляла ряд льгот и привилегий физическим и юридическим лицам, а иногда и целым местностям. Это был частный закон, а поэтому он нуждался в подтверждении преемником.

Уставная грамота определяла порядок деятельности местного управления, подробно регламентировала ее.

Судная грамота содержала нормы о судоустройстве и судопроизводстве, а также нормы гражданского и уголовного права.

По уголовному праву Судебник преступления именвал «лихим делом», закрепляя новые уголовные преступления: государственные – крамола (измена и заговор), поджог; должностные и против суда – взяточничество, волокита, злоупотребления судей, лжесвидетельствование. К этим преступлениям примыкали преступления против личности и имущественные преступления. Преступления против личности – убийство господина, умышленное убийство (душегубство), убийство с воровством (головная тяжба), лжедонос (ябедничество). К имущественным преступлениям относились кража (простая и квалифицированная), разбой, порча, мошенничество, незаконное пользование чужим имуществом.

Судебник закреплял репрессивный характер наказания, цель наказания – устрашение, возмездие, пополнение казны.

Судебник мало внимания уделял гражданско-правовым отношениям, хотя упоминал право собственности, обязательственное и наследственное право. Это связано с тем, что гражданско-

правовые отношения неплохо регулировались в Русской Правде и Псковской судной грамоте, которые никто не отменял.

Процесс носил состязательно-розыскной характер, доказательством признавался и поле-судебный поединок.

По судоустройству Судебник подразделял суды на следующие виды: великокняжеский суд в составе великого князя или его сына, или боярина, назначаемого великим князем, а также дьяка, подьячего, а в некоторых случаях и печатника (при выдаче правовых грамот); боярский суд, состоящий из боярина или околоточного и дьяка; наместничий или волостельский суд, который состоял из наместника в городе или волостеля в уездах как представительной власти на суде, дворянского или старосты и лучших людей как представителей общества. Эти три вида выступали инстанциями: I – наместничий или волостельский и боярский суд, II – боярский суд. Великий князь являлся высшей судебной инстанцией.

Самостоятельным был только святительский (духовный или церковный) суд, который рассматривал дела всего духовенства и всех лиц церковного ведомства, а также дела мирян брачно-семейного и нравственного характера.

Таким образом, Судебник 1497 года являлся значительным источником права этого периода. Он унифицировал систему права, закрепил сложившиеся новые общественные отношения в области права, переработал почти все предыдущие законодательства. На его основе строилось и последующее отечественное законодательство.

На протяжении почти 53-х лет, с момента принятия Судебника 1497 года, продолжались дальнейшее объединение и централизация Русского государства. Перерастание дворцово-вотчинной системы в приказную явилось одним из показателей централизации Русского государства. В этот период происходят изменения в правовом положении отдельных социальных групп – дворян – помещиков и верхов посада, оплота великокняжеской, а затем и царской власти.

К причинам, вызвавшим принятие нового источника права – Судебника 1550 года [8, с. 97–173], можно отнести: становление сословно-представительной монархии; изменения общественных отношений социально-экономического и политического характера; беззаконие боярской верхушки, тормозившей централизацию Русского государства; рост преступных деяний должностных лиц, в особенности судебного произвола; необходимость закрепления новых составов преступлений и наказаний, а также систематизации законодательства, так как правовые акты были разбросаны по отдельным грамотам и другим юридическим актам.

Новый Судебник был принят и утвержден на заседании боярской Думы в июне 1550 года, получившего название царского. Его источниками стал, несомненно, Судебник 1497 года, который многие вопросы в области права (судоустройство, уголовное и процессуальное право, гражданско-правовые отношения и т.д.) только обозначил, а Судебник 1550 года их развил, дополнил и конкретизировал. К правовым источникам Судебника 1550 года относятся также и нормативно-правовые акты, принимавшиеся в период между первым и вторым судебниками. Это уложения, указы, уставные грамоты, дававшиеся великими князьями различным местностям Русского государства для вершения ими суда, грамоты отдельных княжеств, губные, таможенные и другие грамоты, затрагивающие вопросы права, а также административная и судебная практика. Необходимо отметить, что составители Судебника 1550 года осуществляли отбор из всего предшествующего законодательства, тех правовых источников, которые удовлетворяли Ивана IV, прозванного Грозным.

Продолжая и углубляя политику централизации государства, царский Судебник был направлен на ликвидацию последствий высшего боярского правления и укрепления позиции дворян, детей боярских и верхов городского населения, которые привлекались на государеву службу.

Судебник 1550 года значительно усилил роль центральных судебных органов, повысил их контроль за нижестоящими судебными органами, расширил институт доклада, который становился обязательным по наиболее опасным уголовным делам и для всех наместников и волостелей, сохранив для них права творить немедленный суд и расправу над «лихими людьми». Подтвердил Судебник и значение губных органов.

Судебная система практически осталась та, которая была закреплена в Судебнике 1497 года, но дополнялась составом суда: к боярам, акольничим и дьякам присоединялись представители дворцовой бюрократии – дворецкий и казначей, вводятся и приказной суд. Юрисдикция и состав наместничьего и волостельского суда изменялись. Из их ведения исключались дела о холопстве и детях боярских. В состав суда вводились представители местного дворянства, верхушка крестьянства и выборной администрации – старосты и целовальники.

Судебник 1550 года ограничил юрисдикцию негосударственных судов – вотчинного, общинного и церковного, определяя порядок работы смешанных (смесных) судов.

Судебник 1550 года предусмотрел новые преступления, связанные с судебной властью, а именно – вынесение неправильного решения в результате получения взятки, клевета на судей, отказ

от правосудия, подделка судебных документов. Судейские ошибки подразделялись на умышленные (корыстные) и неумышленные (бесхитростные).

Нельзя согласиться с авторами учебного пособия В.К. Цечоевым и В.И. Власовым о том, что «в процессуальном праве отменялся суд великого князя. Статья 1 (Судебника 1550 года) заменяла его судом бояр и окольничих» [11, с. 288]. Статья 7 Судебника 1550 года прямо указывает, что степень наказания определяется государем «и тем, которые управы не учинят, бытии от государя в опале» [8, с. 98].

В процессуальном порядке Царский Судебник в основном повторял положения Судебника 1497 года, окончательно закреплялись состязательный и розыскной процессы. Доказательства оставались те же, что и были по Судебнику 1497 года, т.е. письменные доказательства показаний свидетелей, крестное целование, поединок (поле). Авторы учебного пособия В.К. Цечоев и В.И. Власов неверно утверждают, что термин «поле» в Судебнике 1550 года отсутствует [11, с. 288]. О поле в Судебнике 1550 года закрепляется в ст. 9–14, 16 [8, с. 98–100].

В розыском процессе применялись арест, предварительное заключение под стражу, повальный обыск (массовый опрос), допрос, очная ставка и пытка.

В Судебнике 1550 года получили существенное развитие нормы уголовного права. Явно прослеживается репрессивный характер наказаний, увеличилось число дел, за которые применялись только наказания в виде смертной казни, расширилось применение торговой казни – битье кнутом на площади в торговые дни, появились новые виды наказаний – лишение свободы, т.е. тюремное заключение, битье кнутом.

Впервые в Судебнике 1550 года отграничивается разбой от грабежа, появляется понятие мошенничества, которое отграничивается от воровства (татьбы).

Гражданские правоотношения в Судебнике 1550 года закреплены те, что и в Судебнике 1497 года. Однако они конкретизируются, уточняются. Расширилась область обязательственного права. Так, заем подразделялся на два вида – с кабалой и без кабалы, различались банкротства по несчастью и злостное. Уточнялся порядок заключения договора купли–продажи, особенно при торговле лошадьми.

Детально регламентировались вопросы владения и распоряжения землей, в том числе выкупа родовых вотчин; порядок разрешения земельных споров; установление исковой давности по земельным спорам; запрет выдачи тарханных, указных и отзывных грамот.

Примечательно, что впервые в Судебнике 1550 года закреплялись нормы, лишавшие закон

обратной силы и провозглашавшие Царский Судебник единственным источником права, а также процедуры дополнения Судебника новыми материалами.

Важнейшим источником права XVII – начала XVIII в. являлось Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года (принято Земским Собором 29 января 1649 года) [12, с. 42–181].

Соборное Уложение стало первым печатным законом, оно было полным и совершенным для своего времени сводом правовых норм. Это был систематизированный закон, так как отражал правовые нормы различных отраслей права того времени.

С принятием Соборного Уложения был подведен итог длительному развитию русского права. Оно опиралось на все предшествующие законодательства, в особенности на правовые акты XII века.

В предисловии к Соборному Уложению приводятся официальные источники права, которые использовались для составления Соборного Уложения [12, с. 561–562]: 1) «правила святых апостолов и святых отцов» – церковные постановления вселенских и поместных соборов; 2) «градские законы греческих царей» – византийское право. Они были известны на Руси по Кормчим сборникам; 3) старые судебники, основной – Судебник 1550 года; 4) указы прежних государей российских, указания царя Михаила Федоровича, боярские приговоры. Обильным источником для Соборного Уложения были «Указные книги» московских приказов. Так, глава о холопьем суде была составлена по книге холопьевого приказа, главы о поместьях и вотчинах – по книгам поместного приказа [13, с. 309–315], о разбойных делах – по книге разбойного приказа [13, с. 263–292], по земским делам – по книге земского приказа [13, с. 293–393] и т.д. О порядке расположения глав составители Уложения брали образцами литовский Статут 1588 года [14, с. 348–454] и Закон судным людям, но они не везде следовали этому образцу.

Соборное Уложение состояло из 25-ти глав, разделенных на 967 статей, и предисловия, которое поясняло мотивы и историю составления, а также перечисляло правовые источники, положенные в основу составления Уложения.

Соборное Уложение 1649 года явилось значительным шагом развития российского законодательства. Оно оформило новые, соответствующие своему времени нормы, определило в значительной степени и последующее законодательство. Нормы Уложения действовали более

двух веков, а отдельные гражданско-правовые нормы – до начала XIX столетия.

Заключение. Таким образом, по мере развития общества, экономических и социальных отношений на различных исторических стадиях России возникали и применялись разные источники права. В первоначальный период действовало обычное право, затем издавались нормативные правовые акты, которые именовались уставами, грамотами, уложениями и т.д. Совершенствование норм права в рассматриваемый период привело к становлению современной системы источников права в России и Беларуси.

Литература

1. Памятники российского права: учеб.-науч. пособие: в 35 т. / под общ. ред. проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013–2017. – Т. 1: Памятники права Древней Руси. – 2013. – 528 с.
2. Аргучинцев, Г.К. История государства и права славянских народов: курс лекций для студентов специальности «Правоведение» / Г.К. Аргучинцев. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2006. – 303 с.
3. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – 1984. – 430 с.
4. Юшков, С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков. – М.: Изд. юрид. лит., 1950. – 263 с.
5. Тихомиров, М.Н. Исследование о Русской Правде (происхождение текстов) / М.Н. Тихомиров. – М.: Акад. наук СССР, 1941. – 263 с.
6. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / соч. И.Ф.Г. Эверс; пер. с нем. И. Платонов. – СПб.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. – XXII, 422, [2] с.
7. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.: Госполитиздат, 1953. – 586 с.
8. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – 1985. – 518 с.
9. Юшков, С.В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника) / С.В. Юшков. – Саратов: Изд-е Правления Саратов. ун-та, 1926. – 46 с.
10. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (черки социально-политической истории) / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1982. – 333 с.
11. Цечоев, В.К. История отечественного государства и права / В.К. Цечоев, В.И. Власов. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 576 с. – (Учебники).
12. Памятники Российского права: учеб.-науч. пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013–2017. – Т. 3: Памятники права Московского государства, кн. 3. – 2014. – 432 с.
13. Памятники Российского права: учеб.-науч. пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013–2017. – Т. 3: Памятники права Московского государства, кн. 2. – 2014. – 488 с.
14. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. савец. энцыкл.; редкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.: іл.

Поступила в редакцию 19.01.2022

Материальные гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ

Гуминский М.Н.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Актуальность изучения темы обусловлена тем, что действующая система материальных гарантий сформулирована на уровне науки административного права некорректно и не отражает всей полноты существующих их видов. Кроме того, важными для исследования являются вопросы неэффективности материальных гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь.

Цель статьи – исследовать систему материальных гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и осуществить ее критический анализ.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды и публикации в дисциплине административного права. Предметом исследования выступают нормы административного и конституционного законодательства Республики Беларусь. В качестве методов использованы: дедукция, индукция, анализ, синтез, метод толкования права, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. В данной статье рассматриваются вопросы и проблемы, которые связаны с определением сущности материальных гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Автором исследуются различные виды материальных гарантий в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, осуществляется их детальный анализ с выявлением направлений по их совершенствованию.

Результаты исследования внедрены в деятельность криминальной милиции УВД Витебского облисполкома, а также главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции МВД Республики Беларусь.

Заключение. Материальные гарантии выступают одним из элементов гарантирования деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Данная группа гарантий представляет собой обязательства государства по финансовому обеспечению достойной заработной платы сотрудников, материального и финансового обеспечения деятельности органов внутренних дел, по предоставлению технических средств, а также по предупреждению дестабилизации законодательства, регламентирующего деятельность в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Ключевые слова: ОВД, материальные гарантии, финансовое обеспечение, денежное довольствие, финансирование мероприятий.

Material Guarantees in the Field of Countering Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances

Huminski M.N.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The relevance of the study is due to the fact that the current system of material guarantees is formulated incorrectly at the level of the science of administrative law, does not reflect the entirety of their existing types. In addition, issues in the field of studying the inefficiency of existing material guarantees in the field of countering drug trafficking in the Republic of Belarus are important for the study.

The purpose of this article is to study the system of material guarantees in the sphere of combating drug trafficking and to carry out its critical analysis.

Material and methods. The object of the study is the social relations developing in the sphere of regulation of material guarantees of countering illegal drug trafficking in the Republic of Belarus.

The material research basis was scientific works and publications in the scientific discipline of administrative law. The subject of the study is the norms of the administrative and constitutional legislation of the Republic of Belarus. The following research methods were used: deduction, induction, analysis, synthesis, method of interpretation of law, method of formal legal analysis.

Findings and their discussion. This article discusses issues and problems related to the definition of the essence of material guarantees in the field of countering drug trafficking. The author examines various types of material guarantees in the field of combating drug trafficking, carries out their detailed analysis with the identification of directions for their improvement.

The findings of the study were introduced into the activities of the criminal police of Vitebsk Regional Executive Committee, as well as the main Directorate for Drug Control and Combating Human Trafficking of the Criminal Police of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Conclusion. Material guarantees are one of the elements of guaranteeing activities in the field of countering illicit drug trafficking. This group of guarantees represents the state obligations to financially ensure decent salaries for employees, material and financial support for the activities of internal affairs bodies, to provide technical means, as well as the stability of legislation regulating activities in the field of countering drug trafficking.

Key words: DIA, material guarantees, financial support, monetary allowance, financing of events.

Актуальность изучения обусловлена тем, что действующая система материальных гарантий сформулирована на уровне науки административного права некорректно и не отражает всей полноты существующих их видов. Кроме того, важными для исследования являются вопросы неэффективности существующих материальных гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь.

Цель статьи – исследовать систему материальных гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и осуществить ее критический анализ.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды и публикации в административном праве. Предметом исследования выступают нормы административного и конституционного законодательства Республики Беларусь. В качестве методов использованы: дедукция, индукция, анализ, синтез, метод толкования права, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Материальные гарантии являются одними из важнейших в системе всего организационного механизма гарантирования в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Материальные гарантии (социально-экономические гарантии) – это совокупность предусмотренных на уровне законодательства материальных благ, способствующих реализации уполномоченными государственными органами своих полномочий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. В данную группу гарантий включаются стабильность и эффективность работы государственного аппарата, материальная и финансовая поддержка, своевременная выплата заработной платы сотрудникам, финансирование мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков и др.

В то же время в Республике Беларусь отмечается проблема неэффективности закрепленных материальных гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, что влечет за собой недостаточную разработанность нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной области.

Отдельные аспекты анализа сущности и видов материальных гарантий органов внутренних дел становились предметом исследования ряда ученых, к примеру, Н.В. Малаховой [1], Д.Н. Шухруновой [2], К.К. Гасанова [3] и др.

Как отмечает Н.В. Малахова, в настоящее время со стороны населения к государству предъявляются повышенные требования к органам вну-

тренних дел. В этой связи необходимо подчеркнуть заинтересованность государства в повышении производительности труда для сотрудников органов внутренних дел, в разработке государственной политики, направленной на повышение заинтересованности сотрудников в получении максимального результата при осуществлении деятельности, связанной с противодействием незаконному обороту наркотиков [1, с. 13].

Отметим свою приверженность указанному подходу, поскольку в действительности материальные гарантии влияют на эффективность работы органов внутренних дел. Именно материальная заинтересованность сотрудников в оценке результатов их труда является одним из главных факторов, способствующих эффективности их работы.

Направления деятельности, полномочия государственных органов, осуществляющих противодействие незаконному обороту наркотиков, регулируются достаточно большим количеством нормативных правовых актов, в числе которых внутриведомственные приказы Министерства внутренних дел для ограниченного пользования. Основным нормативным правовым актом, определяющим полномочия в указанной сфере, является Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон) от 13 июля 2012 г. № 408-З. Закон определяет правовые и организационные основы государственной политики в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, а также направлен на профилактику потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в целях обеспечения национальной безопасности, охраны жизни и здоровья граждан.

На наш взгляд, Закон характеризуется достаточной стабильностью в своем содержании, о чем свидетельствует незначительное количество изменений и дополнений с 2012 по 2021 год. В частности, последние изменения были внесены Законом Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам судебно-экспертной деятельности» от 15 июля 2021 г. № 120-З и касались усовершенствования правовой основы отношений в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов за счет включения актов Евразийского экономического союза в блок правового регулирования. Кроме того, были внесены изменения и дополнения, касающиеся порядка отнесения химических веществ к аналогам путем проведения судебной экспертизы.

Должная организация деятельности по противодействию незаконному обороту нарко-

тивов выражается в разработке комплексных программ целевого назначения, в которых определены направления, цели, задачи и конкретные мероприятия, направленные на противодействие незаконному обороту наркотиков. Организация такой работы началась в 2015 году с подготовкой и утверждением на уровне Правительства первого комплексного плана мероприятий, ориентированных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией.

Последующий анализ принятых мер позволил выявлять уязвимые, требующие корректировки в организации работы направления и учитывать их при подготовке аналогичных планов на 2017–2018, 2019–2020, 2021–2022 годы. В последнем комплексном плане мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2021–2022 годы обращается внимание на эффективность принимаемых таких программных документов в части обеспечения стабильности и эффективности работы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, что подтверждается улучшением статистических данных по раскрытию преступлений.

Так, в интервале с января 2015 по январь 2019 года в стране ежегодно отмечалось снижение количества выявленных наркопреступлений (с 7268 до 4906); числа несовершеннолетних, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (с 366 до 59); количества доставлений в учреждения здравоохранения в связи с отравлением психоактивными веществами (с 1068 до 327, а среди несовершеннолетних со 149 до 11); числа наркозависимых, состоящих под наблюдением у врачей-психиатров-наркологов (с 15527 до 12544). В 2021 году правоохранными органами выявлено 4643 наркопреступления (ст. 327–332 УК) против 3541 в 2020 году (+1102, или 31,1%).

Следовательно, стабильная и эффективная работа государственных органов в области противодействия незаконному обороту наркотиков является важной материальной гарантией. Реализация и обеспечение стабильности деятельности государственных структур гарантируются достаточно устойчивой правовой базой, не подверженной частому внесению изменений и дополнений в нормативные правовые акты, а также комплексному подходу к ведению работы по противодействию незаконному обороту наркотиков путем

разработки программных планов мероприятий по всей Республике Беларусь в целом.

Следующей материальной гарантией выступают меры материальной и финансовой поддержки. В данном аспекте речь необходимо вести о финансировании мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков, а также финансировании деятельности государственного аппарата. Конкретные меры финансовой поддержки и объем выделяемых средств предусматриваются в Законе Республики Беларусь о республиканском бюджете на очередной финансовый год, а также в иных документах программного характера.

Подчеркнем, что помимо финансирования отдельных мероприятий важным аспектом является выделение бюджетных средств на техническое оснащение для сотрудников, осуществляющих борьбу с незаконным оборотом наркотиков. К примеру, в настоящий момент продолжается работа по внедрению в органы внутренних дел средств и систем радиосвязи стандарта DMR. Кроме того, органами внутренних дел проводятся мероприятия по дальнейшему обеспечению защиты информации при ведомственной сети передачи данных. Для этого на постоянной основе осуществляется модернизация серверного и коммуникационного оборудования, что позволяет максимально быстро и с гарантиями защиты передавать информацию, касающуюся нарушений правил оборота наркотиков, в необходимые службы. Следует отметить, что во 2-м полугодии 2021 года из бюджетных средств было выделено 9433,6 тыс. рублей на проведение капитального ремонта объектов подразделений органов внутренних дел.

В органах внутренних дел принимаются меры по вещевому обеспечению сотрудников. В частности, действует Приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь «О вещевом обеспечении органов внутренних дел» от 26.10.2020 № 208.

Важной материальной гарантией в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков выступает финансирование государством деятельности по индивидуальной программе социальной реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью (далее – ИПСР). В республике принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 2015 г. № 803 «Об утверждении Концепции социальной реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, с обязательным привлечением их к труду» (далее – Постановление), нормы которой направлены на реинтеграцию в общество (адаптацию в обществе) лиц, страдающих от наркотической зависимости.

В целях реализации норм вышеуказанного Постановления принята Инструкция о порядке межведомственного взаимодействия государственных органов и подчиненных им организаций в целях обеспечения социальной (добровольной и принудительной) реабилитации (адаптации) лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией и зависимостью от других психоактивных веществ, с обязательным привлечением их к труду (далее – Инструкция). В Инструкции четко обозначены задачи и направления добровольной и принудительной реабилитации граждан.

Как показывает практика, работа по социальной реабилитации строится исключительно на принципе добровольности обращения человека в органы по труду, занятости и социальной защите за помощью.

На основании сведений из ИПСР органы по труду, занятости и социальной защите осуществляют оперативное информирование граждан о различных формах и видах помощи и возможностях ее получения путем направления письменных уведомлений с соответствующей информацией по телефону или при обследовании мест проживания таких граждан.

Отдельного внимания заслуживает финансирование ИПСР несовершеннолетних субъектов. В Республике Беларусь вопросы реабилитации и ресоциализации урегулированы на уровне ряда законодательных актов и актов законодательства. Так, принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 июня 2017 г. № 487 «Об утверждении Положения о порядке комплексной реабилитации несовершеннолетних, потребление которыми наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива установлены в соответствии с законодательством».

Отметим, что вопросы помещения несовершеннолетних лиц в специальные лечебно-воспитательные учреждения решаются на основании комплексного учета всех факторов, действий несовершеннолетнего лица, а также в силу неэффективности принимаемых ранее предупредительных мер.

Мероприятия по обеспечению занятости молодежи и необходимые для этого финансовые ресурсы включены в Государственную программу «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы, утвержденную постановлением Совета Министров от 30 января 2020 г. № 777. Так, согласно данным Программы на указанный период предусмотрено следующее финансирование: 221683260 рублей, в том числе средства республиканского бюджета – 5176500 рублей,

средства фонда – 216039150 рублей, из них 204163690 рублей – субвенции, передаваемые из средств фонда в консолидированные бюджеты областей и г. Минска, средства местных бюджетов – 467610 рублей.

Из данных Решения оперативного совещания от 05.08.2021 № 2 «Об итогах работы тыловых и финансовых служб органов внутренних дел и внутренних войск в 1-м полугодии 2021 года, основных задачах на 2-е полугодие 2021 года» следует, что в целом обеспечена стабильность тылового и финансового обеспечения органов внутренних дел. В то же время в данном Решении определены актуальные задачи, позволяющие раскрыть ряд проблемных аспектов, в частности руководящему составу:

1) поручено снизить первоочередные расходы с учетом бюджетных ограничений;

2) принимать меры по мониторингу контроля за начислением заработной платы.

Таким образом, меры финансовой поддержки государством деятельности, связанной с противодействием незаконному обороту наркотиков, как одна из материальных гарантий государства представлены в нескольких направлениях:

1) финансирование деятельности государственного аппарата, что предусматривается в нормах ежегодно принимаемого Закона о бюджете на очередной финансовый год;

2) финансирование профилактических и иных мероприятий, предписанных в программных документах в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков;

3) меры финансовой поддержки, направленные на личность, в частности, выполнение программы ИПСР для лиц, страдающих наркотической зависимостью.

Следующей важной материальной гарантией в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков выступают меры финансовой и материальной поддержки сотрудников соответствующих органов и их семей. Меры, принимаемые в данной сфере, можно разделить на следующие группы:

1. В области материального стимулирования, повышения премий, установления отдельных надбавок в заработной плате сотрудников. К примеру, сотрудникам выплачивается единовременное денежное вознаграждение при заключении (продлении) контракта. В органах внутренних дел активно внедрены и используются информационные технологии при проведении контроля за начислением заработной платы сотрудникам. В частности, автоматизированная информационная система «Начисление и учет денежного довольствия и заработной платы» позволяет проводить мониторинг начисления денежного довольствия.

Подчеркнем, что ежемесячное денежное довольствие сотрудника структурно представлено в виде двух элементов: оклада денежного содержания и дополнительных выплат. Положительно отметим, что сотрудникам наркоконтроля установлена отдельная надбавка к жалованию «надбавка оперативных и специальных подразделений», размер которой определен в Приказе Министерства внутренних дел Республики Беларусь «О порядке и условиях выплаты денежного довольствия сотрудникам органов внутренних дел Республики Беларусь» от 17.09.2017 № 55/ДСП.

2. В сфере обеспечения жилыми помещениями сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих деятельность в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Одним из нормативных правовых актов, регулирующих объемы предоставления жилых помещений сотрудникам, осуществляющим борьбу с незаконным оборотом наркотиков, является постановление Совета Министров Республики Беларусь «О мерах выполнения заданий по строительству жилых домов и объектов инженерной и транспортной инфраструктуры к ним на 2021 год».

Среди внутренних документов в сфере предоставления жилых помещений сотрудникам в настоящий момент действует Приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 05.08.2016 № 213, которым утверждена Инструкция о порядке предоставления индивидуальных ходатайств о предоставлении жилых помещений коммерческого использования коммунального жилищного фонда, в рамках которой определен порядок обращения с рапортом с индивидуальным ходатайством к руководителю структурного подразделения.

Кроме того, порядок предоставления арендного жилья, первоочередность такого предоставления и основания для обеспечения арендным жильем отдельных категорий сотрудников органов наркоконтроля регламентированы Приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Об арендном жилье» от 28.10.2020 № 212.

Исходя из вышеизложенного, мы констатируем, что в органах внутренних дел путем из-

дания Приказов Министерства внутренних дел Республики Беларусь на ведомственном уровне решаются вопросы, связанные с установлением надбавок, мониторинга заработной платы сотрудников, обеспечения их арендным жильем. В целом анализ обозначенной группы гарантий свидетельствует о стабильности законодательства и его реализации в данной области, что подтверждается данными, принятыми в Решении оперативного совещания. Положительно стоит отметить использование и постоянную модернизацию информационных технологий в отделах внутренних дел в сфере реализации ряда материальных гарантий, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

Заключение. Материальные гарантии выступают одним из ключевых элементов реализации деятельности заинтересованных субъектов (в первую очередь, правоохранительных органов) в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Данная группа гарантий представляет собой обязательства государства по финансовому (материальному) обеспечению достойной заработной платы сотрудников (денежного довольствия), материального и финансового обеспечения деятельности органов внутренних дел, по обеспечению техническими средствами, а также стабильности и устойчивости законодательства, которое регламентирует деятельность в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Эти гарантии обеспечивают бесперебойное функционирование деятельности органов внутренних дел в данной сфере.

Литература

1. Малахова, Н.В. Вопросы стимулирования служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Н.В. Малахова // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 1. – С. 13–15.
2. Шурухнова, Д.Н. Система социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные обязанности в особых условиях / Д.Н. Шурухнова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 5. – С. 56–63.
3. Правовое обеспечение организации работы с кадрами в органах внутренних дел: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Е.В. Климкина и др.]; под ред. К.К. Гасанова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 180 с.

Поступила в редакцию 03.06.2022

Информационно-аналитическая деятельность в сфере национальной безопасности: проблемное поле

Баньковский А.Л.

Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь

В статье на базе анализа теории и практики организации информационно-аналитической деятельности (далее – ИАД) в сфере национальной безопасности, зарубежных подходов и передовых практик обосновывается наличие определенных проблемных аспектов, которые в силу различных факторов затрудняют развитие ИАД. Приводится авторское видение ключевых направлений ее дальнейшего совершенствования.

Цель работы – определить контуры проблемного поля современной информационно-аналитической деятельности в сфере национальной безопасности, а также наиболее оптимальные научно обоснованные пути их решения.

Материал и методы. Для проведения исследования использовались методы системного анализа, синтеза существующих теоретических подходов и практических аспектов ИАД, а для определения методологического фундамента дальнейших научных изысканий в данной области – постнеклассический универсальный эволюционизм.

Результаты и их обсуждение. Промежуточные результаты проводимого исследования свидетельствуют, что в современных условиях навязываемой извне гиперреальности и так называемой новой нормальности формируется ряд проблемных теоретико-прикладных аспектов, препятствующих эффективной организации ИАД в сфере национальной безопасности.

Заключение. Обосновывается вывод о том, что разрешению выявленных и иных проблем ИАД будет способствовать разработка теоретико-прикладных основ современной модели ИАД применительно к целям и задачам субъектов системы обеспечения национальной безопасности. В качестве стратегической цели в данной области выступает формирование национальной аналитической школы. Реализация указанных мер будет способствовать повышению качества подготовки управленческих решений с целью дальнейшего устойчивого развития.

Ключевые слова: информационно-аналитическая деятельность, проблемное поле, национальная безопасность, новая нормальность, постнеклассический универсальный эволюционизм.

Information and Analytical Activities in the Field of National Security: a Problematic Field

Bankovski A.L.

State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus

In the article, based on the analysis of the theory and practice of organizing information and analytical activities (hereinafter – IAA) in the field of national security, the existence of a certain problem field is proved, which, due to various factors, hinders the development of IAA. The author's vision of the basic directions of its further improvement is substantiated.

The purpose is to determine the contours of the problem field of modern IAA in the field of national security, as well as to determine the most optimal scientifically based ways to solve them.

Material and methods. The methods of system analysis, synthesis of existing theoretical approaches and practical aspects of IAA were used to conduct the study; post-nonclassical universal evolutionism was used to determine the methodological foundation for further scientific research in this area.

Findings and their discussion. Intermediate results of the ongoing research indicate that in modern conditions of hyperreality and the so-called “new normality” imposed from the outside, a number of problematic theoretical and applied aspects are formed that impede the effective organization of IAA in the field of national security.

Conclusion. The conclusion is substantiated that the development of theoretical and applied foundations of the modern model of the IAA in relation to the goals and objectives of the subjects of the national security system will contribute to the resolution of the identified and other problems of the IAA. The strategic goal in this area is the formation of a national analytical school. The implementation of these measures will help improve the quality of preparation of management decisions for the purpose of further sustainable development.

Key words: information and analytical activity, problem field, national security, new normal, post-nonclassical universal evolutionism.

В современных условиях аномального роста постпандемийной и конфликтогенной неопределенности во всех сферах жизнедеятельности, которую ученые и практики пытаются объ-

яснить через категорию так называемой новой нормальности [1], а в научно-популярной публицистике с подачи Н. Талеба описывать с помощью феномена «черных лебедей» [2], потребность в четком и профессиональном стратегическом

анализе происходящих событий значительно возрастает.

Дополнительными факторами, осложняющими решение данной задачи, остаются продолжение скачкообразного развития информационно-коммуникационных технологий, экспоненциальный рост объемов информации (прежде всего «больших данных»), которую необходимо учитывать при выработке, обосновании и принятии управленческих решений. В контексте массового тиражирования всевозможных симулякров в понимании Ж. Бодрийяра [3] в условиях навязываемой извне гиперреальности объективный и беспристрастный анализ реальной обстановки в сфере национальной безопасности, а также релевантный прогноз ее развития представляется все более трудновыполнимой задачей.

Учитывая нехватку ресурсов, некоторое отставание уполномоченных государственных органов от бизнес-сообщества в рамках разработки и внедрения различных ноу-хау, одним из важнейших направлений повышения качества управленческого процесса является совершенствование ИАД. В то же время, исходя из анализа доступных источников и литературы, а также практики современной информационно-аналитической деятельности, можно говорить о наличии ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем, которые в силу различных факторов формируют проблемное поле и затрудняют дальнейшее развитие ИАД.

Цель работы – определить контуры проблемного поля современной информационно-аналитической деятельности в сфере национальной безопасности, а также наиболее оптимальные научно обоснованные пути их решения.

Материал и методы. Для проведения исследования использовались методы системного анализа, синтеза существующих теоретических подходов и практических аспектов ИАД, а для определения методологического фундамента дальнейших научных изысканий в данной области – постнеклассический универсальный эволюционизм.

Результаты и их обсуждение. Невзирая на попытки рассмотрения отдельных вопросов ИАД применительно к теории и практике государственного управления [4, с. 450–462], систематизации наработанных подходов к организации ИАД на ведомственном уровне, проведение отдельных диссертационных изысканий [5], издание монографических работ по использованию отдельных методов в ИАД [6] в отечественной научной и специальной литературе указанная проблема все еще не получила должного изучения. Не в полной мере сформирован заказ на проведение научно-прикладных исследований в рассматриваемой

сфере на республиканском уровне. В то же время в Российской Федерации, Азербайджане [7], других странах СНГ за последние десятилетия отмечается активизация исследовательской работы по актуальным вопросам ИАД. Так, в комплексных трудах П.Ю. Конотопова и Ю.В. Курносова [8], иных авторов [9–12] рассматриваются различные аспекты данной проблемы, в том числе на уровне федеральных и региональных субъектов государственного управления, отдельных правоохранительных органов.

В западном научном и публицистическом дискурсе также важное значение уделяется рассмотрению вопросов ИАД в сфере национальной безопасности, разведывательной деятельности [13–14]. В частности, традиционной особенностью американских разработок в данной области является их высокая практико-ориентированность. Так, бывший аналитик ЦРУ Morgan D. Jones [15] предлагает широкому кругу читателей «14 мощных инструментов», которые, по его мнению, помогут решению конкретных бизнес и иных сложных и нестандартных проблем по методикам спецслужб. Это один из показательных примеров своего рода конверсии в сфере ИАД, когда отдельные методы и приемы, применяемые субъектами системы обеспечения национальной безопасности, могут успешно использоваться в иных сферах жизнедеятельности общества.

В отношении внешнеэкономической сферы исследование модели функционирования германских торгово-промышленных палат [16] также позволяет сделать вывод, что, наряду с консультационной, их экспертно-аналитическая функция является одним из ключевых видов деятельности этих структур.

Промежуточные результаты проводимого автором комплексного исследования ИАД применительно к теории и практике обеспечения национальной безопасности [17] позволили выявить ряд проблемных теоретико-прикладных аспектов.

Первое. Наличие методологической неопределенности в отношении структуры, сущности и содержания феномена современной ИАД, ее места и роли в системе обеспечения национальной безопасности, соответствующих отраслях гуманитарных и иных наук, особенностей правового регулирования, а также перспективных направлений ее дальнейшего развития.

Второе. Использование традиционных, в ряде случаев устаревших, методов ИАД на различных уровнях принятия управленческих решений (тактическом, оперативном, стратегическом) приводит к снижению эффективности данного вида деятельности, сохранению режима «ручного» управления. Недостаток адаптирован-

ных научно обоснованных методик организации и проведения аналитических исследований, практического применения новых форм, методов и приемов современной ИАД, прежде всего оценки состояния национальной безопасности.

Третье. Отсутствие единых стандартов в сфере осуществления ИАД как на ведомственном, так и на республиканском уровне, что существенно затрудняет не только собственно проведение ИАД, но и выработку обоснованных квалификационных требований к профессиональным кадрам в данной сфере.

Четвертое. Различные ведомственные подходы к программно-аппаратной и интеллектуальной архитектуре при формировании банков и баз данных, информационно-аналитических систем поддержки принятия управленческих решений могут привести к определенным трудностям при организации межведомственного взаимодействия и информационного обмена, а также дальнейшей эволюции национальной системы информатизации.

Пятое. Наличие различных несистематизированных организационно-управленческих решений, а также противоречий в определении роли и места соответствующих информационно-аналитических подразделений (далее – ИАП) в структурно-функциональной системе органов государственного управления, организаций. Отсутствие в отдельных субъектах системы обеспечения национальной безопасности информационно-аналитических подразделений, а выполнение их функций различными, в том числе непрофильными структурами и специалистами, может приводить в некоторых ситуациях к снижению качества информационно-аналитической продукции.

Шестое. Низкий, в ряде случаев фрагментарный, уровень регулирования в ведомственных нормативных правовых актах вопросов организации ИАД (либо отсутствие такого регулирования), что также затрудняет выполнение возложенных на ИАП задач.

Седьмое. Наличие комплекса вопросов в существующей системе ведомственной/межведомственной подготовки и переподготовки специалистов-аналитиков для решения задач ИАД в сфере обеспечения национальной безопасности. Отсутствие либо недостаток собственной научно-исследовательской и учебной базы для их обучения, переподготовки, повышения квалификации.

Восьмое. Недостаточно эффективная работа по формированию кадрового резерва аналитиков с учетом перспективной потребности в развитии отдельных узкопрофильных направлений ИАД. Нехватка либо отсутствие «обратной связи» с отдельными заказчиками данного вида образовательной услуги.

Девятое. Неявное определение места и роли, организационно-правового статуса государственных и некоммерческих «фабрик мысли» в системе государственного управления.

Десятое. Недостаточная определенность (либо отсутствие) этических основ ИАД, включая морально-этическую ответственность аналитиков за подготовленную ими информационно-аналитическую продукцию (оценки, выводы, прогнозы, обоснование альтернатив управленческих решений и т.п.). В первую очередь, это касается так называемых псевдоаналитиков, которые всегда «знают» точные ответы на все вопросы (что произойдет, как, почему и что это значит). Определяющее значение в данном контексте имеет патриотизм аналитика, его «государственный образ мышления», направленность на формирование условий и поиск направлений для устойчивого прогрессивного развития.

Кроме того, отсутствие в Республике Беларусь комплексного научно-прикладного исследования ИАД в системе обеспечения национальной безопасности, прежде всего в контексте определения научно обоснованной практико-ориентированной методологии мониторинга рисков, вызовов, угроз, их оценки, прогноза, обоснования и подготовки выверенных альтернатив для принятия наиболее эффективных управленческих решений.

Одновременно, как показывает анализ существующих практик осуществления ИАД, в процессе ее реализации сотрудникам ИАП некоторых организаций нередко приходится сталкиваться со следующими наиболее характерными проблемными вопросами:

- отсутствие в отдельных управленческих системах у сотрудников ИАП прямого контакта с лицами, принимающими решения (далее – ЛПР), что в том числе может приводить к искажению поставленной задачи и/или отсутствию с ними «обратной связи»;
- наличие явных/неявных семантических барьеров с ЛПР;
- переизбыток «информационного шума», всевозможных симулякров, а также недостоверной (непроверенной либо труднопроверяемой) информации при недостатке достоверных данных для оперативного решения поставленных ЛПР задач;
- отсутствие (зачастую недостаток понимания) общего видения границ и проблемно-ценностных горизонтов решаемой аналитической задачи;
- недостаток профессиональных навыков и компетенций, оперативное восполнение которых в короткие сроки и без отрыва от решения поставленной задачи существенно затруднено, необходимость постоянного повышения квалификации;

- возможная нехватка внутриведомственного и внешнего научно-прикладного и экспертного потенциала для качественного оперативного решения задач ИАД (без проведения долгосрочных научных исследований, зачастую носящих не только прикладной, но и фундаментальный характер);

- ограниченные ресурсные и программно-аппаратные возможности;

- зачастую недостаточная степень научно обоснованной структурно-функциональной организованности процессов ИАД;

- недостаточная мотивация сотрудников ИАП к частому решению сложных и нестандартных задач ИАД;

- сохранение в отдельных случаях архаичного подхода к формированию кадров ИАП, исходя из принципа (как правило, неявного): не справился с основным участком работы – можно идти в аналитики.

Для более успешного разрешения указанных и иных проблемных аспектов в рамках организации ИАД, в дополнение к уже реализуемым на республиканском, межведомственном и ведомственном уровнях мерам, с целью повышения уровня их научной обоснованности предлагается использовать методологический базис постнеклассического универсального эволюционизма [18], сформулированный основателем минской методологической школы блестящим ученым-философом академиком В.С. Степиным в качестве основы современной научной картины мира. В частности, им обосновывается концепция «парадигматических трансплантаций» как принципиально нового вида научных революций, лишенных соответствующих куновских кризисов нормальной науки, когда даже благодаря простому взаимодействию различных наук при определенных обстоятельствах возникают научные переломы в одной, двух или большем числе соответствующих дисциплин [19]. В связи с этим представляется целесообразным исходить из общего вывода В.С. Степина о том, что универсальный эволюционизм предполагает соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении он не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но и преодолевает ограниченность простого феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа, что наиболее важно и рационально близко к решению, как правило, нестандартных полифункциональных задач ИАД в сфере обеспечения национальной безопасности.

Заключение. Таким образом, анализ зарубежных научных и иных источников свидетельствует, что недостаток исследований и научно обоснованных методических разработок в отношении ИАД в нашей стране повышает вероятность отставания даже от партнеров по СНГ, которые уделяют данным вопросам самое пристальное внимание.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость разработки научно обоснованных предложений по методологическому совершенствованию ИАД, комплексному анализу данного феномена в системе обеспечения национальной безопасности.

Представляется, что успешному разрешению выявленных и иных проблемных аспектов, с которыми в той или иной степени сталкиваются в повседневной деятельности сотрудники ИАП, во многом может способствовать разработка теоретико-прикладных основ современной ИАД, ее стройной научно обоснованной практико-ориентированной модели, понятийно-категориального аппарата, применительно к целям и задачам субъектов системы обеспечения национальной безопасности.

Практическое применение методологии постнеклассического универсального эволюционизма в рамках ИАД позволяет, используя уже известный гносеологический инструментарий, методику оценки состояния национальной безопасности, заглянуть в суть исследуемой проблемы, выявить ее главные детерминанты, установить определяющие взаимосвязи между системными элементами и предложить в итоге наиболее оптимальные варианты управленческих альтернатив, сузив таким образом для ЛПР область неизвестного.

В качестве стратегической цели в данной области выступает формирование национальной аналитической школы, фундаментом которой должна стать система профессиональной подготовки и переподготовки аналитиков в системе субъектов обеспечения национальной безопасности на базе ведущих республиканских и ведомственных вузов. Реализация указанных мер будет способствовать формированию основы для повышения качества подготовки управленческих решений с целью дальнейшего устойчивого развития, создания для этого наиболее безопасных условий и предпосылок.

Литература

1. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета [Электронный ресурс]: пер. с англ. / под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/info/globalnaya-sistema-na-perelome-puti-k-novoy-normalnosti>. – Дата доступа: 10.06.2022.

2. Талеб, Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Талеб. – 2-е изд., доп. – М., 2019. – 736 с.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
4. Князев, С.Н. Управление: искусство, наука, практика: учеб. пособие / С.Н. Князев. – Минск: Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2002. – 512 с.
5. Худяков, А.В. Информационно-аналитическое обеспечение политического управления: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.В. Худяков. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 23 с.
6. Евелькин, Г.М. Социальные процессы и национальная безопасность: монография / Г.М. Евелькин. – Минск: ИНБ Респ. Беларусь, 2020. – С. 360.
7. Набибекова, Г.Ч. Разработка информационно-аналитической системы поддержки принятия решений в области внешней политики / Г.Ч. Набибекова // Informasiya sәtiyuәti problemlәri. – 2010. – № 2. – С. 64–72.
8. Конотопов, П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / П.Ю. Конотопов, Ю.В. Курносков. – М.: РУСАКИ, 2004. – 512 с.
9. Вахрушев, В.Ю. Развитие научно-методических положений по созданию ситуационного центра ФТС России в интересах совершенствования информационно-аналитического обеспечения управления деятельностью таможенных органов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / В.Ю. Вахрушев. – М., 2012. – 166 л.
10. Демидов, А.А. Информационно-аналитические системы поддержки принятия решений в органах государственной власти и местного самоуправления. Основы проектирования и внедрения: учеб. пособие / А.А. Демидов, Ю.Н. Захаров. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 100 с.
11. Первухин, А.С. Административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности в системе МВД России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.С. Первухин. – М., 2014. – 150 л.
12. Левкин, И.М. Теория и практика информационно-аналитической работы / И.М. Левкин. – Курск: НАУКОМ, 2011. – 389 с.
13. Kent, S. Strategic Intelligence for American World Policy / S. Kent. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1949. – 226 p.
14. Хилсмен, Р. Стратегическая разведка и политические решения / Р. Хилсмен; пер. с англ. К.П. Сониной и О.Е. Зильберберг. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 192 с.
15. Морган, Дж. Решение проблем по методикам спецслужб. 14 мощных инструментов / Дж. Морган; пер. с англ. Н. Брагиной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 432 с.
16. Иванова, А. Роль научно-аналитической деятельности в системе торгово-промышленных палат Германии / А. Иванова // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 121–129.
17. Баньковский, А.Л. Основные направления совершенствования информационно-аналитической деятельности в системе обеспечения национальной безопасности / А.Л. Баньковский // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и организационные аспекты: Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г.: в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 144–148.
18. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М., 2000. – С. 641–646.
19. Ленк, Х. Международное значение философских идей В.С. Степина / Х. Ленк // Академик В.С. Степин. Тайна долгого пути... / сост. А.Н. Данилов; редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 8–10.

Поступила в редакцию 21.06.2022

Анализ кластерного развития: европейский опыт для Республики Беларусь

Яшева Г.А., Савосина А.А., Кондратьева В.Д.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Формирование и развитие кластеров – это неотъемлемая часть экономических процессов в экономиках большинства стран мира.

Цель статьи – провести анализ кластерного развития в странах ЕС и Республике Беларусь, выявить позитивные тренды и проблемы, на основе чего сформулировать направления развития кластеризации в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследований послужили научные труды зарубежных и отечественных ученых по вопросам создания и функционирования кластеров, отчеты о кластерном развитии ЕС, статистические базы по кластерам Европейской кластерной обсерватории, аналитические материалы Министерства экономики Республики Беларусь. Использованы следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии, а также экономико-статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Проведен анализ кластерной статистики, который свидетельствует о росте количества кластеров и различающемся уровне кластеризации в странах ЕС. Особенностью кластеров в Европейском союзе является включение большого количества малых и средних предприятий. В европейских странах кластерная политика входит как составная часть в промышленную политику, реализация которой направлена на поддержку инновационной активности и технологическое развитие предприятий, входящих в кластер с учетом национальных особенностей. В рамках единого общеевропейского подхода к кластерной политике созданы отдельные институты поддержки: Европейская кластерная обсерватория, фонд высококласных кластеров, Европейский секретариат кластерного анализа, Европейская кластерная платформа по сотрудничеству, Европейская сеть малого и среднего бизнеса. Выявлены фазы процесса реализации кластерной политики в Европейском союзе. Стратегическая задача кластерной политики на период до 2027 года – это поддержка конкурентоспособности и масштабирования малого и среднего предпринимательства. Кластерные программы привлекают разные источники финансирования, но основное значение имеют бюджетное финансирование и финансирование из фондов Европейского союза, таких как Европейские структурные и инвестиционные фонды (ESIF).

Анализ процессов кластеризации в Республике Беларусь показал, что уровень кластеризации в стране низкий. На основе анализа европейского опыта сформулированы направления развития кластеризации в Республике Беларусь: просвещение и подготовка представителей государственного сектора и деловых кругов; продвижение кластерной идеи для субъектов МСП; создание инфраструктуры – цифровой платформы для формирования кластерных инициатив и для управления процессом кластеризации; коммуникационное обеспечение сотрудничества на основе цифровых технологий; экономическое стимулирование и финансовая поддержка сотрудничества субъектов кластера в инновациях на основе финансирования комплексных кластерных проектов, а также инструмента ГЧП.

Заключение. Выявленные методы и инструменты кластерной политики в странах ЕС являются методологической основой для совершенствования кластерной политики в Республике Беларусь. Результатом кластеризации выступает повышение конкурентоспособности и эффективности экономики страны.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, кластерные программы, конкурентоспособность, инновации, сотрудничество.

Cluster Development Analysis: European Experience for the Republic of Belarus

Yasheva G.A., Savosina A.A., Kondratyeva V.D.

Education Establishment “Vitebsk State Technological University”

The formation and development of clusters is an integral part of economic processes in the economies of most countries of the world.

The research purpose is to analyze cluster development in the EU countries and the Republic of Belarus, to identify positive trends and problems, on the basis of which to formulate directions for the development of clustering in the Republic of Belarus.

Material and methods. The research materials were the scientific works of foreign and domestic scientists on the creation and functioning of clusters, reports on cluster development of the EU, statistical databases on clusters of the European Cluster Observatory, analytical materials of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus. The following general scientific methods were used: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, analogy method, as well as economic and statistical methods.

Findings and their discussion. An analysis of cluster statistics was carried out, which indicates an increase in the number of clusters, and a different level of clustering in the EU countries. A feature of clusters in the European Union is the inclusion of a large number of small and medium-sized enterprises. In European countries, cluster policy is an integral part of industrial policy, the implementation of which is aimed at supporting innovative activity and technological development of enterprises included in the cluster, taking into account national characteristics. As part of a unified pan-European approach to cluster policy, separate support institutions were created: the European Cluster Observatory, the High-Class Cluster Foundation, the European Secretariat for Cluster Analysis, the European Cluster Cooperation Platform, the European Network of Small and Medium Enterprises. The phases

of the process of implementing cluster policy in the European Union are identified. The strategic objective of the cluster policy for the period up to 2027 is to support the competitiveness and scaling of small and medium-sized businesses. Cluster programs attract different sources of funding, but the most important is budgetary funding and funding from European Union funds, such as the European Structural and Investment Funds (ESIF).

The analysis of clustering processes in the Republic of Belarus showed that the level of clustering in the country is low. Based on the analysis of European experience, the directions for the development of clustering in the Republic of Belarus are formulated: education and training of representatives of the public sector and business circles; promotion of the cluster idea for SMEs; creation of infrastructure - a digital platform for the formation of cluster initiatives and for managing the clustering process; communication support for cooperation based on digital technologies; economic incentives and financial support for cooperation between cluster entities in innovation based on the financing of complex cluster projects, as well as the PPP tool.

Conclusion. The identified methods and tools of cluster policy in the EU countries are the methodological basis for improving the cluster policy in the Republic of Belarus. The result of clustering is to increase the competitiveness and efficiency of the country economy.

Key words: cluster, cluster policy, cluster programs, competitiveness, innovation, cooperation.

Формирование и развитие кластеров – это неотъемлемая часть экономических процессов в экономиках большинства стран мира.

В Республике Беларусь, несмотря на ряд принятых законодательных актов в области регулирования кластерным развитием, темпы – низкие. Одна из проблем – невысокая активность кластеризации в стране. Предпосылки разработки и реализации кластерной политики заложены в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 года, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2020–2025 годы, в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы. Поэтому ключевая задача, поставленная перед белорусскими учеными, – это разработка кластерной политики Республики Беларусь, основанной на новых трендах, диктуемых «Индустрией 4.0».

Использование кластерной политики в реальной экономике Республики Беларусь заключается в создании и развитии кластеров, которые должны стать новыми точками ее обновления и роста. Процесс кластеризации в Республике Беларусь имеет свою специфику, и не всегда она отражает положительную динамику как кластера в целом, так и его отдельных участников. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что перед государством стоит вопрос о повышении активности страны в инновационной сфере, что позволит в более полной мере использовать производственный и кадровый потенциал, повысить эффективность производства, сформировать новые источники качественного роста и усиления конкурентоспособности экономики.

Несмотря на достаточно полную теоретическую разработанность кластерной концепции и кластеризации, вопрос, связанный с сравнительным анализом этого процесса, не рассматривался. В то же время такой анализ может быть полезен с позиции всестороннего исследования, а также четкого понимания состояния и развития процесса кластеризации в Республике Беларусь.

В качестве объекта для сравнения выбран Европейский союз (ЕС), поскольку процессы кластеризации в странах-участницах начались с 1968 г., когда был создан Генеральный директорат по региональной политике. В 2008 году саммит в Стокгольме одобрил и огласил «Европейский кластерный меморандум» – план действий Европы по обеспечению роста своей конкурентоспособности [1].

Актуальность проблемы и ее экономическая значимость для Республики Беларусь определили выбор цели и задач исследования.

Цель статьи – провести анализ кластерного развития в странах ЕС и Республике Беларусь, выявить позитивные тренды и проблемы, на основе чего сформулировать направления развития кластеризации в Республике Беларусь.

Цель работы обусловила постановку и решение следующих задач:

- провести анализ кластерной статистики;
- проанализировать институциональную среду формирования и развития кластеров в ЕС;
- провести анализ процессов кластеризации в Республике Беларусь;
- обобщить европейский опыт и сформулировать направления развития кластеризации в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследований послужили научные труды зарубежных и отечественных ученых по вопросам создания и функционирования кластеров, отчеты о кластерном развитии ЕС, статистические базы по кластерам Европейской кластерной обсерватории, аналитические материалы Министерства экономики Республики Беларусь. Использованы следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии, экономико-статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Анализ кластерной статистики. Результатом кластерной политики стран Европейского союза является рост кластеров (рисунок 1).

Анализ кластерной статистики свидетельствует о различающемся уровне кластеризации в странах ЕС (рисунок 2).

В результате реализации эффективной кластерной политики ЕС на долю кластеров при-

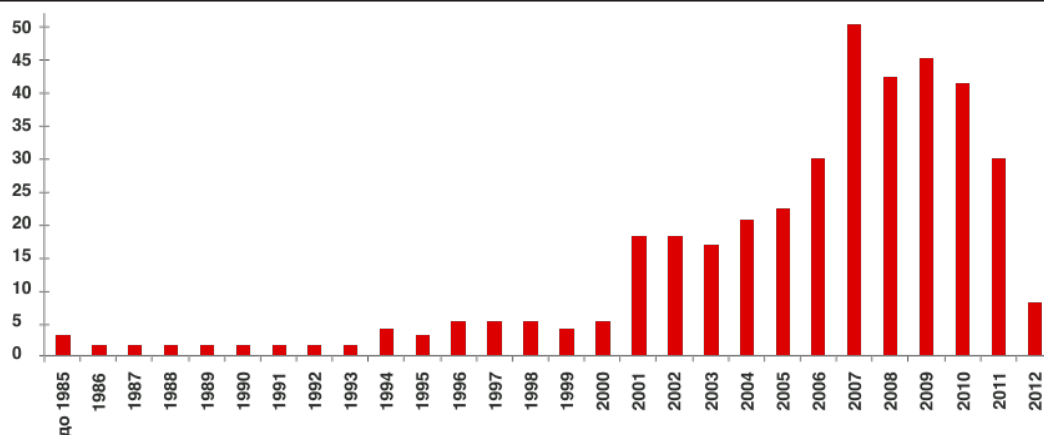

Рисунок 1 – Хроника развития кластерных инициатив в Европе

Источник: составлено автором на основе [2].

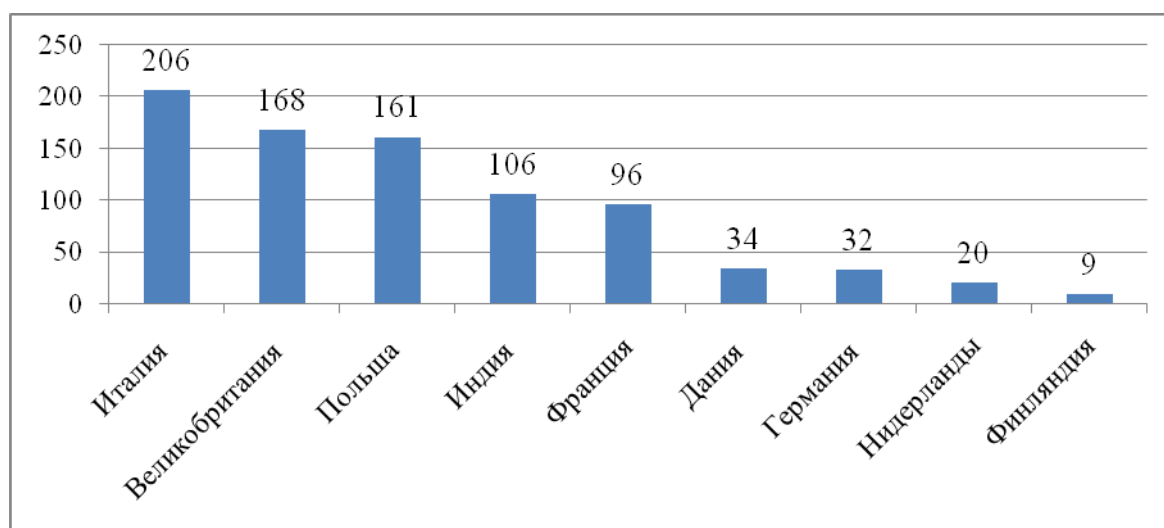

Рисунок 2 – Количество кластеров в странах Европейского союза

Источник: составлено автором на основе [3].

ходится 39% рабочих мест. С учетом большей конкурентоспособности кластеров сотрудники предприятий – участников успешных кластеров зарабатывают примерно на 10% больше, чем коллеги на аналогичных должностях вне кластеров. В результате 55% заработных плат, получаемых во всех странах ЕС, приходится на сотрудников компаний, участвующих в кластерах [4].

В прошлом десятилетии большинство кластеров специализировалось на производстве потребительских товаров и создавалось с целью повышения конкурентоспособности отдельных регионов и территорий. В начале XXI в. стали появляться промышленные кластеры нового поколения, занимающиеся информатикой, дизайном, экологией, логистикой, производством биомедицинских препаратов и т.п.

Особенностью кластеров в Европейском союзе является включение большого количества малых и средних предприятий (МСП) (таблица 1).

Отраслевые направления кластеров представлены в таблице 2.

Инновационная ориентированность кластеров постепенно возрастала, и сегодня она является важнейшей характеристикой, определяющей конкурентоспособность кластерных образований. Последние формируются там, где ожидается «прорывное» продвижение в области техники и технологии производства и последующего выхода на новые «рыночные ниши».

Таким образом, в европейских странах кластерная политика выступает в качестве составной части в промышленной политике, реализация которой направлена на поддержку инновационной активности и технологическое развитие предприятий, входящих в кластер с учетом национальных особенностей. Такой подход дает положительный результат, о чем свидетельствует активная кластеризация.

Анализ институциональной среды формирования и развития кластеров в ЕС

Важное место в формировании единого общеевропейского подхода к кластерной политике занимают отдельные институты поддержки. Первое место отводится Европейской кластерной

обсерватории, которая была учреждена в 2007 г. Центр стратегии и конкурентоспособности Стокгольмской школы экономики, возглавляемый О. Солвеллем и Р. Тайгланд, стал осуществлять управление Обсерваторией и вести сбор статистических данных.

Более подробное описание ключевых драйверов кластерной политики в Европейском союзе представлено в таблице 3.

Европейская платформа по сотрудничеству кластеров является базой данных большинства кластерных организаций стран – членов ЕС и других. Например, на платформе также зарегистрированы три кластерные организации из Республики Беларусь (Creative Belarus, Infopark, Биотехнологический кластер на базе Полесского государственного университета) [5].

В совокупности указанные инициативы и платформы охватывают спектр инструментов, необходимых для координации кластерной политики и развития отдельно взятых малых и средних предприятий или проектов – от сбора информации до помощи в выходе европейских предприятий на мировые рынки. Не все организации сохра-

нились в своем первоначальном виде, что говорит об эволюционном характере институтов кластерного развития Европейского союза и подходов к реализации кластерной политики в целом.

Таким образом, европейский подход к развитию этой сферы и созданию институтов ее поддержки достаточно последователен. Условно процесс реализации кластерной политики в Европейском союзе можно разделить на четыре фазы, к которым следует добавить пятую.

Фаза 1 (2000–2006 гг.) – Еврокомиссия начала проводить различные пилотные инициативы по поддержке кластеров через программу PHARE.

Фаза 2 (2007–2009 гг.) – подписание Европейского кластерного меморандума, создание Кластерной обсерватории, разработка информационно-аналитических материалов.

Фаза 3 (2010–2012 гг.) – фокус на повышение качества кластерных программ, создание инструментов оценки и ранжирования, подготовка «кластерных управленцев».

Фаза 4 (2013–2017 гг.) – интеграция кластеров в региональные программы через принципы

Таблица 1 – Примеры участия МСП в кластерных проектах текстильной отрасли промышленности

Название кластера	Число участников	Число МСП
Кластер модной одежды и аксессуаров (Тоскана, Италия)	480	450 (93,8%)
Ассоциация предпринимателей, работающих в сфере текстильной отрасли (Валенсия, Испания)	368	363 (98,6%)
Европейский исследовательский кластер в области передовых текстильных материалов (Франция)	180	92 (51,1%)
Португальский текстильный кластер	56	33 (58,9%)

Источник: составлено по данным [6].

Таблица 2 – Основные отраслевые направления кластеризации экономики некоторых стран

Отраслевые направления	Страна
Электронные технологии и связь, информатика	Швейцария, Финляндия
Биотехнологии и биоресурсы	Нидерланды, Франция, Германия, Великобритания, Норвегия
Фармацевтика и косметика	Дания, Швеция, Франция, Италия, Германия
Агропроизводство и пищевое производство	Финляндия, Бельгия, Франция, Италия, Нидерланды
Машиностроение, электроника	Нидерланды, Италия, Германия, Норвегия, Ирландия, Швейцария
Здравоохранение	Швеция, Дания, Швейцария, Нидерланды
Коммуникации и транспорт	Нидерланды, Норвегия, Ирландия, Дания, Финляндия
Легкая промышленность	Швейцария, Австрия, Италия, Швеция, Дания, Финляндия
Строительство и девелопмент	Финляндия, Бельгия, Нидерланды
Лесобумажный комплекс	Финляндия

Источник: составлено по данным [3].

«умной специализации» для содействия структурным изменениям параллельно с развитием сильных сторон регионов.

Фаза 5 (2017 г. – текущее время) – кластеры как объекты новой промышленной политики Европейского союза, развитие и укрепление кластерных институтов, создание рабочей группы по кластерам [7].

Последняя фаза характеризуется завершением семилетнего цикла бюджетного плана до 2020 года, к которому привязана большая часть программ, и необходимостью формирования нового видения приоритетов экономического развития и согласования бюджета на 2021–2027 гг.

В сообщении о новом долгосрочном бюджетном цикле ЕС (2021–2027 гг.) в рамках программы «Единый рынок» кластеры упоминаются в качестве стратегического инструмента для поддержки конкурентоспособности и масштабирования малого и среднего предпринимательства, т.к. формируют более благоприятную среду для ведения предпринимательской деятельности. Общий, предлагаемый к утверждению объем финан-

сирования программы «Единый рынок» составляет 4 млрд евро, из которых 1 млрд евро будет направлен на программу COSME, используемую в том числе для финансирования институтов по их развитию [8].

Современная промышленная политика ЕС основывается на продвижении конкурентоспособности европейской промышленности через реализацию ряда ключевых инициатив: развитие необходимых навыков и компетенций для промышленности, оживление регионов путем развития кластеров и платформы по умной специализации (Smart Specialization Platform), поддержка цифровой трансформации отраслей, разработка ключевых высокоэффективных технологий (KETs) и продвижение стандартов ИКТ [9]. Таким образом, для Европейской комиссии кластерная политика служит составной частью промышленной политики.

Кроме того, кластерам отведена особая роль в «Видении промышленности ЕС до 2030 г.». Промышленные кластеры рассматриваются как фундамент экосистемы, способствующей иннова-

Таблица 3 – Драйверы кластерной политики Европейского союза

Название	Фокус деятельности	Организаторы / инвесторы	Участники
Европейская кластерная обсерватория (Европейская обсерватория по кластерам и промышленной трансформации)	Сбор информации о кластерах и кластерных инициативах	2007 г., Генеральный директорат по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству и малому и среднему бизнесу Европейской комиссии	Субъекты хозяйствования из 36 стран
Европейский фонд высококласных кластеров	Бенчмаркинг лучших кластерных практик, обучающие мероприятия	2003 г., Правительство Каталонии, Шведское агентство по инновациям (Vinnova), бывшее агентство по развитию в Великобритании (Yorkshire Forward)	Клиенты из национальных и региональных правительств, агентств развития, кластерных организаций
Европейский секретариат кластерного анализа	Бенчмаркинг и сертификация кластеров и организаций по управлению кластерами	2009 г., European Cluster Excellence Initiative – VDI/VDE Innovation + Technik GmbH	Сеть экспертов по кластерам из более чем 30 стран
Европейская кластерная платформа по сотрудничеству	Сбор информации, организация специализированных мероприятий, содействие международной коммуникации между участниками кластеров	2016 г., финансируется COSME, запущена Генеральным директоратом по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству и МСП Европейской комиссии	950 кластерных организаций со всего мира
Европейская сеть малого и среднего бизнеса	Сеть сотрудничества для МСП, осуществляет поддержку международного роста компаний	2008 г., Еврокомиссия. Софинансируется в рамках программы конкурентоспособности МСП ЕС – COSME	60 стран, 3000 экспертов из 600 организаций-членов

Источник: составлено по данным [1].

ционной и технологической активности. В рамках мер по ускорению процессов цифровизации также планируется формирование «суперкластеров» с наукоемкими стартапами в сфере искусственного интеллекта (Deep Tech AI). Таким способом ЕС стремится сохранить свою конкурентоспособность, уделяя существенное внимание развитию инноваций, включая общую цифровизацию экономики [10].

В качестве площадки для обмена мнениями по состоянию и перспективам реализации кластерной политики используется Форум европейской кластерной политики. Основной акцент в рамках последнего Форума был сделан на международном сотрудничестве и помощи в выходе малых и средних предприятий, участвующих в кластерах, на мировой рынок. Следующим шагом в кластерной политике Европейского союза станет формирование «Объединенных кластерных инициатив» (Joint Cluster Initiatives). Именно они задумываются как попытка соединения мно-

жества усилий Европейского союза по стимулированию превращения кластеров в единую систему.

Кластерная политика в Европейском союзе рассматривается в качестве одного из ключевых инструментов достижения основных показателей, установленных в стратегии инновационного развития Horizon2020, Промышленной стратегии Европейского союза и Стратегии развития сельских территорий и сельского хозяйства. Ключевые показатели, которые закладывают в рамках данных документов, приведены в таблице 4.

Выполнение этих показателей позволит повысить конкурентоспособность предприятий на национальном и международном уровнях. В Европе поддержка кластерных программ осуществляется в рамках региональных инновационных стратегий [12]. В таких регионах, как, например, Каталония (Испания), Норте (Португалия), Валлония (Бельгия), Ховедстаден (Дания), Нормандия (Франция), Баден-Вюртемберг (Германия), действуют региональные программы по развитию кластеров.

Таблица 4 – Ключевые показатели стратегий в ЕС

Показатель	2014, %	2020, %
Доля инвестиций в исследования и разработки (% от ВВП ЕС)	2,01	3
Уровень занятости в ЕС (% от трудоспособного населения)	69,2	Не менее 75%
Наращивание торгового оборота со странами вне ЕС (товары) (% от ВВП ЕС)	29	56
Наращивание торгового оборота со странами вне ЕС (услуги) (% от ВВП ЕС)	9	53

Источник: составлено по данным [7; 11].

Рисунок 3 – Источники финансирования европейских кластерных программ

Источник: составлено автором на основе [3].

Кластерные программы привлекают разные источники финансирования, но основное значение имеет бюджетное финансирование и финансирование из фондов Европейского союза, таких как Европейские структурные и инвестиционные фонды (ESIF) (рисунок 3). Всего в ЕС функционирует 5 крупнейших инвестиционных фондов. Основная программа, направленная на развитие инноваций, в том числе в кластерах (Horizon2020), предполагает годовой бюджет в размере 80 млрд евро. В рамках этой программы предусмотрено несколько направлений финансирования: кластеры могут напрямую направлять заявки на целевые гранты в Фонды; кластеры могут финансироваться за счет средств национальных и региональных бюджетов, в которые поступают средства, предусмотренные программой.

Годовой бюджет кластерных программ значительно различается – от незначительных сумм до сотен миллионов евро (144 миллиона евро в год – бюджет программы Franceforthe Pôlesde Compétitivité) [13]. Существенная особенность всех программ – принцип софинансирования всех ключевых расходов со стороны частного бизнеса, при этом доля государственных и региональных средств составляет от 50 до 90%.

Управление кластерными проектами, как правило, осуществляется кластерной ассоциацией, внутри которой существует управляющая компания, решающая текущие вопросы развития всего кластера. Реализацию программ поддержки кластерных проектов осуществляют министерства или агентства / организации, созданные при министерстве, при этом кластерная политика реализуется на 4-х уровнях: наднациональном, национальном, региональном и локальном (муниципальном).

Анализ процессов кластеризации в Республике Беларусь

Министерством экономики по результатам промежуточного мониторинга кластерного развития отдельных отраслей выявлено 8 действующих кластеров, 6 формирующихся и 18 потенциальных [14].

Действующие кластеры в Республике Беларусь:

1) инновационно-промышленный кластер в области аграрных биотехнологий и «зеленой экономики» (базовые организации: ООО «Технопарк “Полесье”» и УО «Полесский государственный университет»; участники: порядка 37 предприятий Пинского района и г. Пинска);

2) фармацевтический кластер / медико-фармацевтическая промышленность (базовая организация: Союз юридических лиц «Медицина и Фармацевтика – инновационные проекты»; участники: УО «Витебский государственный медицин-

ский университет», УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», СООО «НАТИВИТА», ООО «Производственно-торговое предприятие “ВитВар”», ГП «Витебский областной центр маркетинга», Инкубатор малого предпринимательства ООО Правовая группа «Закон и порядок», НП «Союз Фармацевтических и Биомедицинских кластеров» (РФ));

3) Полоцкий композитный кластер / производство композитных материалов (базовая организация: ОАО «Полоцк-Стекловолокно»; участники: УО «Белорусский государственный технологический университет», филиал «Нива-Сервис» Управляющей компании «Нива», ООО «АпАТЭК-Полоцк», ГНУ «ИММС НАН Беларуси», ООО «Композитные конструкции», ООО «Стеклопластик ПК», ЗАО «Техношанс», ООО «СМИавто-транс», ОАО «Осиповичский завод автомобильных агрегатов»);

4) Новополоцкий нефтехимический кластер / нефтехимическая промышленность (базовые организации: ОАО «Нафтан», ОАО «Полимир»; участники: УО «Полоцкий государственный университет», КУП «Новополоцкий центр предпринимательства и недвижимости», ОАО «Строительно-монтажный трест № 16», ООО «Интерсервис», УО «Новополоцкий государственный политехнический колледж», РИУП «Научно-технологический парк ПГУ», КУП «Новополоцкое кабельное телевидение “Вектор”»);

5) кластер высоких технологий в области сложной медицинской техники / приборостроение (базовая организация: ЗАО «ЛИНЕВ-АДАНИ»; участники: 6 организаций Беларуси, России, Китая, Великобритании, США);

6) кластер приборостроения и робототехники / приборостроение (базовая организация: Ассоциация «Инновационное приборостроение»; участники: ООО «Изовак», ООО «Полимастер», ЗАО «СОЛАР ЛС», СП «Технотон», ООО «Регула», компания PROMWAD, ООО «РЕСИФ Технологии Бел», компания «Литоласт», группа компаний NTab, ООО «Розум роботикс», ООО «Эссент Оптикс»);

7) ИПК «Электротранспорт» / машиностроение (базовая организация: ГНУ «Объединенный институт машиностроения НАН Беларуси»; участники: ОАО «МАЗ», ОАО «БЕЛАЗ», ОАО «МТЗ», ОАО «Белкоммунмаш», ОАО «Могилевлифтмаш», ОАО «Измеритель», ГНУ «ОИМ НАН Беларуси», УО «БНТУ», ПУП «ЭТОН-ЭЛТРАНС», ООО «Кейджи Импекс»);

8) IT-кластер / информационные технологии (на базе Научно-технологической ассоциации «Инфопарк» с участием администрации ПВТ. Участниками кластера являются 48 организаций различных форм собственности) [14].

Число кластеров на 1000 человек экономически активного населения в Республике Бела-

реть составляет 0,0019, а в ЕС – 0,015, т.е. кластеризация экономики ЕС в 8 раз (0,015/0,0019) выше, чем в Беларуси. Эти цифры свидетельствуют об очень низких темпах кластеризации.

В настоящее время использованию кластерной модели развития в Республике Беларусь препятствуют некоторые общесистемные ограничения, а именно отсутствие:

– законодательного регулирования сферы кластерного развития;

– специализированной инфраструктуры кластерного развития;

– значительного практического опыта целенаправленной подготовки и реализации кластерных инициатив и проектов, в том числе с участием государственных органов, субъектов хозяйствования государственной формы собственности;

– системы и механизма государственной поддержки кластерных (комплексных) проектов, нормативного правового акта по данному направлению.

Направления развития кластеризации в Республике Беларусь

На основе положительного опыта кластеризации ЕС, с учетом кластерной концепции в Республике Беларусь [15], а также тренда цифровизации экономики [5; 16; 17] предлагаются следующие дополнительные меры кластеризации в Республике Беларусь:

– просвещение и подготовка представителей государственного сектора и деловых кругов;

– продвижение кластерной идеи для субъектов МСП;

– создание инфраструктуры – цифровой платформы – для формирования кластерных инициатив и управления процессом кластеризации;

– коммуникационное обеспечение сотрудничества на основе цифровых технологий;

– развитие межкластерного сотрудничества;

– поддержка наукоемких стартапов в кластерах;

– экономическое стимулирование и финансовая поддержка сотрудничества субъектов кластера в инновациях на основе финансирования комплексных кластерных проектов, а также инструмента ГЧП.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию и развитию кластеров в стране.

Заключение. Выявленные тренды и методы кластерной политики в зарубежных странах являются методологической основой для совершенствования кластерной политики в Республике Беларусь. Результатом кластеризации выступает повышение конкурентоспособности и эффективности экономики страны.

Литература

1. Clusters and Clustering Policy: a Guide for Regional and Local Policy Makers [Electronic resource]. – Mode of access: <http://cor.europa.eu/en/Archived/Documents/59e772fa-4526-45c1-b679-1da3bae37f72.pdf>. – Date of access: 13.06.2022.
2. Global Cluster Initiative Survey [Electronic resource] // European Commission / European Cluster Observatory Stockholm. – 2012. – Mode of access: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/212156893>. – Date of access: 13.06.2022.
3. Кластерная обсерватория в ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.clusterobservatory.eu. – Дата доступа: 10.06.2022.
4. Smart Guide to Cluster Policy [Electronic resource] // European Commission. – 2016. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/16903>. – Date of access: 13.06.2022.
5. European Cluster Collaboration Platform [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.clustercollaboration.eu>. – Date of access: 13.06.2022.
6. Yasheva, G.A. Textile cluster in the Vitebsk region: Identification and directions of formation in the conditions of the economy digitalization / G.A. Yasheva, M.A. Slonimska and Y.G. Vailunova // Cite as: AIP Conference Proceedings 2430, 040009 (2022). – Mode of access: <https://doi.org/10.1063/5.0077276>. – Date of access: 24.06.2022.
7. European Cluster Excellence Initiative [Electronic resource]. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/industry/strategy/cluster-policy/european-clusters-excellence_en. – Date of access: 14.06.2022.
8. Europe INNOVA [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/environment/archives/ecoinnovation2010/1st_forum/presentations/e_coip_europe_innova_bilbao_etap_mautone.pdf. – Date of access: 10.06.2022.
9. Официальный сайт Генерального директората по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству и малому и среднему бизнесу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy_en. – Дата доступа: 10.06.2022.
10. Циренщиков, В.С. Цифровизация экономики Европы / В.С. Циренщиков // Современная Европа. – 2019. – № 3. – С. 104–113.
11. European Cluster Panorama [Electronic resource]. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/smes/cluster/observatory/cluster-mapping-services/clusterpanorama_en. – Date of access: 10.06.2022.
12. Зарубежные практики реализации кластерных проектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bstudy.net/768211/ekonomika/zarubezhnaya_praktika_realizatsii_klasternyh_proektov. – Дата доступа: 10.06.2022.
13. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: кол. монография / под ред. Ю.С. Артамоновой, Б.Б. Хрусталева. – Пенза: ИП Тугушев С.Ю., 2013. – 230 с.
14. Карта кластеров Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/Karta-Klasterov/Karta-klasterov-2022.pdf>. – Дата доступа: 11.07.2022.
15. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Беларусь № 27 от 16.01.2014. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C21400027_1390424400.pdf. – Дата доступа: 16.06.2022.
16. Яшева, Г.А. Оценка готовности малого и среднего предпринимательства к сотрудничеству в рамках кластера: методика и апробация / Г.А. Яшева, Ю.Г. Вайлунова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2021. – № 1(40). – С. 246–255.
17. Вайлунова, Ю.Г. Развитие кластерных структур в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь / Ю.Г. Вайлунова, Г.А. Яшева // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 2(22). – С. 52–60.

Поступила в редакцию 14.07.2022

Инновационная активность в разрезе субъектов Российской Федерации

Турковский С.Р.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

В условиях кризиса однополярной модели глобализации многие государства возвращаются к политике экономического протекционизма, происходит сужение и дробление глобальных рынков товаров и услуг. Дополнительную актуальность приобретают вопросы повышения эффективности использования имеющихся в национальной экономике внутренних ресурсов, формирования новых моделей национальной и региональной инновационной политики.

Цель работы – количественная характеристика инновационной активности в национальной экономике Российской Федерации в разрезе ее субъектов.

Материал и методы. Исследование базируется на научных публикациях отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Методологической основой выступают анализ и синтез, индукция, гипотетико-дедуктивный метод и статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. В статье исследован региональный срез инновационной активности в экономике на уровне субъектов Российской Федерации. Систематизированы подходы к обоснованию значения инновационной деятельности для обеспечения развития национальной экономики. Уточнена роль инновационной активности в условиях кризиса однополярной модели экономической глобализации. Подчеркивается необходимость формирования государственной инновационной политики на всех уровнях экономического пространства. Проведен анализ отдельных показателей инновационной активности в экономике субъектов Российской Федерации.

Заключение. В разрезе субъектов Российской Федерации можно говорить как о дифференциации, так и о диспропорциональности отдельных аспектов инновационного поля экономики Российской Федерации на мезоуровне. Актуальными задачами представляются дальнейший качественный и количественный анализ пропорций и взаимосвязей между показателями социально-экономического развития, экономического роста и инновационной деятельности, выявление ключевых социально-экономических факторов существующих диспропорций, а также проверка гипотезы о взаимосвязи между эффективностью затрат на инновационную деятельность и внедрением в экономику регионов нетехнологических инноваций.

Ключевые слова: инновационное развитие, экономическое пространство, нетехнологические инновации, дифференциация и диспропорциональность регионального развития.

Innovation Activities of the Russian Federation Entities

Turkovski S.R.

Russian Economic G.V. Plekhanov University

Under the conditions of the crisis of the single-polar model of globalization, national economies return to the policy of economic protectionism; narrowing and crushing of global markets of goods and services take place. Against this background, the issues of increasing the efficiency of the use of domestic resources of the national economy, the formation of new models of national and regional innovation policy become extremely relevant.

The purpose of the research is a quantitative characteristic of innovation activities in the national economy of the Russian Federation in the context of its constituent entities.

Material and methods. The study is based on scientific publications of domestic and foreign economists, as well as official statistics of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. The methodological basis of the work is analysis and synthesis, induction, hypothetical-deductive method and statistical analysis.

Findings and their discussion. The article contains the study of the regional innovative activity in the economy at the level of the constituent entities of the Russian Federation. Existing approaches to substantiating the significance of innovative activities to ensure the development of the national economy were systematized. The role of innovation activities under conditions of crisis of a unipolar model of economic globalization were clarified. The need to form a state innovation policy at all levels of economic space is justified. The analysis of chosen indicators of innovation activities in the economy of the constituent entities of the Russian Federation was carried out.

Conclusion. In the context of the constituent entities of the Russian Federation, both differentiation and the imbalance of individual aspects of the innovation field of the economy of the Russian Federation at the meso-level are present. The refore further qualitative and quantitative analysis of the proportions and relationships between indicators of social and economic development, economic growth and innovation, identifying key social and economic factors of existing imbalances, as well as checking the hypothesis of the relationship between the effectiveness of the costs of innovation activities and the introduction into the economy of regions of non-technological innovation should be considered as relevant.

Key words: innovation development, economic space, non-technological innovation, differentiation and imbalance of regional development.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется нарастающей энтропией условий экономического развития национальных систем, связанной с кризисом однополярной модели глобализации, господствовавшей в мире с начала 1990-х годов. Пришедшие на смену расширению взаимодействия и усилению взаимозависимости национальных экономических систем процессы актуализируют вопросы обеспечения возможностей автономного развития, повышения эффективности использования имеющихся в национальной экономике внутренних ресурсов, формирования новых моделей национальной и региональной экономической политики, направленной на переосмысление концепций экономической безопасности государства и роли в ней пространственных субъектов национальных экономических систем.

При этом значимость инновационной модели развития на всех уровнях экономического пространства не снижается, а напротив, усиливается, хотя и претерпевает качественные трансформации. Последнее обстоятельство предполагает необходимость переосмысления и актуализации форм, методов и конкретных программ, ориентированных на регулирование инновационного развития национальной экономики и экономики регионов. Естественно, формирование такого инструментария требует наличия количественных характеристик инновационного поля национальной экономики и ее пространственных составляющих.

Таким образом, целью данной статьи является количественная характеристика инновационной активности в национальной экономике Российской Федерации в разрезе ее субъектов.

Материал и методы. Исследование базируется на научных публикациях отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Методологической основой работы выступают анализ и синтез, индукция, гипотетико-дедуктивный метод и статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Инновации рассматриваются различными экономическими школами как важнейший фактор экономического развития. На микроуровне инновации позволяют интенсифицировать деловую активность за счет расширения рынков сбыта, снижения издержек, оптимизации логистических схем, повышения качества продукта либо иного позитивного эффекта, оказываемого на бизнес-процессы. На макроуровне общепризнанным является тезис об определяющем значении инновационной модели развития экономики для формирования конкурентных преимуществ национальной экономики.

Господствовавшая в мировой экономике с последней четверти XX века модель глобализации также позволяла говорить о решающем вкладе инноваций в формирование макроуровневой конкурентоспособности. Инновационная политика государства рассматривалась как инструмент обеспечения высокой адаптивности экономики государства и его территориальных элементов в условиях волатильности конъюнктуры и усиливающейся конкуренции на внешних и внутренних рынках.

Серия кризисов начала XXI века и нарастающие противоречия между мировыми, региональными и малыми государствами поставили под сомнение существующую либерально-глобализационную модель развития мировой экономики. В последнее десятилетие все увереннее можно говорить о прямо противоположных тенденциях, когда политика открытости национальных экономик сменяется политикой протекционизма, объединение рынков – дроблением, международное разделение производственного процесса – локализацией производств и т.п. На смену парадигме взаимозависимости национальных экономик приходит парадигма экономической независимости территорий, означающая «возможность контроля над ресурсами, достижение такого уровня производства, эффективности и качества продукции, который обеспечивает конкурентоспособность [территории] и позволяет на равных участвовать в торговле, кооперационных связях и обмене научно-техническими достижениями» [1, с. 130].

Таким образом, при сохранении и усилении значения инновационной деятельности, в новых условиях претерпевают изменения ее роль и функции на макроуровне. Если ранее ключевое направление инновационной деятельности для развивающихся стран подразумевало конечной целью расширение присутствия экономических субъектов страны на мировых рынках, то сейчас доминирующей становится задача замещения экономических субъектов других стран на национальном рынке. В первую очередь подобная смена приоритетов касается стран, испытывающих санкционное давление, таких как Иран, Беларусь и в особенности Россия. В то же время нельзя сказать, что для прочих стран подобная задача неактуальна, ведь санкционное противостояние затрагивает и экономики (рынки) стран-инициаторов «санкционных войн», и экономики третьих стран ввиду достигнутого к началу XXI века уровня глобализованности международных рынков, специализации и кооперации производства, взаимопроникновения и взаимозависимости национальных и региональных социально-экономических систем.

Инновационное развитие экономики базируется на инновационной восприимчивости общества и на инновационной культуре, в свою очередь основанной на мотивационном механизме инновационной деятельности. Инновационное развитие осуществимо в инновационной среде, создающей условия для инновационного процесса, проходящего в определенной инновационной инфраструктуре, действующей на основе взаимосвязей инновационного механизма. Инфраструктура и механизм инновационной деятельности являются основными компонентами инновационной системы. Как справедливо отмечает Л.Х. Абазова, национальная инновационная система «должна включать в себя ряд уровней: наноуровень (инновационная деятельность на уровне конкретного человека), микроуровень (инновационная деятельность одного предприятия), мезоуровень (инновационная деятельность на уровне одного региона), макроуровень (инновационная деятельность в общероссийских масштабах). При этом, согласно принципу иерархии, каждый из нижестоящих уровней является управляемой подсистемой по отношению к вышестоящему уровню» [2, с. 37].

Иными словами, экономическая система как совокупность отношений между экономическими субъектами не существует вне пространственно-временной организации, а ее развитие в том числе определяется специфическими свойствами экономического пространства, в рамках которого она функционирует. Следует согласиться с утверждением о том, что «качество элементов (социальных, экономических, природных), составляющих структуру социально-экономической системы, и связей между ними, а также качество окружающих систем (политических, социальных, экономических, природных) составляют потенциал ее развития» [3, с. 96].

Национальная экономика существует и развивается в глобальном экономическом пространстве, следовательно, «ее место в международном разделении труда, относительный уровень [ее] развития <...> и ее конкурентные позиции в метаэкономическом соревновании определяют стратегию ее развития» [4, с. 447]. Пространственными элементами национальной экономики (соответственно, и базой ее развития) выступают ее территориальные элементы – регионы различного уровня. Для Российской Федерации в укрупненном виде в качестве регионов могут рассматриваться субъекты Федерации. Развитие национального экономического пространства, таким образом, представляет собой задачу скоординированного развития региональных экономических пространств, в частности, развития эко-

номических пространств субъектов Российской Федерации.

При этом базовым свойством экономического пространства становится дифференциация его количественных и качественных параметров. По мнению В.Н. Василенко, «дифференциация территориального развития является следствием, с одной стороны, разных уровней использования экономических потенциалов территорий, а с другой – разных уровней насыщения территорий физическими объектами и хозяйственными связями, а также разных уровней освоения территории посредством вовлечения в общественное производство новых факторов производства» [5, с. 96].

Естественно, устранение межтерриториальных (межрегиональных) различий экономического пространства невозможно ввиду самой сути пространственной организации экономики и ее взаимосвязи с фундаментальными физическими и социально-экономическими свойствами и закономерностями развития. Как справедливо отмечает Е.А. Орехова, «говоря о неоднородности экономического пространства, мы не рассматриваем в качестве идеала равномерное размещение по территории страны различных отраслей хозяйства и видов деятельности, поскольку как раз их неравномерное размещение является неизменным свойством любого организованного экономического пространства» [6, с. 20]. В то же время усиление социально-экономической неоднородности пространства «затрудняет проведение общей политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, несет опасности региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национального хозяйства, ослабления целостности общества и государства» [6, с. 21]. Преодоление негативного воздействия дифференциации структурных пространственных элементов национальной экономики лежит в плоскости синхронизации параметров их деятельности, обеспечения интенсификации их экономического взаимодействия, сближения (повышения) по мере возможности социальных условий, уровня жизни населения, индикаторов экономического роста и деловой активности.

Конструктивная роль инноваций в процессах регионального развития заключается в том, что «именно их следует считать возмущениями, выводящими региональную социально-экономическую систему из состояния устойчивости и одновременно выступающими ключевым механизмом ее эволюционных изменений» [7, с. 443]. Именно инновационная деятельность служит предпосылкой и инструментом выравнивания региональных диспропорций, формирования количественных и качественных сдвигов в экономике

регионов, которые в совокупности обеспечивают экономическую безопасность страны в целом. Разработка обоснованной, учитывающей текущее состояние и всю совокупность качественных особенностей регионов инновационной политики представляется неотъемлемой частью стратегии устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности государства. К ключевым факторам, формирующим потенциал инновационного развития территорий, Л.М. Идигова относит «политику региональных властей в области инноваций; стратегии хозяйствующих субъектов в отношении проведения исследований и внедрения их результатов; политику кредитно-финансовых учреждений региона; потребительские предпочтения; особенности конкурентных отношений; уровень сформированности научно-исследовательской инфраструктуры территории» [8, с. 22]. Учитывая вышеизложенное, очевидна необходимость анализа региональной специфики инновационного поля Российской Федерации.

Если рассматривать экономику Российской Федерации в целом, то в структуре затрат на инновационную деятельность доминируют затраты на разработку новых продуктов, услуг, методов производства и производственных процессов (более 44%). Вторая по значимости статья затрат – приобретение основных средств (порядка 33%). На внедрение новых методов ведения бизнеса, организации рабочих мест и связей предприятия потратили не более 0,2% от общего объема затрат на инновации.

Важным аспектом инновационной деятельности выступают нетехнологические инновации. Затраты на данный вид инноваций обычно незначительны в общем объеме, однако именно данный вид инноваций определяет результативность и эффективность последующих затрат на технологические инновации. Удельный вес отдельных видов нетехнологических инноваций в затратах на инновационную деятельность по экономике субъектов Российской Федерации представлен на рисунке 1.

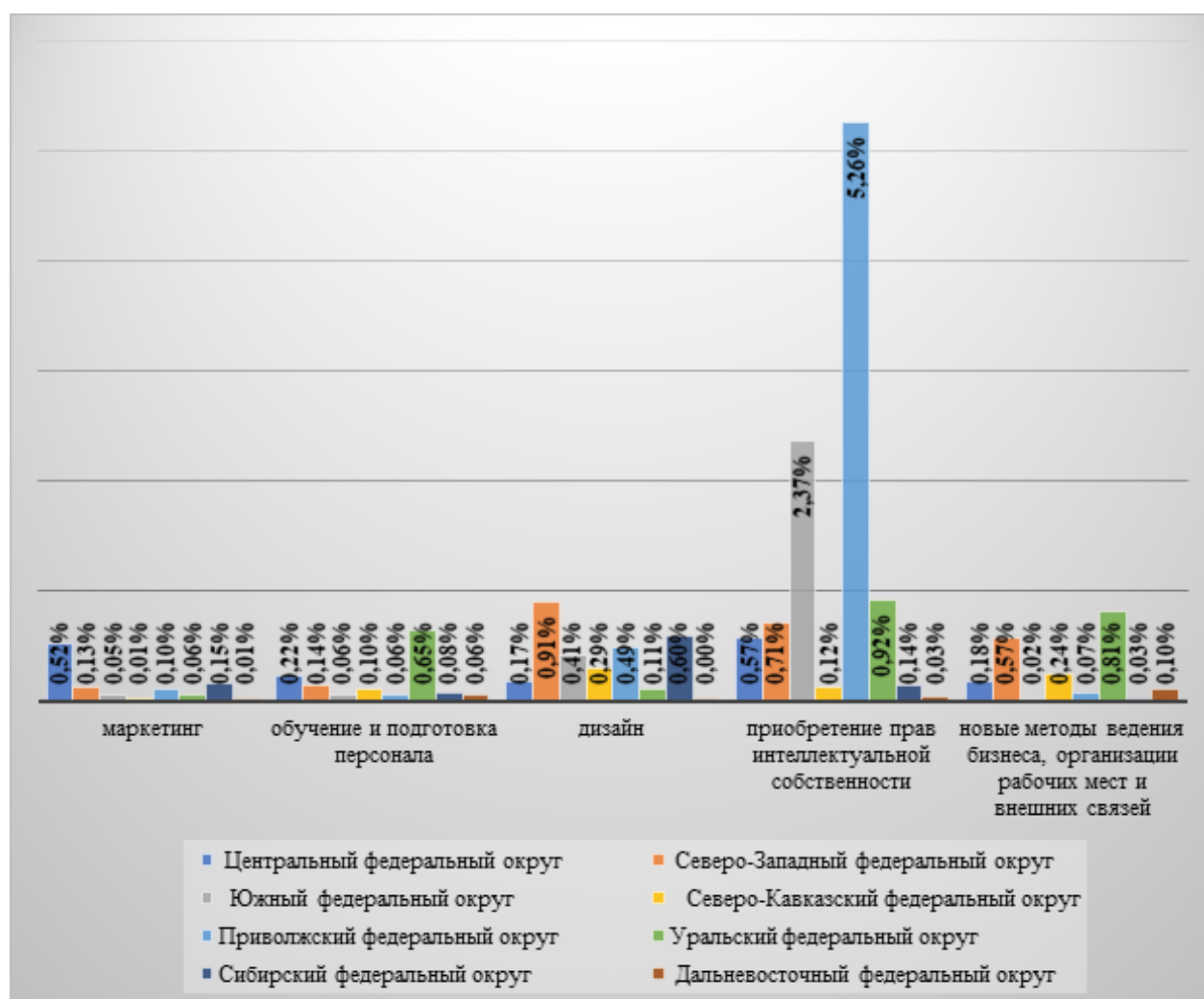

Рисунок 1 – Доля отдельных видов инновационной деятельности в общем объеме финансирования инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации, %

Источник: построено автором на основе данных [9].

Рассматривая нетехнологические инновации в региональном срезе, можно отметить существенный разброс по удельному весу их финансирования с точки зрения федеральных округов. По организационно-управленческим инновациям лидирует Уральский федеральный округ (0,81%), в то время как в Южном федеральном округе на данный вид инноваций уходит не более 0,02% затрат. Приобретение прав интеллектуальной собственности в 2020 году составило 5,26% затрат на инновационную деятельность Приволжского федерального округа, тогда как в Дальневосточном федеральном округе данный вид затрат не превышал 0,03% в общем объеме. Затраты на дизайн составляли 0,91% затрат Северо-Западного федерального округа и менее 0,01% затрат Дальневосточного федерального округа. На маркетинговые инновации приходилось порядка 0,52% затрат Сибирского федерального округа и 0,01% – Северо-Кавказского федерального округа.

Спецификой пространственной организации экономики является не только хозяйственная,

но и географическая и демографическая неравномерность. С этих позиций рациональным видится анализ любых региональных экономических показателей с точки зрения их соотношения с численностью населения. На рисунке 2 представлена динамика затрат на инновационную деятельность субъектов Российской Федерации в период 2016–2020 годов в расчете на 1000 жителей.

Как видим, если по экономике страны в целом данный показатель в исследуемом периоде стабильно растет, то в региональном срезе можно отметить спад в 2019–2020 годах в Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах. Следует отметить, что Северо-Кавказский федеральный округ является абсолютным аутсайдером по объемам финансирования инновационной деятельности: его показатели в 2020 году в 40 раз ниже показателей лидирующего Центрального федерального округа и в 28 раз средних данных по стране.

Вместе с тем важным индикатором результативности затрат на инновационную деятель-

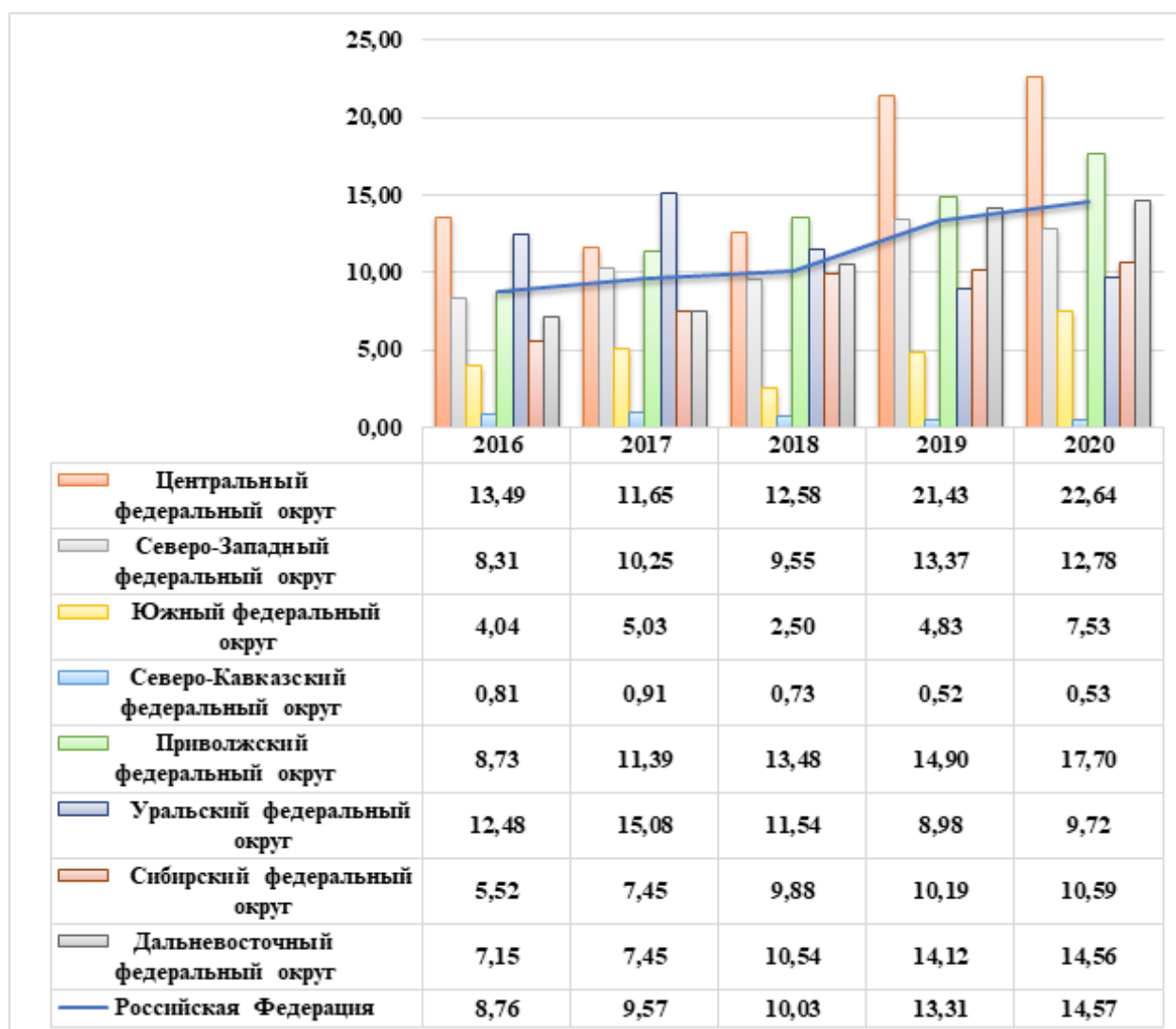

Рисунок 2 – Затраты на инновационную деятельность на 1000 жителей, млн руб.

Источник: построено автором на основе данных [9].

ность является соотношение стоимости реализованной инновационной продукции к общему объему затрат на инновационную деятельность. Динамика данного показателя представлена на рисунке 3.

Как можно заметить, с точки зрения эффективности затрат на инновационную деятельность Северо-Кавказский округ является абсолютным лидером: на 1 рубль затрат в данном регионе приходилось почти 8,5 рубля инновационной продукции, тогда как в Центральном федеральном округе – менее чем 2 рубля. Абсолютный аутсайдер среди субъектов Российской Федерации – Дальневосточный федеральный округ. За 5 лет значение данного показателя в этом регионе ни разу не превысило 2 рубля на 1 рубль затрат, а в 2020 году составило 1,29 рубля.

В целом по стране данный показатель в исследуемом периоде демонстрировал тенденцию к снижению – с 3,40 рубля в 2016 году до 2,43 рубля в 2020 году. Наиболее высокие темпы падения наблюдались в Приволжском федеральном округе, где показатель снизился за 5 лет на 43%.

Важным индикатором экономической безопасности является удельный вес инновационной продукции в общем объеме реализованной

продукции (выполненных работ, оказанных услуг) предприятий региона. Динамика данного показателя по национальной экономике в целом стабильна, региональная дифференциация в 2020 году составила до 8 процентных пунктов (рисунок 4).

Как видим, стабильное превышение значения данного индикатора отметки 10% характерно только для Приволжского федерального округа. Дальневосточный федеральный округ демонстрировал наилучшие значения в 2011–2015 годах, однако в 2016–2020 годах резко ухудшил свои показатели.

Наконец, на рисунке 5 представлена зависимость между ВРП на душу населения и затратами на инновационную деятельность на 1000 жителей в разрезе субъектов Российской Федерации в 2020 году.

Данные рисунка 5 не дают возможности интерпретировать зависимость между показателями как прямую. Существует безусловная взаимосвязь между индикаторами, однако сложно однозначно утверждать, что именно затраты на инновационную деятельность выступают решающим фактором большего значения валового регионального продукта на душу населения, а не наоборот – больший уровень валового продукта способствует росту затрат на инновации.

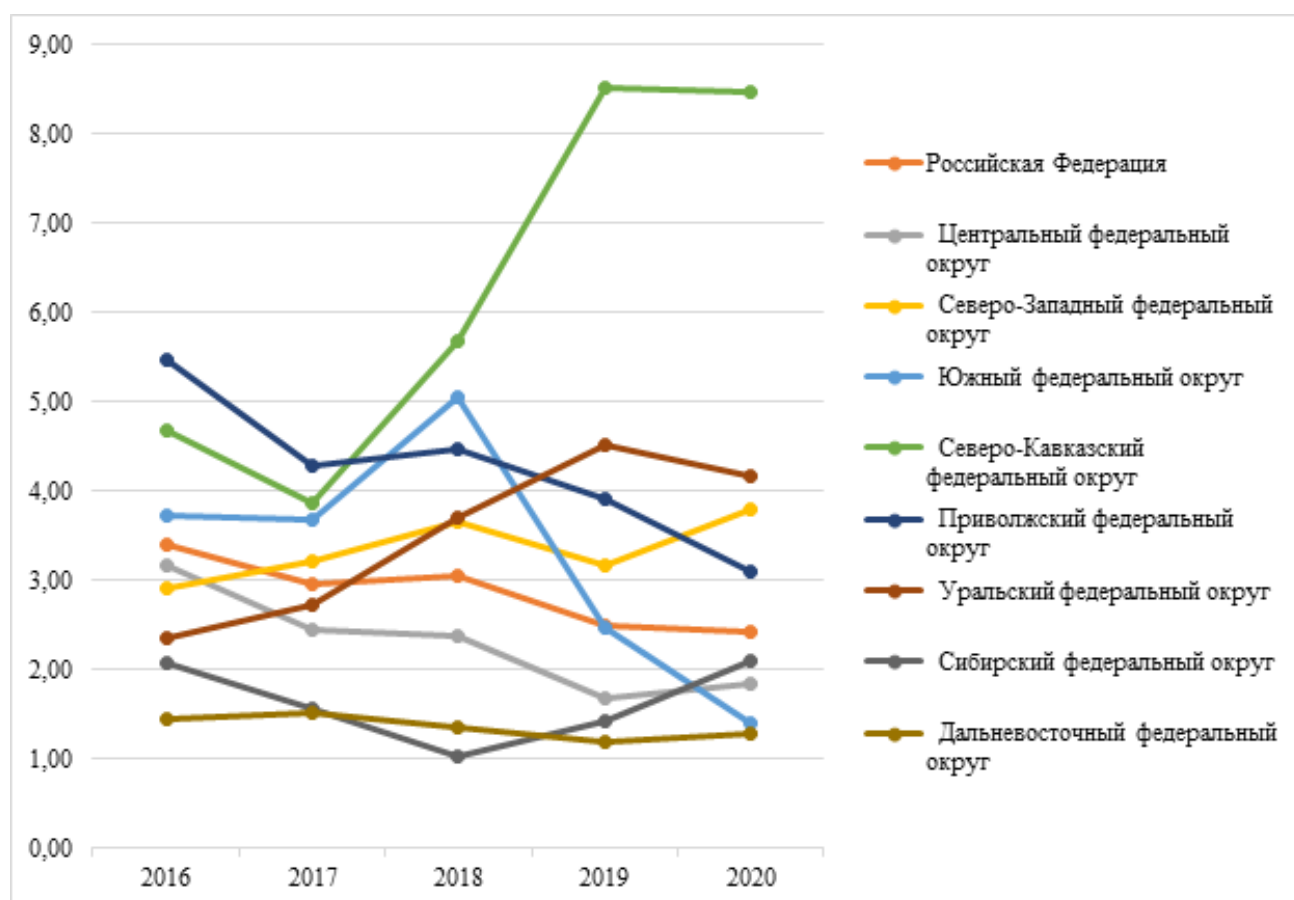

Рисунок 3 – Инновационная продукция на 1 рубль затрат на инновационную деятельность, руб./руб.
Источник: построено автором на основе данных [9].

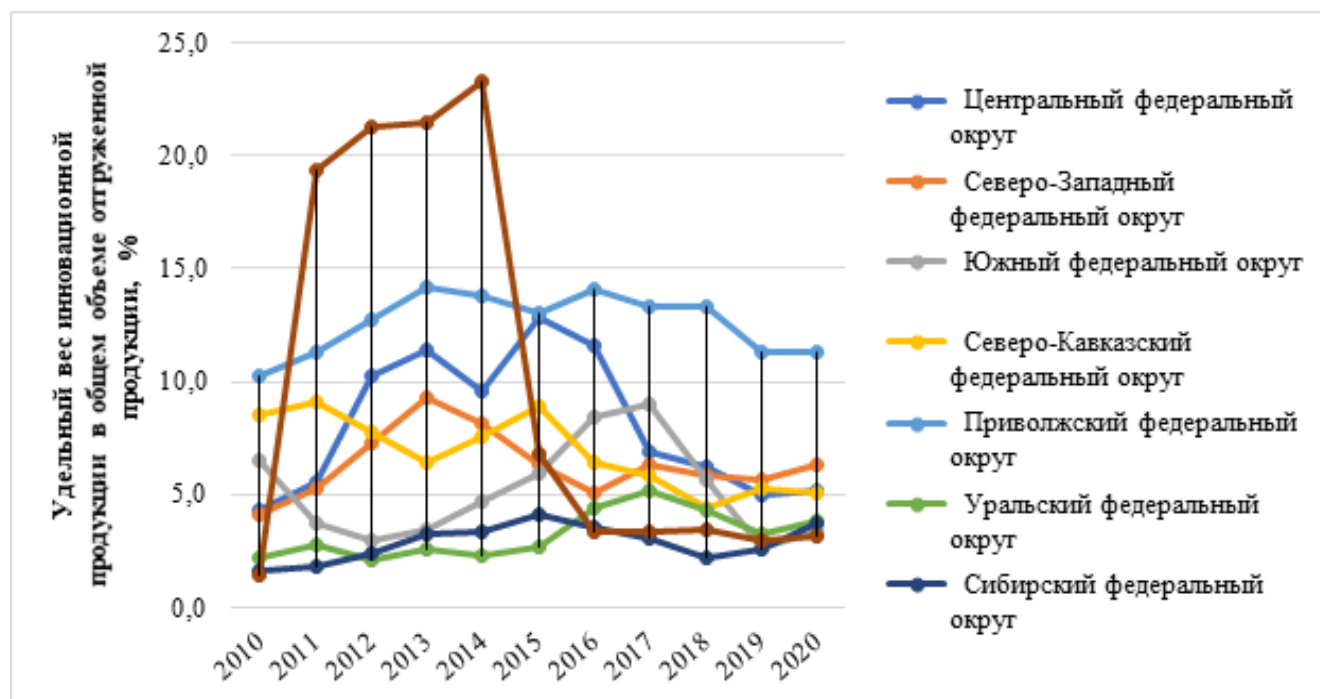

Рисунок 4 – Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (выполненных работ, оказанных услуг), %
 Источник: построено автором на основе данных [9].

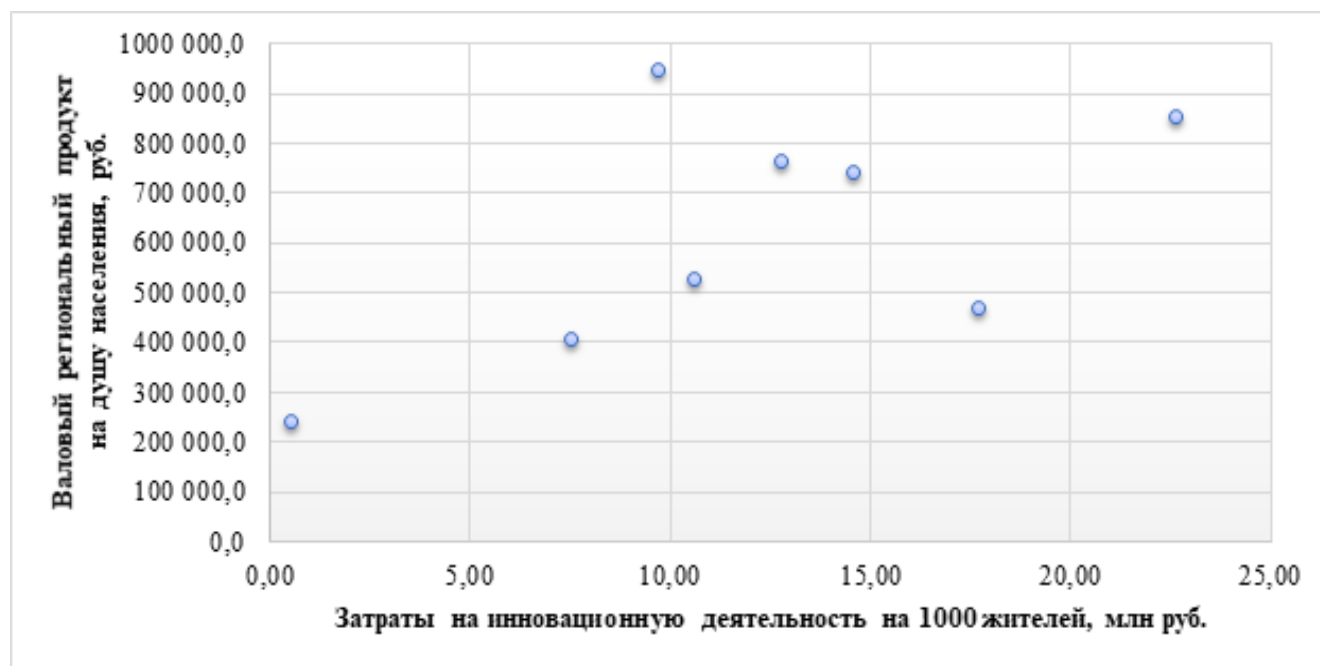

Рисунок 5 – Зависимость между затратами на инновационную деятельность на 1000 жителей и ВРП на душу населения субъектов Российской Федерации в 2020 году
 Источник: построено автором на основе данных [9].

Заключение. Резюмируя полученные результаты, можно отметить, что в условиях кризиса однополярной модели экономической глобализации трансформируется роль инновационной деятельности в экономике развивающихся стран. Из фактора углубления интеграции в мировые рынки инновации превращаются в инструмент обеспечения экономической безопасности страны, развития внутреннего рынка, укрепления экономической независимости, что особенно актуально для экономики стран, подвергающихся санкционному давлению, в частности Российской Федерации. Стратегическое обеспечение инновационного характера экономического развития невозможно вне пространственного контекста. Регионы различного уровня, представляющие собой пространственные элементы национальной экономики, служат базовыми звеньями в формировании инновационной политики государства, создании и использовании инновационного потенциала национальной экономики.

Территориальная (региональная) дифференциация экономического пространства является его неотъемлемым свойством. Вместе с тем следует различать территориальную дифференциацию (качественные различия в отраслевой структуре экономики, демографической нагрузке, доступности природных ресурсов, культурных различиях населения) и территориальные диспропорции (различия в уровне жизни населения, доходах, развитости инфраструктуры, деловой активности предприятий) экономического пространства. Если преодолеть дифференциацию в принципе невозможно, то диспропорциональность является негативным фактором и потенциально несет опасность региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национального хозяйства, ослабления целостности общества и государства.

Исходя из результатов статистического анализа инновационной активности в разрезе субъектов Российской Федерации, можно говорить как о дифференциации, так и о диспропорциональности отдельных аспектов инновационного поля экономики Российской Федерации на мезоуровне. Существует значительный разрыв в уровне затрат на инновационную деятельность (в 28–40 раз) между наиболее успешными и наименее развитыми регионами, при этом регионы, лидирующие по затратам на инновационную дея-

тельность, как правило, демонстрируют худшие результаты в соотношении затрат и объемов реализации инновационной продукции. Одновременно прослеживается незначительная прямая взаимосвязь между валовым региональным продуктом и размером затрат на инновационную деятельность.

Таким образом, актуальными задачами представляются дальнейший качественный и количественный анализ пропорций и взаимосвязей между показателями социально-экономического развития, экономического роста и инновационной деятельности, выявление ключевых социально-экономических факторов существующих диспропорций, а также проверка гипотезы о взаимосвязи между эффективностью затрат на инновационную деятельность и внедрением в экономику регионов нетехнологических инноваций. Решение вышеобозначенной задачи является перспективным направлением наших дальнейших исследований.

Литература

1. Ульченко М.В. Инновации как инструмент повышения региональной экономической безопасности / М.В. Ульченко // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2013. – № 4(35). – С. 128–133.
2. Абазова, Л.Х. Определение экономической сущности инновационного развития региона / Л.Х. Абазова // Управление инновациями: теория, методология, практика. – 2016. – № 19. – С. 35–40.
3. Кузнецов, С.В. Факторы роста экономики регионов России: структуралистский подход / С.В. Кузнецов, Ю.В. Якишин // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1(71). – С. 93–105.
4. Богатырева, В.В. Структура национального экономического пространства Республики Беларусь в условиях международной конкуренции инновационных потенциалов / В.В. Богатырева, Э.В. Павлыш // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16-2. – С. 443–451.
5. Василенко, В.Н. Истоки межтерриториальных различий в экономическом развитии / В.Н. Василенко, Д.В. Василенко // Государственное и региональное развитие: возможности и ограничения в условиях пандемии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 14–15 нояб. 2020 г. – СПб., 2021. – С. 94–97.
6. Орехова, Е.А. Влияние характеристик и свойств экономического пространства на развитие территории / Е.А. Орехова // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 10. – С. 19–23.
7. Саушева, О.С. Роль инноваций в обеспечении экономической безопасности региональных систем / О.С. Саушева // Контентус. – 2015. – № 12(41). – С. 442–448.
8. Идигова, Л.М. Особенности инновационной деятельности в условиях глобализации экономики / Л.М. Идигова // Вестн. Чечен. гос. ун-та им. А.А. Кадырова. – 2019. – № 4. – С. 19–24.
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>. – Дата доступа: 20.05.2022.

Поступила в редакцию 24.06.2022

Социальная устойчивость сельских территорий Витебской области

Шаматульская Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Устойчивая социальная подсистема служит базой для устойчивого развития экономической и экологической подсистем региона и развивается в тесном взаимодействии с другими подсистемами, формирует жизнеспособность сельского общества и степень комфортности проживания сельского населения.

Цель статьи – рассмотреть структуру социальной сферы и определить социальную устойчивость сельских территорий Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Витебского областного, районных и сельских исполнительных комитетов. В ходе работы были использованы методы сравнительно-географического анализа, графоаналитический, статистический и метод балльной оценки.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены основные структурные элементы материальной основы социальной сферы, состояние которой является составляющей устойчивого развития сельских территорий.

Дано авторское определение социальной устойчивости. Посредством многоуровневой методики проведена оценка устойчивости социальной подсистемы сельских территорий Витебской области. Выделены группы районов области по уровню социальной устойчивости.

Заключение. Полученные данные социальной устойчивости сельских районов Витебской области могут быть сопоставимы с аналогичными показателями других регионов страны и позволят провести сравнительный анализ перспективы сельского социального развития с другими регионами.

Ключевые слова: сельские территории, Витебская область, социальная устойчивость.

Social Sustainability of Rural Areas of Vitebsk Region

Shamatulskaya E. V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A stable social subsystem is the basis for the sustainable development of the economic and the ecological subsystems of the Region and develops in close cooperation with other subsystems; it forms the viability of rural society and the degree of comfort of rural population.

The purpose of the study is to consider the structure of the social sphere and determine the social sustainability of rural areas of Vitebsk Region.

Material and methods. The information base of the study was the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, Vitebsk Region, District and rural executive committees. In the course of the work, the methods of comparative geographical analysis, the table analytical, the statistical and the method of scoring were used.

Findings and their discussion. The main structural elements of the material basis of the social sphere, the state of which is a component of the sustainable development of rural areas, are considered.

The author's definition of social stability is given. By means of a multilevel methodology, an assessment of the sustainability of the social subsystem of rural territories of Vitebsk Region was carried out. Groups of districts of the Region are identified according to the level of social stability.

Conclusion. The obtained data on the social sustainability of rural areas of Vitebsk Region can be compared with similar indicators of other Regions of the country and will allow a comparative analysis of the prospects for rural social development with other regions.

Key words: rural areas, Vitebsk Region, social sustainability.

Сельские территории представляют собой сложную пространственную систему, состоящую из экономической, социальной и экологической подсистем, а ее стабильность зависит от входящих в ее состав отдельных элементов [1]. Сельскую социальную подсистему следует рассматривать как форму жизнедеятельности сель-

ского населения, состоящую из взаимосвязанных элементов, определяющих уровень жизни и благосостояние сельских жителей.

Устойчивая социальная подсистема служит базой для устойчивого развития экономической и экологической подсистем региона и развивается в тесном взаимодействии с другими подсистемами, формирует жизнеспособность сельского

общества и степень комфортности проживания сельского населения.

Устойчивость сельских территорий многие авторы оценивают с помощью интегрального индикатора, состоящего из экономического, социального и экологического блоков показателей. Социальный блок в теории современной социально-экономической устойчивости представлен разными составляющими. Так, в качестве базовых критериев многие ученые рассматривают показатели сфер здравоохранения, образования, культуры, обеспеченность жильем, доходы населения, а также демографические показатели (таблица 1).

Одним из доминирующих факторов, способствующих социальной устойчивости сельских территорий, является наличие определенной инфраструктуры, которая включает объекты производственной, социальной и производственно-социальной (инженерной) инфраструктуры [2].

Другие исследователи в социальной сфере выделяют две группы отраслей: обслуживающие материальное потребление (организации общественного питания и розничной торговли, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, дорожная и транспортная сеть, связь и др.) и направленные на удовлетворение социально-культурных потребностей (учреждения здравоохранения, образования, культуры, спортивно-оздоровительные организации, организованный туризм и отдых) [3].

Совокупность предприятий, отраслей и организаций, которые создают и обеспечивают оптимальные условия и жизнедеятельность населения, создают материальную основу социальной подсистемы сельских территорий, состояние которой является составляющей устойчивого развития сельских территорий.

Социальная инфраструктура оказывает влияние на экономическое развитие, поскольку от-

расли этой сферы становятся точками развития демографических ресурсов территории. Роль социальной инфраструктуры заключается в создании конкурентного социально-экономического образа региона на национальном уровне.

Исследованию понятийного аппарата «социальная инфраструктура» сельских территорий посвящены работы ряда отечественных и российских ученых. Так, С.А. Матох определяет социальную инфраструктуру села как материально-пространственную среду, направленную на обеспечение качественной жизни сельского населения [4]. О.А. Пашкевич и др. рассматривают социальную инфраструктуру как компонент качества жизни сельского населения [5]. Являясь частью социального развития региона, социальная инфраструктура предопределяет социальную и экономическую устойчивость территории, что отражено в работе коллектива российских ученых, где также раскрыты основные методологические приемы анализа социальной устойчивости ряда российских регионов [6].

Основа для реализации мероприятий по повышению социальной устойчивости и обеспечение оптимальных социальных стандартов сельского населения закреплено в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и в Стратегии устойчивого развития Витебской области на 2016–2025 годы. Государственные социальные стандарты по обслуживанию населения, созданию социальной инфраструктуры в агрогородках закреплены Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 годы. Действующие в настоящее время стандарты и нормативы в области социального обслуживания, перечень и порядок оказания социальных услуг закреплены в Законе Республики Беларусь «О социальном обслужива-

Таблица 1 – Основные показатели социального блока

Авторы	Здравоохранение	Образование	Культура	Воспроизводство населения	Жилье	Газификация	Торговая сеть	Транспорт и связь	Доходы и расходы	Трудовые ресурсы	Уровень безработицы	Расселение, плотность	Уровень преступности
В.Г. Гаркавая [7]	+	+	+	+	+				+		+		
А.В. Колмыков [8]	+	+	+	+						+		+	
Г.В. Миренкова [1]	+	+		+	+				+				
О.А. Пашкевич и др. [5]	+	+	+		+	+	+	+					
В.И. Тихий и др. [9]	+	+		+					+	+	+		
А.В. Чирич [10]	+	+		+	+		+	+	+				+

нии» и в Программе развития бытового обслуживания населения Витебской области на 2011–2015 гг.

Очевидно, что сельская социальная система по сравнению с городом имеет свои специфические черты: меньшая оснащенность материально-техническими средствами, удаленность от средств и путей сообщения и крупных городов; непривлекательность сельского образа жизни, зависимость от уровня экономического состояния местных хозяйств, недостаточная обеспеченность и разнообразие оказываемых услуг и др.

Цель статьи – рассмотреть структуру социальной сферы и определить социальную устойчивость сельских территорий Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, а также областного, районных и сельских исполнительных комитетов Витебской области. В ходе работы были использованы методы сравнительно-географического анализа, нормирования, статистический и балльный метод.

Социальная устойчивость сельских территорий может быть определена с помощью системы показателей, позволяющих получить достоверную оценку ее состояния, фиксацию отрицательных и положительных изменений.

Оценка устойчивости социальной подсистемы сельских территорий Витебской области была проведена посредством многоуровневой методики:

1. Определение качественных и количественных показателей (на данном этапе главным критерием является доступность данных из статистических источников).
2. Формирование исходной матрицы – информационной базы для расчета показателей.
3. Нормирование значений и расчет показателей.
4. Расчет суммарных баллов и индекса социальной устойчивости сельских территорий.
5. Группировка районов по степени социальной устойчивости и интерпретация данных.

После создания сводной матрицы социальных показателей необходим переход к нормированным значениям. Одни рассматриваемые показатели имеют тенденцию к увеличению, другие – к снижению. Поэтому показатели с лучшим наибольшим значением рассчитывались по формуле (1):

$$N_i = \frac{R_i}{R_{\max}}, \quad (1)$$

где N_i – нормированное значение по i -му району Витебской области;

R_i – значение i -го показателя;

$R_{\max}$ – максимальное значение показателя в группе районов области.

Показатель с лучшим наименьшим значением численности (количество безработных) рассчитывался по формуле (2):

$$N_i = 1 - \left(\frac{R_i}{R_{\max}} \right) + \left(\frac{R_{\min}}{R_{\max}} \right), \quad (2)$$

где N_i – нормированное значение по i -му району Витебской области;

R_i – значение i -го показателя;

$R_{\min}$ – минимальное значение показателя в группе районов области.

Все коэффициенты располагаются в интервале от 0 до 1, и значение 1 присваивается лучшему значению RN_i .

Индекс социальной устойчивости сельского района определяли по (3):

$$I_{\text{соц.уст.}} = \sum \frac{N_i}{n}, \quad (3)$$

где $I_{\text{соц.уст.}}$ – интегральный показатель;

N_i – значение i -го показателя;

n – число показателей.

Результаты и их обсуждение. Устойчивость применительно к развитию подразумевает развитие не в ущерб будущим поколениям. Социальную устойчивость сельских территорий автор рассматривает как состояние общества, для которого характерны высокий уровень и качество жизни, широкий доступ к производственным и непроизводственным ресурсам как данного социума, так и будущих поколений.

Главным для размещения учреждений социальной сферы является потребительский фактор услуг или численность населения. Сокращение численности сельского населения влечет за собой сокращение количества учреждений, предоставляющих услуги.

По оценкам специалистов, главными проблемами, препятствующими устойчивому социальному развитию, сегодня продолжают оставаться: сокращение детских дошкольных учреждений, школ, объектов здравоохранения, культуры, торговли, общественного питания, автобусных маршрутов и др.

В структуре населения Витебской области доля сельского населения составляет 22%, а на долю области в общереспубликанском показателе приходится 12,7%. Численность сельского населения Витебской области составляет 259,3 тыс. чел. Витебская область является самой мелконаселенной и насчитывает больше всего по республике сельских населенных пунктов – 6202, или 22%, большинство из которых отличается малой людностью. Поэтому с учетом реально существующих условий невозможно обеспечить наличие всех типов учреждений социальной сферы в каждом поселе-

нии, а размещение учреждений сферы обслуживания коррелирует с учетом системы расселения сельского населения.

Для определения социальной устойчивости сельских территорий Витебской области нами был проведен статистический анализ региональной совокупности ряда социальных показателей и их сочетаний. Учитывая реальную доступность данных официальной статистики и районных исполнительных комитетов по сельским территориям 21 района Витебской области [11–13], в анализ возможным оказалось включить данные показателей, сформированные в четыре блока: воспроизводство сельского населения, социальная инфраструктура, жилье, транспорт и связь (таблица 2).

После создания сводной матрицы социальных показателей количественные данные были переведены в нормированные значения (таблица 3).

Далее для каждого района определялась сумма баллов по блокам рассмотренных показателей (таблица 4).

Затем были рассчитаны индекс социальной устойчивости для каждого района и количество районов, входящих в определенные группы (таблица 5).

Интегральный индекс состояния системы позволяет проследить тренды ее развития. Значения индекса социальной устойчивости сельских территорий Витебской области колеблются от 0,78 до 0,43, что отражает относительную равномерность социального развития сельских территорий Витебской области. Районов с высокой степенью социальной устойчивости в области нет. Только Витебский, Оршанский и Полоцкий районы относятся к районам с устойчивым социальным развитием. Большая часть сельских районов (12 из 21) относится к категории, близкой к устой-

Таблица 2 – Система показателей для расчета социальной устойчивости сельских территорий

Блоки индикаторов	Показатели	
Воспроизводство сельского населения	коэффициент рождаемости	
	коэффициент смертности	
Социальная инфраструктура	здравоохранение	число больничных учреждений число фельдшерско-акушерских пунктов
	образование	число дошкольных учреждений число учреждений общего среднего образования
	культура и искусство	число библиотек, школ искусств, клубов
Жилье	ввод в эксплуатацию домов в с.н.п., м ²	
	обеспеченность сельского населения жильем, м ² на 1 чел.	
Транспорт и связь	общая протяженность автомобильных дорог, км	
	пассажирооборот, чел.	
	число отделений связи	

Таблица 3 – Матрица нормированных значений

Районы	Воспроизводство населения		Социальная инфраструктура			Жилье		Транспорт и связь		
	N ₁	N ₂	N ₃	N ₄	N ₅	N ₆	N ₇	N ₈	N ₉	N ₁₀
Бешенковичский	0,56	0,80	0,26	0,10	0,10	0,11	0,67	0,10	0,31	0,43
Браславский	0,72	0,84	0,61	0,36	0,36	0,35	0,76	0,36	0,61	0,50
Верхнедвинский	0,66	0,78	0,64	0,21	0,21	0,04	0,65	0,21	0,46	0,40
Витебский	0,64	1	1	0,19	0,19	1	0,52	0,19	0,54	0,84
Глубокский	0,74	0,76	0,87	0,60	0,60	0,13	0,72	0,60	0,67	1
Городокский	0,61	0,55	0,39	0,30	0,30	0,05	0,73	0,30	0,61	0,40
Докшицкий	0,75	0,62	0,87	0,13	0,13	0,16	0,78	0,13	0,37	0,41
Дубровенский	0,71	0,79	0,19	0,21	0,21	0,01	0,74	0,21	0,35	0,50
Лепельский	0,71	0,95	0,77	0,18	0,18	0,20	0,69	0,18	0,41	0,47
Лиозненский	0,62	0,79	0,51	0,11	0,11	0,02	0,59	0,11	0,34	0,40
Миорский	0,72	0,84	0,41	0,16	0,16	0,12	0,96	0,16	0,48	0,47

Оршанский	0,64	0,86	0,93	1	1	0,55	0,61	1	0,81	0,90
Полоцкий	0,67	0,93	0,77	0,91	0,91	0,63	0,61	0,91	0,88	0,84
Поставский	0,58	0,67	0,74	0,57	0,57	0,14	0,84	0,57	0,78	0,93
Россонский	0,95	0,51	0,29	0,15	0,15	0,05	0,85	0,15	0,39	0,25
Сенненский	0,62	0,80	0,55	0,29	0,29	0,04	0,91	0,29	0,52	0,47
Толочинский	0,62	0,83	0,48	0,18	0,18	0,02	0,92	0,18	0,39	0,69
Ушачский	0,47	0,53	0,19	0,20	0,20	0,08	0,79	0,20	0,39	0,28
Чашникский	0,72	0,72	0,32	0,14	0,14	0,03	1	0,14	0,38	0,37
Шарковщинский	0,78	0,73	0,26	0,13	0,13	0,02	0,84	0,13	0,34	0,34
Шумилинский	1	0,74	0,42	0,07	0,07	0,07	0,83	0,07	0,37	0,50

Примечание: рассчитано автором по [11–13].

Таблица 4 – Результаты расчетов социальной устойчивости сельских территорий Витебской области

Районы	Воспроизводство населения	Социальная инфраструктура	Жилье	Транспорт и связь
Бешенковичский	0,463626	0,348586	0,39325	0,372789
Браславский	0,643631	0,616951	0,556907	0,557407
Верхнедвинский	0,545948	0,646849	0,347331	0,43642
Витебский	0,766858	0,935385	0,761905	0,695213
Глубокский	0,693368	0,916989	0,428833	0,836394
Городокский	0,542172	0,582707	0,393511	0,508629
Докшицкий	0,575012	0,772545	0,472658	0,386908
Дубровенский	0,473217	0,411696	0,379513	0,425692
Лепельский	0,579714	0,622338	0,447279	0,442216
Лиезненский	0,482444	0,564864	0,31214	0,374774
Миорский	0,616958	0,654315	0,541994	0,477084
Оршанский	0,777139	0,952854	0,586604	0,860799
Полоцкий	0,780864	0,808834	0,624935	0,864474
Поставский	0,669693	0,769363	0,491758	0,862471
Россонский	0,480493	0,332672	0,451465	0,324428
Сенненский	0,554199	0,497667	0,477368	0,497466
Толочинский	0,532283	0,542658	0,471743	0,53755
Ушачский	0,430344	0,38879	0,437336	0,337222
Чашникский	0,514321	0,436587	0,513605	0,378974
Шарковщинский	0,496823	0,454056	0,433281	0,341288
Шумилинский	0,550694	0,50987	0,453428	0,434373

Таблица 5 – Пороговые значения индекса социальной устойчивости

Границы интервала индекса	Степень устойчивости	Количество районов
$0,91 < I_{\text{соц.уст.}} < 1,0$	Высокий уровень устойчивости	–
$0,76 < I_{\text{соц.уст.}} < 0,9$	Устойчивое развитие	3
$0,51 < I_{\text{соц.уст.}} < 0,75$	Развитие, близкое к устойчивому	12
$0,26 < I_{\text{соц.уст.}} < 0,5$	Развитие с признаками неустойчивости	6
$0,11 < I_{\text{соц.уст.}} < 0,25$	Неустойчивое, предкризисное развитие	–
$0 < I_{\text{соц.уст.}} < 0,1$	Абсолютно неустойчивое развитие, кризис	–

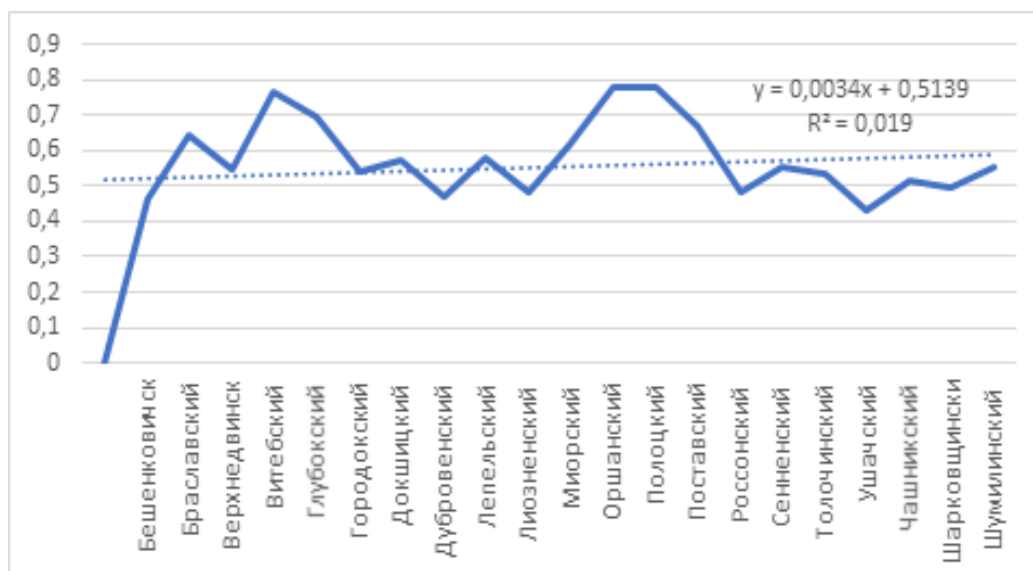

Рисунок – Значения индекса социальной устойчивости сельских территорий Витебской области

чивому социальному развитию. Низкие показатели характерны для Шарковщинского, Лиозненского, Россонского, Дубровенского районов (в порядке уменьшения индекса СУ). Самые социально нестабильные районы в области – Бешенковичский и Ушачский. Районов с неустойчивым, кризисным развитием в Витебской области нет. Среднее значение индекса СУ по Витебской области составляет 0,579 (рисунок).

Анализируя индекс социальной устойчивости, можно выявить пронации, по которым район отстает, выделить районы со схожими проблемами и подходами к их решению и определить точки приложения усилий по повышению устойчивости.

Заключение. Полученные данные расчета социальной устойчивости сельских районов Витебской области могут быть сопоставимы с аналогичными показателями других регионов страны и позволят провести сравнительный анализ перспективы сельского социального развития с другими регионами.

Рассмотренная методика, основанная на использовании количественных показателей, позволяет получить качественную оценку социальной устойчивости сельских территорий и тенденций их формирования. Работа органов управления должна быть направлена не только на увеличение объемов производства, но и на обеспечение устойчивости, качества и высокого уровня жизни сельского населения. И одной из основных целей парадигмы устойчивого социально-эколого-экономического развития должна стать именно социальная устойчивость.

Литература

1. Миленкова, Г.В. Методология оценки устойчивости регионального развития сельских территорий / Г.В. Миленкова //

- Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. Аграрные науки. – 2020. – № 44. – С. 63–70.
2. Чернышев, К.А. Трансформация территориальной организации населения депрессивного региона: монография / К.А. Чернышев. – Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2016. – 204 с.
3. Баландин, Д.А. Теоретические аспекты развития инфраструктуры сельских территорий / Д.А. Баландин // Журн. экон. теории. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 442–447.
4. Матюх, С.А. Формирование и развитие социальной и производственной инфраструктуры села в Республике Беларусь / С.А. Матюх // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 20(323). – С. 55–60.
5. Социальные стандарты качества жизни в сельской местности: оценки, тенденции, перспективы / О.А. Пашкевич [и др.] // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2019. – № 2. – С. 11–17.
6. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения / Е.П. Башмакова [и др.]; под науч. ред. Л.А. Рябовой. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. – 169 с.
7. Гаркавая, В.Г. Анализ и комплексная оценка устойчивого развития регионов / В.Г. Гаркавая // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; [редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 10. – С. 121–127.
8. Колмыков, А.В. Методология кластерной оценки устойчивого социально-экономического развития административных районов Беларуси / А.В. Колмыков // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2018. – № 3. – С. 25–31.
9. Тихий, В.И. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития сельских территорий региона / В.И. Тихий, С.С. Иванов // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 8. – С. 1467–1480.
10. Чирич, А.В. Анализ эффективности инвестиций в развитие социальной инфраструктуры села Республики Беларусь / А.В. Чирич // Агропанорама. – 2015. – № 3(109). – С. 38–42.
11. Статистический ежегодник Витебской области за 2021 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь / Главное статистическое управление Витебской области. – Минск, 2021. – 442 с.
12. Социальная сфера Витебской области. Витебский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vitebsk-region.gov.by/ru/soc_sfera-ru/. – Дата доступа: 27.10.2021.
13. Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. – Минск, 2019. – 429 с.

Поступила в редакцию 30.12.2021

Торговые дисбалансы ЕАЭС и Беларуси: сравнительный анализ и определение положительных и отрицательных сторон внешней торговли товарами одежды

Быков К.Р.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

По результатам сравнительного анализа ЕАЭС и Беларуси во внешней торговле товарами одежды за 2015–2020 гг. выявлены основные дисбалансы в торговле между странами – членами ЕАЭС и третьими странами. Определены ключевые положительные и отрицательные стороны внешней торговли одежды ЕАЭС и Беларуси для принятия решений.

Цель статьи – сравнительный анализ сбалансированности внешней торговли товарами одежды (швейными товарами) ЕАЭС и Республики Беларусь по направлениям торговли и определение положительных и отрицательных сторон для выработки управленческих решений.

Материал и методы. Материалом исследования явились научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам торговых дисбалансов и сбалансированности внешней торговли. Информационной базой послужили статистические данные Евразийской экономической комиссии и классификатор товаров единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС. Основные методы: анализ, синтез, статистические.

Результаты и их обсуждение. Дано определение сбалансированности внешней торговли. Выполнен сравнительный анализ внешней торговли товарами одежды ЕАЭС и Беларуси по двум направлениям: во взаимной торговле со странами – членами ЕАЭС и третьими странами. Осуществлена оценка динамики и изменения структуры внешней торговли в разрезе товарных групп, основных товаров и внешнеторговых партнеров.

Заключение. Во внешней торговле ЕАЭС и Беларуси сложились высокие диспропорции в структуре импорта взаимной и внешней торговли с третьими странами, что свидетельствует о дисбалансе внешнеторговых операций. Распределение товарооборота одежды ЕАЭС является несбалансированным, его наибольшая доля сконцентрирована на третьих странах, что свидетельствует о низкой вовлеченности стран-членов во взаимную торговлю. В структуре белорусского экспорта одежды по всем направлениям торговли преобладают товары с высокой степенью экспорта услуг промышленного характера, оказывающие влияние на снижение добавленной стоимости. Низкий уровень географической диверсификации экспорта и импорта одежды определяет высокий уровень рисков при снижении объемов экспорта в основные страны-партнеры и вытеснении их с рынков.

Ключевые слова: сбалансированность, экспорт, импорт, одежда, ЕАЭС, взаимная торговля, внешняя торговля, товарная структура, товарная группа, географическая структура, географическая концентрация, географическая диверсификация.

Trade Disbalances of EAEU and Belarus: a Comparative Analysis and Identification of Positive and Negative Aspects of Clothing Item Foreign Trade

Bykov K.R.

Education Establishment “Vitebsk State Technological University”

According to the comparative analysis of the EAEU and Belarus in 2015–2020 clothing item foreign trade basic disbalances were found out in the trade between EAEU member countries and tertiary countries. Key positive and negative aspects of clothing item foreign trade of EAEU and Belarus were identified aiming at decision taking.

The purpose is a comparative analysis of the balance of clothing item foreign trade of EAEU and Belarus according to trade types and identification of the positive and negative aspects.

Material and methods. The research material was research works of domestic and foreign scholars on issues of trade disbalances and balance of foreign trade. The information base was statistic data of Eurasian Economic Commission and goods classifier of the unified goods nomenclature of the EAEU international economic activities. The main methods were analysis, synthesis, statistic.

Findings and their discussion. The definition of foreign trade balance is given. A comparative analysis of clothing item foreign trade of EAEU and Belarus is made according to two directions: mutual trade with EAEU member countries and trade with tertiary countries. The dynamics and the transformation of the foreign trade structure are evaluated in terms of item groups, basic items and foreign trade partners.

Conclusion. Great disproportions in the structure of import in mutual and foreign trade with tertiary countries of EAEU and Belarus shaped, which manifests the disbalance of foreign trade operations. The distribution of clothing item turnover in EAEU is not balanced, its largest part is concentrated with tertiary countries, which testifies to low involvement of member countries in mutual trade. In the structure of Belarusian clothing item export in terms of all the trade directions goods with high degree of export of industrial character services prevail, which indicates the reduction of added costs. The low level of geographical diversification of clothing item export and import determines the high level of risks of reducing the export volumes into the main partner countries and removing them from markets.

Key words: balance, export, import, clothing, EAEU, mutual trade, foreign trade, trade item structure, goods group, geographical structure, geographical concentration, geographical diversification.

Внастоящее время, по прогнозным оценкам экспертов ВТО, наблюдаются более высокие темпы восстановления объемов международной торговли товарами. Так, в 2020 г. объемы международной торговли, сократившиеся из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – пандемия) на 5,3%, могут вырасти в 2021 г. на 8% и еще на 4% в 2022 г. [1].

Ключевыми субъектами мировых хозяйственных процессов по-прежнему являются региональные интеграционные объединения. Современный этап развития региональных систем характеризуется существенными глобальными и локальными дисбалансами, которые становятся одним из главных факторов, затрудняющих переход к траектории сбалансированного развития как отдельных регионов, так и национальной экономики в целом. На постсоветском пространстве важное значение придается Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), однако сложившаяся геополитическая и экономическая ситуация требует интенсификации интеграционных процессов и повышения эффективности функционирования данной организации. До сих пор у ЕАЭС имеется ряд проблем, образовавшихся с момента создания Таможенного союза: миграция рабочей силы и бизнеса, протекционизм в отношении производителей и др. Решение проблем требует не только совершенствования механизмов сотрудничества и оформления институтов интеграционной организации, но и поиска внутренних резервов в каждой стране, входящей в ЕАЭС.

Для национальной экономики Беларуси из-за отсутствия природных ресурсов приходится ограничивать закупку внешних ресурсов и стремиться максимально наращивать экспорт товаров и услуг, так как степень сбалансированности внешней торговли отражает состояние положительного сальдо по внешней торговле, позволяющего улучшить динамику платежного баланса страны по счету текущих операций и обеспечить поступление иностранной валюты для решения актуальных задач в экономике.

Проблеме сбалансированности внешней торговли экономики Беларуси посвящены труды белорусских ученых: А.Е. Дайнеко, Т.С. Вертинской, Д.В. Береснева [2–5], М.В. Боровко [6], Н. Абрамчук [7], Г.Л. Вардеваняна, Е.А. Червинского [8], Г.А. Шмарловской [9], А.П. Левкович [10] и др. Дискуссионные вопросы, связанные с изучением внешней торговли как источника сбалансированного экономического роста, рассмотрены в работах ученых России: А.Ю. Кнобеля, А.Н. Спартака, М.А. Баевой, Ю.К. Зайцева, А.Д. Левашенко, А.Н. Лощенковой, О.П. Пономаревой, К.А. Прока [11], И.В. Закирова [12]. Вместе с тем ряд аспектов, связанных с исследованием диспропорций во внешней торговле товарами в разрезе отдельных видов деятельности и разработки стратегии сбалансированности внешней торговли, рассмотрен недостаточно полно.

По нашему мнению, сбалансированность внешней торговли вытекает из предложенного нами определения сбалансированности развития предприятия [13], где отмечено, что одним из условий сбалансированности развития является опережающий рост экспорта над импортом, обеспечивающий вклад системы в экономический рост без создания торговых и бюджетных дисбалансов. Следует отметить, что в Программе деятельности Правительства Беларуси на 2016–2020 гг. одной из стратегических целей ставилось обеспечение сбалансированности внешней торговли за счет наращивания экспорта не менее 65% произведенной продукции [3]. Вместе с тем под диспропорциями подразумевается несоответствие темпов развития отдельных частей системы, в результате чего часть общего продукта (товара) остается невостребованной. В экономической системе диспропорции ведут к непроизводительным потерям рабочего времени, капиталов и материальных ресурсов [14].

Цель статьи – сравнительный анализ сбалансированности внешней торговли товарами одежды (швейными товарами) ЕАЭС и Республики Беларусь по направлениям торговли и определение положительных и отрицательных сторон для выработки управленческих решений. Для достиже-

ния поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- оценить динамику стоимостных объемов внешнеторгового оборота и сальдо, экспорта и импорта; выявить факторы, оказывающие влияние на изменение данных показателей;
- изучить особенности и динамику товарной структуры внешней торговли, выступающей ключевым фактором сбалансированности объемов внешней торговли и обуславливающей территориальные особенности ее распределения. Ключевыми параметрами являются удельный вес товарной группы в объемах экспорта и импорта и ее динамика;
- выполнить анализ географической (страновой) структуры во внешней торговле интеграционного объединения – ЕАЭС и отдельного государства – Республики Беларусь;
- определить положительные и отрицательные стороны внешней торговли товарами одежды для ЕАЭС и Беларуси с целью выработки рекомендаций по практическому использованию результатов.

Материал и методы. Материалом исследования явились научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам торговых дисбалансов и сбалансированности внешней торговли. Информационной базой послужили статистические данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) за 2015–2020 гг. и классификатор товаров единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС). Методическая схема исследования внешней торговли швейными товарами ЕАЭС и Беларуси основана на экономико-статистическом анализе динамики и структуры показателей внешней торговли.

Результаты и их обсуждение. Дано определение сбалансированности внешней торговли. Выполнен сравнительный анализ сбалансированности внешней торговли товарами одежды (С14) ЕАЭС и Беларуси по двум направлениям: с одной стороны, ЕАЭС во взаимной торговле со странами-членами и третьими странами, с другой – Беларусь во взаимной торговле со странами – членами ЕАЭС и третьими странами. Дана оценка показателей динамики и изменения структуры внешней торговли в разрезе ключевых товарных групп, основных товаров и внешнеторговых партнеров. Отмечены причины и факторы, оказывающие негативное влияние на динамику сбалансированности внешней торговли одеждой ЕАЭС и Беларуси. Определены основные положительные и отрицательные стороны внешней торговли товарами одежды для ЕАЭС и Беларуси по всем направлениям торговли для выработки стратегических управленческих решений.

Положительные стороны во внешней торговле одеждой ЕАЭС: Интенсивность роста экспортных потоков одежды была выше импортных потоков за весь период исследования в целом по ЕАЭС.

Положительные стороны во внешней торговле одеждой Беларуси: 1) Темпы роста товарооборота Беларуси во внешней торговле в целом превышали темпы роста товарооборота одежды во взаимной и внешней торговле ЕАЭС за весь период исследования, что свидетельствует о положительном вкладе республики в динамику роста товарооборота одежды ЕАЭС.

2) В результате превышения стоимостного объема экспорта над импортом в среднем в 1,2 раза (кроме 2018 и 2019 гг.) сложилось положительное сальдо за период исследования во взаимной торговле с ЕАЭС и странами вне ЕАЭС.

3) Товарооборот по всем направлениям торговли ЕАЭС наиболее сбалансированным был только в Беларуси, со странами – членами ЕАЭС ее доля составила 5,3%, с третьими странами – около 4%.

4) Товарная структура экспортно-импортных потоков в разрезе товарных групп характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствует положительное сальдо взаимной торговли в целом и в разрезе основных товарных групп 61 и 62.

5) Товарная структура экспортно-импортных потоков во взаимной торговле с Россией в разрезе основных товарных групп характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствует положительное сальдо взаимной торговли товарных групп 61 и 62.

6) В товарной структуре экспорта во взаимной торговле с Россией наблюдается увеличение доли товаров группы 63 – «Прочие готовые текстильные изделия; наборы; одежда и текстильные изделия, бывшие в употреблении; тряпье», что привело к увеличению положительного вклада в изменение взаимного торгового сальдо за счет товарной группы 63 (без 6309 и 6310) и товара (6309).

Отрицательные стороны во внешней торговле одеждой ЕАЭС и Беларуси: Структура импорта характеризуется несбалансированностью, в среднем доля импорта во внешней торговле с третьими странами составила 91,5% по ЕАЭС и 67,7% для Беларуси, что свидетельствует о высокой зависимости от импорта товаров одежды.

Отрицательные стороны во внешней торговле одеждой ЕАЭС: 1) Распределение товарооборота в целом характеризуется несбалансированностью, наибольшая доля товарооборота государств – членов ЕАЭС была сконцентрирована

с третьими странами – 83,3% (доля России – 70,4%). Это свидетельствует о низкой вовлеченности государств – членов ЕАЭС во взаимную торговлю в рамках интеграционного объединения.

2) На изменение сальдо в целом в 2020 г. по сравнению с 2015 г. наибольший отрицательный вклад внесла Россия – «минус» 93,2% от общего вклада. Существенное снижение положительного сальдо сложилось в Беларуси, что негативно отразилось на общем вкладе – «минус» 3%.

3) Структура импорта характеризуется несбалансированностью, в среднем доля импорта во взаимной торговле с государствами-членами составила только 8,5%, что свидетельствует о высокой зависимости от импорта из третьих стран.

4) Опережающий рост экспорта над импортом на протяжении 2015–2020 гг. не обеспечивал бездефицитное сальдо внешней торговли с третьими странами в результате существенного превышения стоимостного объема импорта над экспортом в среднем в 26 раз.

5) Отмечается низкая диверсификация в географическом разрезе: на пять основных партнеров приходилось в 2020 г. около 65% всех экспортных поставок (Италия, Украина и др.) и около 74% всех импортных поставок (Китай, Бангладеш, Турция и др.), что указывает на высокую зависимость экспортно-импортных потоков ЕАЭС от нескольких контрагентов.

Отрицательные стороны во внешней торговле одеждой Беларуси: 1) В распределении товарооборота во взаимной торговле со странами – членами ЕАЭС наибольшую долю занимает Россия – около 98%. Следовательно, белорусский товарооборот указывает на высокую зависимость экспортно-импортных потоков от российского рынка и рисков в перспективе.

2) В товарной структуре экспорта товаров по всем направлениям торговли преобладают товары одежды, характеризующиеся высокой степенью экспорта услуг промышленного характера, т.е. заказчики в большей степени пользуются услугами белорусских швейных предприятий, размещая на них заказы на пошив из давальческого сырья с низкой добавленной стоимостью. Удельный вес давальческой переработки в швейном производстве составляет свыше 60%. Низкая эффективность переработки давальческого сырья характеризуется суммой прибыли, полученной при изготовлении изделий [16].

3) В товарной структуре одежды Беларуси и России сохраняется низкий уровень товарной и географической диверсификации: на две ведущие товарные группы 61 и 62 приходится около 81% всего товарооборота во взаимной торговле.

4) Товарная структура товарооборота с третьими странами характеризуется высоким уровнем товарной диверсификации ключевых товарных групп 61 и 62 с 79,5 до 57,8% за счет роста доли товара (6309) с 6,7 до 13,8%.

5) В товарной структуре экспортно-импортных потоков с третьими странами в разрезе товарных групп отмечается несбалансированность, о чем свидетельствует увеличение отрицательного сальдо по всем товарным группам в 2,5 раза до 252,1 млн долл. в 2020 г.

6) Прослеживается диспропорция в превышении доли импорта из третьих стран в среднем около 68% по сравнению с долей импорта во взаимной торговле с государствами – членами ЕАЭС.

7) В товарной структуре экспорта и импорта с третьими странами в разрезе основных видов товаров сложились высокие диспропорции: доля экспорта ключевых товарных групп 61 и 62 составляет около 78%, при этом 4 основных вида товаров охватывают 50,4% в общем объеме экспорта с третьими странами. В импорте диспропорция составляет 53% (61 и 62) при 37,1% (4 основных вида товаров) в общем объеме импорта с третьими странами.

8) Импорт из третьих стран демонстрирует негативную тенденцию увеличения доли товарной группы 63 (без 6309 и 6310) и товара (6309), характеризующихся низкой добавленной стоимостью.

9) Во внешней торговле отмечается низкая географическая диверсификация: на пять основных партнеров (Литву, Украину, Латвию, Польшу и Германию) приходилось около 78% (за 2020 г.) всех экспортных поставок, что указывает на высокую зависимость от нескольких контрагентов, в импорте – 63,3%, Турции, Китая, Бангладеш, Литвы и Италии.

10) Для экспорта в третьи страны в 2020 г. сложилась более низкая географическая концентрация, чем у ЕАЭС в целом, при этом противоположная ситуация наблюдалась с импортом товаров одежды.

Источник: авторская разработка.

1) Динамические и структурные дисбалансы во внешней торговле товарами одежды государств – членов ЕАЭС по направлениям торговли.

1. Интенсивность взаимной и внешней торговли одеждой ЕАЭС в целом. Динамика торговли товарами одежды ЕАЭС свидетельствует о том, что в целом стоимостный объем товарооборота непрерывно повышался с 7,1 млрд долл. США в 2015 г. до 9,4 млрд долл. в 2020 г., при этом в 2020 г. прослеживается снижение его на 0,95 млрд долл. по сравнению с 2019 г. Интенсивность роста экспортных потоков швейных

товаров была выше импортных потоков за последние 6 лет. Однако в результате превышения стоимостного объема импорта швейных товаров над экспортом в среднем в 7,4 раза за 2015–2020 гг. сложилось отрицательное сальдо на протяжении всего анализируемого периода. Отрицательное сальдо швейных товаров в целом по ЕАЭС увеличилось с 5,4 млрд долл. в 2015 г. до 7,1 млрд долл. в 2020 г., наибольшая величина которого сложилась в 2019 г. (таблица 1).

В то же время следует заметить, что торговый дисбаланс во взаимной торговле с государствами – членами ЕАЭС и внешней торговле одеждой со странами вне ЕАЭС в 2020 г. замедлился, что указывает на снижение отрицательного сальдо на 9,1% к 2019 г. Сокращение торговли товарами одежды на 9,1% объясняется уменьшением объема импортных поставок и экспорта на 9,2%, что связано прежде всего с пандемией.

2. Распределение общего объема торговли одеждой по направлениям торговли и вклад стран – партнеров ЕАЭС в изменение совокупного сальдо товаров. Наибольшую долю в распределении совокупного товарооборота одежды (во взаимной торговле и внешней торговле с третьими странами) среди государств – членов ЕАЭС за 2015–2020 гг. занимала Россия – около 78%, а на второй позиции разместилась Беларусь – 9,3%.

Их общая доля в распределении совокупного товарооборота одежды составила 87%, при этом во взаимных поставках швейных товаров на эти страны приходилось только около 13% (таблица 2).

Таким образом, из таблицы 2 видим, что наибольшая доля товарооборота одежды государствами – членами ЕАЭС была сосредоточена во внешней торговле с третьими странами – 83,3%. Наибольший вклад в это распределение вносила Россия. В целом по ЕАЭС распределение товарооборота характеризуется несбалансированностью, что обусловлено высокой диспропорцией в товарообороте России во взаимной торговле и наибольшей ориентированности на рынок внешней торговли со странами вне ЕАЭС. Кроме того, пропорции распределения совокупного товарооборота ЕАЭС свидетельствуют о низкой вовлеченности государств-членов во взаимную торговлю швейными товарами в рамках интеграционного объединения. Исходя из таблицы 2, наиболее сбалансированный товарооборот одежды за последние 6 лет демонстрировала Беларусь, со странами – членами ЕАЭС ее доля составила 5,3%, во внешней торговле со странами вне ЕАЭС – 3,9%.

Величина отрицательного сальдо швейных товаров внешней и взаимной торговли ЕАЭС в 2020 г. увеличилась на 1676 млн долл. к 2015 г. Его абсолютное изменение и относительный вклад по каждой

Таблица 1 – Динамика взаимной торговли ЕАЭС и внешней торговли товарами одежды с третьими странами за 2015–2020 гг., млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	7057,0	7308,8	9104,5	10075,7	10354,5	9405,8	103,6	129,0	142,8	146,7	133,3
Экспорт	800,8	863,0	1070,0	1254,3	1251,5	1135,8	107,8	133,6	156,6	156,3	141,8
Импорт	6256,2	6445,8	8034,5	8821,3	9103,0	8270,0	103,0	128,4	141,0	145,5	132,2
Сальдо	–5455,4	–5582,8	–6964,5	–7567,0	–7851,5	–7134,2	102,3	127,7	138,7	143,9	130,8

Источник: авторская разработка на основе данных ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15; 17].

Таблица 2 – Распределение совокупного товарооборота одежды государств – членов ЕАЭС за 2015–2020 гг. по направлениям торговли

Страна – член ЕАЭС	Товарооборот стран – членов ЕАЭС за 6 лет во взаимной торговле и с третьими странами		Товарооборот стран – членов ЕАЭС за 6 лет во взаимной торговле		Товарооборот стран – членов ЕАЭС за 6 лет во внешней торговле с третьими странами	
	Млн долл. США	Доля, %	Млн долл. США	Доля, %	Млн долл. США	Доля, %
Россия	41409,5	77,7	3872,2	7,3	37537,3	70,4
Беларусь	4932,9	9,3	2832,0	5,3	2100,9	3,9
Казахстан	3470,4	6,5	1128,2	2,1	2342,2	4,4
Кыргызстан	1911,8	3,6	617,7	1,2	1294,1	2,4
Армения	1579,2	3,0	469,8	0,9	1109,4	2,1
Всего	53303,8	100	8919,9	16,7	44383,9	83,3

Источник: авторская разработка по данным ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15].

стране – партнеру ЕАЭС ранжированы по значимости влияния в порядке убывания (таблица 3).

Наибольший отрицательный вклад в изменение сальдо швейных товаров ЕАЭС в целом по всем направлениям торговли внесла Россия – на 93,2%, или 1563 млн долл. Довольно существенное снижение сальдо товаров одежды сложилось в Казахстане – 621 млн долл. в 2020 г. по сравнению с 2015 г., что негативно отразилось на общем увеличении отрицательного сальдо швейных товаров на 78 млн долл., или около 5% от общего вклада. На третьей позиции разместилась Беларусь со снижением положительного сальдо на 50 млн долл., что эквивалентно вкладу в размере 3% от общего снижения сальдо торговли швейными товарами.

3. Структурные изменения экспортно-импортных потоков одежды в целом по ЕАЭС и в разрезе государств – членов ЕАЭС по направлениям торговли. За период 2015–2020 гг. экспортно-импортные потоки швейных товаров по ЕАЭС в целом характеризуются несбалансированностью, поскольку в среднем 77% экспортных поставок швейных товаров было реализовано во взаимной торговле с государствами – партнерами ЕАЭС. Вместе с тем на долю импорта швейных товаров во взаимной торговле между государствами – членами ЕАЭС в среднем за последние 6 лет приходится только 8,5%. Наиболее весомым этот показатель являлся в 2019 г. – 9,4% в общем объеме импортных закупок одежды. Доля импорта швейных товаров во взаимной торговле ЕАЭС в 2020 г. по сравнению с прошлым годом снизилась на 0,6 п.п. Таким образом, следует констатировать сохраняющуюся высокую за весь период исследования (в среднем – около 92%) зависимость стран – партнеров ЕАЭС от импортных поставок одежды из третьих стран.

В динамике структуры экспорта швейных товаров в разрезе государств – членов ЕАЭС в 2015–2020 гг. сложившиеся пропорции по направлениям торговли свидетельствуют о том, что наиболее сбалансирован экспорт швейных товаров в Армению, в среднем доля экспорта во вза-

имной торговле составляет 52,3%, в других странах – партнерах ЕАЭС ее доля в среднем – от 67 до 98%. Следовательно, структура экспортных поставок швейных товаров в разрезе стран – партнеров ЕАЭС во взаимной торговле и внешней торговле с третьими странами характеризуется несбалансированностью. В свою очередь в импортных поставках швейных товаров в разрезе стран – партнеров ЕАЭС отмечаются высокие перекосы во всех странах как во взаимной торговле, так и во внешней торговле с третьими странами, обусловленные значительной долей импортных потоков одежды с третьими странами в среднем от 67 до 97%. Таким образом, во всех странах – партнерах ЕАЭС главной проблемой является высокая доля импорта одежды из третьих стран и ее тенденция роста (в Беларуси с 54,3% в 2016 г. до 76% в 2018 г.). В странах – партнерах ЕАЭС (кроме Казахстана) за последние 6 лет сохраняется ключевая диспропорция в экспортных и импортных поставках одежды во внешней торговле с третьими странами, заключающаяся в значительном превышении доли импортных потоков одежды по сравнению с долей их экспорта.

4. По результатам исследования товарного состава и товарной структуры одежды в ЕАЭС в разрезе основных товарных групп по направлениям торговли сделаны следующие выводы: товарная структура экспортно-импортных потоков одежды во взаимной торговле между государствами – членами ЕАЭС в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствует положительное сальдо взаимной торговли в целом и в разрезе основных товарных групп 61 – «Предметы одежды и принадлежности к одежде трикотажные машинного или ручного вязания» и 62 – «Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания»; наблюдается устойчивое снижение сальдо товарной группы 62 с 103,7 до 57 млн долл. на фоне его увеличения стои-

Таблица 3 – Вклад государств – членов ЕАЭС в изменение сальдо товаров одежды во взаимной торговле и внешней торговле со странами вне ЕАЭС в 2015 и 2020 гг.

Страна – член ЕАЭС	Сальдо, млн долл. США		Изменение сальдо, млн долл. США	Вклад, %
	2015 г.	2020 г.		
Сальдо, всего, в т.ч.:	–5455,4	–7131,9	–1676,5	–100,0
Россия	–4943,6	–6506,3	–1562,7	–93,2
Казахстан	–543,7	–621,4	–77,7	–4,6
Беларусь	80,7	30,7	–50,0	–3,0
Кыргызстан	–38,0	–34,3	3,7	0,2
Армения	–10,8	–0,4	10,4	0,6

Источник: авторская разработка по данным ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15].

мостного объема по товарной группе 61 с 56,4 до 105 млн долл.; в структуре взаимного экспорта одежды удельный вес поставок товарных групп 61 и 62 снизился с 91,8% в 2015 г. до 83,6% в 2020 г. В структуре взаимного импорта между странами – партнерами ЕАЭС доля поставок их уменьшилась с 89,1% в 2015 г. до 80,5% в 2020 г.; в динамике структуры взаимного экспорта и импорта одежды ЕАЭС в разрезе товарных групп в 2015–2020 гг. наблюдалось увеличение доли товарной группы 63 – «Прочие готовые текстильные изделия; наборы; одежда и текстильные изделия, бывшие в употреблении; тряпье», в том числе за счет товара (6309) – «Одежда, бывшая в употреблении» доля экспорта его увеличилась с 0,1% в 2015 г. до 1,4% в 2020 г., а импорт с 0,1 до 1,8% соответственно; товарная структура экспортно-импортных потоков одежды во внешней торговле государств – членов ЕАЭС с третьими странами по укрупненным товарным группам характеризуется несбалансированностью, о чем свидетельствует отрицательное внешнеторговое сальдо в целом за последние 6 лет (превышение стоимостного объема импорта над экспортом швейных товаров в среднем в 26 раз); в динамике наблюдалась устойчивая тенденция роста отрицательного сальдо внешней торговли одежды ЕАЭС по сравнению с 2015 г.; наибольший отрицательный вклад в изменение внешнеторгового сальдо швейных товаров ЕАЭС с третьими странами в 2020 г. по сравнению с 2015 г. внесли все товарные группы: в том числе 62 на 1020,1 млн долл. (или 40,9%), 63 (без 6309 и 6310) на 819,1 млн долл. (или 32,8%), 61 на 627,8 млн долл. (или 25,1%), а также товар (6309) на 30,2 млн долл. (или 1,2%); внешняя торговля одеждой ЕАЭС с третьими странами характеризуется высокой долей двух укрупненных товарных групп 61 и 62, на которые приходилось около 81% в 2020 г. всего товарооборота одежды ЕАЭС с третьими странами.

5. По результатам исследования **динамики стоимостных объемов экспортно-импортных потоков одежды ЕАЭС и их структуры в разрезе ключевых внешнеторговых партнеров** нами сделаны следующие выводы: стоимостный объем экспорта одежды ЕАЭС за последние 6 лет увеличился на 69,3 млн долл. (на 38,6%) до 248,9 млн долл. в 2020 г. по сравнению с 2015 г.; за 2020 г. ключевыми покупателями экспорта товаров одежды ЕАЭС выступали следующие 10 стран: Украина, Италия, Германия, Литва, Польша, Латвия, Франция, Великобритания, Эстония и Молдова, на долю которых в среднем приходилось 76,7% всех поставок; в географической структуре экспорта одежды ЕАЭС по итогам 2015 и 2020 гг. наибольшие изменения в распределении удельного веса в общем объеме поставок в третьи страны наблюдались

в Украине (с 14,9 до 20,7%) и Литве (с 13 до 7,9%); сохраняется высокий уровень географической концентрации экспорта одежды, это указывает на существенную зависимость стран – членов ЕАЭС от состояния экономик третьих стран – основных покупателей товаров одежды ЕАЭС (на пять ключевых партнеров: Украину, Италию, Германию, Литву и Польшу приходилось в 2020 г. около 65% всех экспортных поставок); стоимостный объем импорта одежды в ЕАЭС из третьих стран в 2020 г. увеличился на 1750,7 млн долл. (на 30,2%) до 7545,7 млн долл. по сравнению с 2015 г.; к важнейшим импортерам одежды за 2020 г. в ЕАЭС относятся следующие 10 стран: Китай, Бангладеш, Турция, Италия, Вьетнам, Узбекистан, Индия, Камбоджа, Мьянма и Пакистан, на долю которых приходится 76,2% всех поставок; географическая структура импорта одежды ЕАЭС свидетельствует о доминирующем положении Китая, удельный вес его незначительно снизился с 43,4% в 2015 г. до 40,9% в 2020 г., при этом изменения в географической структуре других крупных поставщиков импорта одежды в ЕАЭС по итогам 2015 и 2020 гг. не превышали 2%; для импорта швейных товаров ЕАЭС характерна более высокая страновая концентрация по сравнению с экспортом одежды в третьи страны, т.е. около 74% в 2020 г. всех импортных поставок одежды приходилось на пять первых стран – основных торговых партнеров. Это свидетельствует о том, что импорту ЕАЭС свойственна еще более слабая диверсификация в географическом разрезе, и указывает на высокую зависимость импорта швейных товаров от нескольких стран-поставщиков – Китая, Бангладеш и Турции (61,2% в 2020 г.). Причинами низкой диверсификации экспортно-импортных потоков одежды ЕАЭС в географическом разрезе являются специализация экспорта ряда государств – членов ЕАЭС, сохраняющаяся с 90-х гг. XX века, требования, принятые в законодательстве интеграционных объединений (ЕС) и международных организаций (ВТО) в отношении внешней торговли товарами (высокие таможенные пошлины, квоты, требования по уровню экологической чистоты товаров и др.).

2) Динамические и структурные дисбалансы во внешней торговле одеждой Беларуси с ЕАЭС по направлениям торговли.

1. Интенсивность внешней торговли товарами одежды Беларуси по направлениям торговли. Динамика торговли товарами одежды Беларуси свидетельствует о том, что стоимостный объем товарооборота непрерывно повышался с 581,5 млн долл. в 2015 г. до 1050,8 млн долл. в 2019 г., при этом в 2020 г. прослеживалось снижение его до 789,7 млн долл. Интенсивность роста

экспортных потоков одежды была ниже импортных потоков за последние 4 года по сравнению с 2015 г. Вместе с тем в результате превышения стоимостного объема экспорта одежды над импортом в среднем в 1,2 раза за 2015–2020 гг. (кроме 2018 и 2019 гг.) сложилось положительное внешнеторговое сальдо за анализируемый период. Отрицательное сальдо товаров одежды во внешней торговле Беларуси увеличилось с 7,5 млн долл. в 2018 г. до 38,8 млн долл. в 2019 г. (таблица 4).

В результате анализа направлений торговли можно констатировать, что товарооборот одежды Беларуси во взаимной торговле со странами – партнерами ЕАЭС непрерывно повышался с 361,7 млн долл. в 2015 г. до 572,6 млн долл. в 2019 г., а в 2020 г. прослеживалось снижение его до 480,9 млн долл. (таблица 5).

Из таблицы 5 видим, что интенсивность роста экспортных поставок одежды была выше импортных потоков за период с 2015 по 2018 г. Это свидетельствует о том, что рост товарооборота одежды Беларуси во взаимной торговле со странами ЕАЭС был обусловлен в первую очередь ростом экспорта. В итоге сальдо взаимной торговли одеждой со странами – партнерами ЕАЭС для Беларуси складывалось положительным, наибольшая величина его отмечалась в 2018 г. (таблица 5).

По результатам сравнительного анализа динамики объемов внешней торговли товарами одежды Беларуси по направлениям торговли выявлено: во-первых, темпы роста товарооборота Беларуси по всем направлениям торговли пре-

вышали темпы роста взаимного товарооборота со странами – членами ЕАЭС (кроме 2016 и 2020 гг.), что объясняется ростом товарооборота одежды Беларуси с третьими странами; во-вторых, темпы роста товарооборота Беларуси по всем направлениям во внешней торговле превышали темпы роста товарооборота одежды ЕАЭС по всем направлениям торговли одеждой за весь период исследования, что свидетельствует о положительном вкладе Беларуси в динамику роста товарооборота одежды ЕАЭС; в-третьих, интенсивный рост экспорта и рост импорта одежды во взаимной торговле со странами – партнерами ЕАЭС превышали результаты показателей по внешней торговле одеждой Беларуси. Следовательно, снижение в динамике сальдо внешней торговли швейными товарами Беларуси было обусловлено интенсивным ростом импортных поставок одежды Беларуси из третьих стран.

2. Распределение взаимного товарооборота одежды по странам – партнерам ЕАЭС во внешней торговле Беларуси и структурные изменения экспортно-импортных потоков по направлениям торговли. Наибольшую долю в распределении взаимного товарооборота одежды с государствами – членами ЕАЭС во внешней торговле Беларуси за 2015–2020 гг. занимала Россия – 97,7%, на второй позиции разместился Казахстан – 2%. Их общая доля в распределении взаимного товарооборота одежды составила 99,7% (таблица 6). Из таблиц 5 и 6 следует, что положительное сальдо взаимной торговли одеж-

Таблица 4 – Динамика внешней торговли товарами одежды Беларуси, млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	581,5	651,5	858,8	1000,9	1050,8	789,7	112,0	147,7	172,1	180,7	135,8
Экспорт	331,1	381,9	444,5	496,7	506,0	410,2	115,3	134,2	150,0	152,8	123,9
Импорт	250,4	269,6	414,3	504,2	544,8	379,5	107,7	165,5	201,4	217,6	151,6
Сальдо	80,7	112,3	30,2	-7,5	-38,8	30,7	139,2	37,4	–	–	38,0

Источник: авторская разработка по данным ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15].

Таблица 5 – Динамика внешней торговли товарами одежды Беларуси во взаимной торговле с государствами – членами ЕАЭС, млн долл. США

Показатель	Год						Темп роста (%) к 2015 г.				
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Оборот	361,7	408,3	480,5	526,4	572,6	480,9	112,9	132,8	145,5	158,3	133,0
Экспорт	267,8	306,6	365,3	403,0	416,8	338,8	114,5	136,4	150,5	155,6	126,5
Импорт	93,9	101,7	115,2	123,4	155,8	142,1	108,3	122,7	131,4	165,9	151,3
Сальдо	173,9	204,9	250,1	279,6	261,0	196,7	117,8	143,8	160,8	150,1	113,1

Источник: авторская разработка по данным ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15].

дой Беларуси со странами – партнерами ЕАЭС сформировалось в результате экспортно-импортных поставок одежды с Россией, что объясняется глубокими интеграционными процессами в рамках Союзного государства за последние 20 лет, объемами взаимной торговли кооперационными товарами и их доли в общих объемах взаимного экспорта и другими производственными и экономическими факторами. С другой стороны, белорусский товарооборот одежды указывает на высокую зависимость экспортно-импортных потоков швейных товаров от российского рынка и рисков в перспективе. Это обусловлено наибольшей ориентированностью товарооборота одежды России на рынок с третьими странами.

За последние 6 лет в среднем доля российского экспорта швейных товаров в страны вне ЕАЭС составила 32,4%, а доля импорта одежды из третьих стран – 94,2%. Среди причин такого положения можно выделить присоединение России к ВТО, что повлекло снижение таможенно-тарифной защиты ЕАЭС, а также политику, направленную на развитие импортозамещающих производств и их субсидирование государством [4].

Структурные изменения экспорта одежды во внешней торговле Беларуси с ЕАЭС за последние 6 лет характеризуются несбалансированностью, о чем свидетельствуют их пропорции во взаимной торговле с 80,9 до 82,6% и со странами вне ЕАЭС с 19,1 до 17,4%. В структуре объемов взаимной торговли одеждой во внешней торговле Беларуси с государствами – членами ЕАЭС отмечается очень низкая страновая диверсификация, что обусловлено доминирующим положением в экспортно-импортных потоках товаров одежды одной страны-контрагента – России (около 98%) (таблица 6). Увеличение доли экспорта швейных товаров Беларуси во взаимной торговле с государствами – членами ЕАЭС наблюдалось с усилением доли импортных поставок одежды из третьих стран с 62,5% в 2015 г. до 75,5% в 2018 г. За весь период исследования прослеживается

диспропорция в превышении доли импорта одежды Беларуси из стран вне ЕАЭС (в среднем 67,7%) по сравнению с долей импорта товаров во взаимной торговле (в среднем 32,3%).

3. По результатам исследования **товарного состава и товарной структуры товаров одежды Беларуси во взаимной торговле с Россией в разрезе товарных групп и основных видов товаров** сделаны следующие выводы: товарная структура взаимных экспортно-импортных поставок швейных товаров во внешней торговле Беларуси с Россией в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется сбалансированностью, о чем свидетельствуют результаты положительного взаимного сальдо товарных групп 61 и 62, на фоне сохраняющейся низкой степени товарной и страновой диверсификации: на две ведущие товарные группы одежды приходится 80,8% всего товарооборота во взаимной торговле между двумя странами; в товарной структуре экспорта одежды Беларуси с Россией наблюдается тенденция повышения доли товаров, включающих прочие готовые текстильные изделия, а также одежду и текстильные изделия, бывшие в употреблении, что в результате привело к положительным и отрицательным последствиям во внешней торговле одеждой; с одной стороны, товар (6309) и товарная группа 63 (без 6309 и 6310) демонстрируют увеличение положительного вклада в изменение взаимного сальдо торговли одеждой, а с другой – сохраняющаяся тенденция в торговле одеждой может привести к определенным рискам в долгосрочной перспективе, т.е. к увеличению в структуре экспорта одежды из Беларуси в Россию с низкой добавленной стоимостью. Следует отметить, что в товарной структуре экспорта и импорта одежды Беларуси во взаимной торговле с Россией в разрезе основных видов швейных товаров сложились высокие диспропорции, заключающиеся в том, что доля экспорта одежды товарных групп 61 и 62 составляет около 81%, при этом 4 основных вида швейных товаров охватывают

Таблица 6 – Распределение взаимного товарооборота одежды по странам – партнерам ЕАЭС во внешней торговле Беларуси за 2015–2020 гг.

Страна – член ЕАЭС	Товарооборот Беларуси с государствами – членами ЕАЭС за 6 лет во взаимной торговле	
	Млн долл. США	Доля, %
Россия	2725,8	97,7
Казахстан	54,6	2,0
Кыргызстан	3,6	0,1
Армения	6,2	0,2
Всего	2790,2	100,0

Источник: авторская разработка по данным ТН ВЭД ЕАЭС (по кодам 61, 62, 6309 и 6310) [15].

49% в общем объеме экспорта одежды во взаимной торговле; в импорте одежды из России в Беларусь сложились такие же диспропорции, как в экспорте одежды.

4. По результатам исследования динамики и структуры объемов внешней торговли одеждой Беларуси со странами вне ЕАЭС в разрезе товарных групп и основных видов товаров нами сделаны следующие выводы: товарная структура экспортно-импортных потоков одежды Беларуси во внешней торговле со странами вне ЕАЭС в разрезе основных товарных групп за последние 6 лет характеризуется несбалансированностью, т.е. за весь период исследования с 2015 по 2020 г. в результате превышения стоимостного объема импорта над экспортом одежды сложилось отрицательное сальдо во внешней торговле Беларуси со странами вне ЕАЭС по всем товарным группам и увеличилось в 2,5 раза до 252,1 млн долл. в 2020 г. по сравнению с 2015 г.; за весь период исследования наибольший отрицательный вклад в изменение внешнеторгового сальдо Беларуси с третьими странами по товарным группам одежды с 2015 по 2020 г. внесли товарная группа 63 (без 6309 и 6310), ее доля отрицательного вклада составила 51,3% и товар (6309) на 28% от общего вклада, при этом наименьший отрицательный вклад внесла товарная группа 62 на 1,5 млн долл., или 1%; в динамике структуры товарооборота одежды Беларуси с третьими странами наблюдалось увеличение удельного веса товарной группы 63 (без 6309 и 6310) с 12 до 27,3% и товара (6309) с 6,7 до 13,8% в общем объеме товарооборота одежды в третьи страны. Это обусловлено увеличением удельного веса импорта по сравнению с экспортом товаров одежды по группе 63 (без 6309 и 6310), а также интенсивным наращиванием доли импорта товаров (6309) – «Одежда, бывшая в употреблении», что в результате не способствует увеличению доли товаров с высокой добавленной стоимостью; изменение в товарной диверсификации ключевых товарных групп одежды 61 и 62 – с 79,5% в 2015 г. до 57,8% в 2020 г. в общем товарообороте Беларуси во внешней торговле со странами вне ЕАЭС наблюдалось за счет негативной тенденции усиления доли товара (6309) с 6,7 до 13,8%, что создает риски нарастания неэффективного расходования валютных средств, когда импорт одежды основных товарных групп снижается за счет увеличения доли товаров (6309); в товарной структуре экспорта и импорта одежды Беларуси во внешней торговле со странами вне ЕАЭС в разрезе основных видов товаров сложились высокие диспропорции, заключающиеся в том, что доля экспорта одежды товарных групп 61 и 62 составляет около 78% в 2020 г., при этом 4 основных вида швейных

товаров охватывают 50,4% в общем объеме экспорта одежды во внешней торговле. В импорте одежды из третьих стран в Беларусь соотношения диспропорции в 2020 г. составило 53% (товарные группы 61 и 62) к 37,1% (4 основных вида товаров одежды) в общем объеме импорта одежды из третьих стран.

5. Динамика стоимостных объемов экспортно-импортных потоков товаров одежды Беларуси и их структура в разрезе ключевых внешне-торговых партнеров и основных видов товаров. В 2015–2020 гг. стоимостный объем экспорта товаров одежды Беларуси в страны вне ЕАЭС увеличился на 7,9 млн долл. (на 12,5%) до 71,2 млн долл. в 2020 г. по сравнению с 2015 г. При этом в 2019 г. стоимостный объем экспорта товаров одежды вырос на 25,8 млн долл. (на 40,7%) по сравнению с 2015 г. За анализируемый период ключевыми покупателями экспорта товаров одежды Беларуси выступали 10 стран: Литва, Украина, Латвия, Польша, Германия, Молдова, Нидерланды, Франция, Финляндия и Великобритания, на долю которых в среднем приходится 93,1% всего экспорта. В географической структуре экспорта белорусских товаров одежды по итогам 2015 и 2020 гг. наблюдалось увеличение удельного веса в общем объеме внешнеторговых поставок в такие страны, как Украина (на 2,2 п.п.), Латвия (на 7,4 п.п.), Польша (на 5,6 п.п.), Нидерланды (на 0,5 п.п.) и Франция (на 2,1 п.п.). При этом снижение доли экспорта товаров отмечалось по таким странам, как Литва (на 7,6 п.п.), Германия (на 6,3 п.п.) и Великобритания (на 4,6 п.п.). Для экспорта товаров одежды Беларуси характерна более высокая страновая концентрация, чем у ЕАЭС в целом: на пять первых ключевых партнеров в 2020 г. приходилось около 78% всех экспортных поставок.

В 2020 г. стоимостный объем импорта одежды Беларуси из стран вне ЕАЭС увеличился на 80,9 млн долл. (на 51,7%) до 237,4 млн долл. по сравнению с 2015 г. Определяющее влияние на увеличение импорта одежды оказало увеличение поставок одежды из Турции и Китая, занимающих в структуре импорта наибольший удельный вес. К 10-ти важнейшим странам-импортерам одежды в Беларусь относятся: Турция, Китай, Бангладеш, Литва, Италия, Польша, Нидерланды, Вьетнам, Латвия и Индия, на долю которых в среднем приходилось 78,2% всех поставок за последние 6 лет. Географическая структура импорта одежды Беларуси свидетельствует о доминирующем положении Турции, удельный вес ее увеличился с 10,9% в 2015 г. до 22% в 2020 г. в общем объеме импортных закупок одежды. В 2020 г. наблюдалось снижение доли импорта турецких товаров одежды по сравнению с 2019 г., что обусловлено влиянием

пандемии и структурными изменениями в импорте товаров некоторых стран-поставщиков: Китая, Нидерландов и др. Также наибольшая доля импорта одежды по итогам 2015 и 2020 гг. поступала в республику из Китая (с 18,6 до 20,8%), Бангладеш (с 9,9 до 8,1%) и Литвы (с 5,3 до 7,1%). Географическая концентрация импорта товаров одежды Беларуси была меньше по сравнению с импортом одежды из третьих стран в ЕАЭС и сохранялась на одном уровне с экспортом товаров Беларуси в третьи страны (в 2020 г.). Так, 63,3% всех импортных поставок одежды приходится на пять стран, являющихся ключевыми торговыми партнерами. Это свидетельствует о том, что белорусскому импорту одежды свойственна также невысокая диверсификация в географическом разрезе, и указывает на существенную зависимость импорта одежды от двух стран-поставщиков – Турции и Китая. По нашему мнению, основными причинами низкой диверсификации экспортно-импортных потоков товаров одежды Беларуси в географическом разрезе являются: сохраняющаяся высокая специализация белорусского экспорта одежды, основанная на узком перечне товарных видов и товарных групп; высокий физический износ активной части основных средств; отсутствие средств для финансирования инвестиций у предприятий (на долю собственных средств предприятий приходится более половины всех вложений в основной капитал [15]); низкий уровень инновационной активности; наличие препятствий (барьеры, изъятия и ограничения) в законодательстве интеграционных объединений (ЕС) и международных организаций (ВТО) в отношении внешней торговли товарами (высокие таможенные пошлины, квоты, требования по уровню экологической чистоты товаров и др.), наличие многочисленных административных барьеров в сфере регулирования бизнеса и т.д.

Важнейшие покупатели белорусского товара (6115) – «Чулочно-носочные изделия» – Украина, а также Молдова и Польша. Доля товара (6115) в эти страны увеличилась в 2020 г. на 0,5 п.п. по сравнению с 2015 г. и составила 19,8% (в основном за счет поставки в Украину) в общем экспорте одежды. Важнейшие поставки товара (6212) – «Корсетные изделия» были направлены в Латвию, Украину, а также Польшу и Молдову. Доля экспорта товара (6212) увеличилась в 2020 г. на 6,2 п.п. по сравнению с 2015 г. и составила 10,1%. Важнейшие покупатели товара (6204) – «Одежда женская текстильная» – Литва, Германия, Латвия и др. Удельный вес экспорта товара (6204) увеличился незначительно в 2020 г. на 0,2 п.п. по сравнению с 2015 г. и составил 8,6%. Важнейшие поставки товара (6203) – «Одежда мужская текстильная» осуществлялись в Польшу и Латвию. Доля экс-

порта товара (6203) в третьи страны увеличилась в 2020 г. на 2,2 п.п. по сравнению с 2015 г. и составила 4,9% в общем экспорте одежды по основным товарным группам. Из Литвы, Нидерландов и Польши осуществлялись в Беларусь наибольшие закупки товара (6309) – «Одежда, бывшая в употреблении». Доля товара (6309) увеличилась в 2020 г. на 7,4 п.п. по сравнению с 2015 г. и составила 14,2% в общем импорте одежды из стран вне ЕАЭС. Важнейшие поставщики в Беларусь товара (6115) – Китай и Турция. Доля товара (6115) увеличилась в 2020 г. на 6,8 п.п. по сравнению с 2015 г. и составила 8,2% (в основном за счет поставок из Китая). Закупки товара (6204) осуществлялись в Турции, Бангладеш, а также Китае и Италии. Удельный вес товара (6204) увеличился в 2020 г. на 1,8 п.п. по сравнению с 2015 г. и составил 7,2% в общем импорте одежды из стран вне ЕАЭС.

В целом рост товарной концентрации экспорта одежды Беларуси во внешней торговле с третьими странами за 2015–2020 гг. обусловлен увеличением доли товаров (6212) – «Корсетные изделия», (6203) – «Одежда мужская текстильная». При этом наиболее динамично наращивался стоимостный объем экспорта ключевых видов товаров одежды Беларуси за последние 6 лет в следующих странах: Литва (6204), Украина (6115 и 6212), Германия (6110), Латвия (6212 и 6203), Польша (6203) и Молдова (6115). Вместе с тем рост товарной концентрации импорта одежды Беларуси из стран вне ЕАЭС за 2015–2020 гг. обусловлен, в первую очередь, увеличением удельного веса товаров (6309), (6115) и (6204). Наибольшие стоимостные объемы импорта основных видов товаров одежды Беларуси за последние 6 лет были сосредоточены в Турции (6204, 6110, 6203 и 6109), Китае (6115, 6201), Бангладеш (6203, 6204), Италии (6204), Литве (6309), Польше (6309) и Нидерландах (6309).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование внешней торговли товарами одежды ЕАЭС и Республики Беларусь по направлениям торговли за 2015–2020 гг. позволило сделать выводы, выделив положительные и отрицательные стороны. По нашему мнению, недостатком работы можно считать отсутствие индексного анализа внешней торговли товарами одежды в ЕАЭС и Беларуси из-за проблемы доступа информации в Департаменте статистики ЕЭК о средних ценах и физическом объеме экспорта и импорта товаров одежды. Его применение помогло бы сформулировать выводы, позволяющие ответить на вопросы: за счет каких факторов (средних цен или физического объема) наблюдались рост и снижение стоимостных объемов экспорта и импорта товаров одежды ЕАЭС и Беларуси по всем направ-

лениям торговли. Результаты настоящего исследования могут учитываться в целях принятия мер и управленческих решений (распоряжений, рекомендаций), направленных на обеспечение сбалансированности внешней торговли товарами одежды ЕАЭС и Беларуси.

Литература

1. ВТО: Международная торговля восстанавливается быстрее, чем ожидалось [Электронный ресурс] // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1400002>. – Дата доступа: 31.07.2021.
2. Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях вступления в ВТО и евразийской интеграции: монография / А.Е. Дайнеко [и др.]; под науч. ред. А.Е. Дайнеко. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 245 с.
3. Внешнеэкономическая стратегия Республики Беларусь: теоретические и практические аспекты: монография / А.Е. Дайнеко [и др.]; науч. ред.: А.Е. Дайнеко, Т.С. Вертинская. – Минск: Беларус. навука, 2016. – 302 с.
4. Дайнеко, А.Е. Внешняя торговля и развитие экономики Беларуси / А.Е. Дайнеко, Д.В. Береснев // Наука и инновации. – 2019. – № 1. – С. 4–12.
5. Дайнеко, А.Е. Геоэкономические приоритеты Республики Беларусь: монография / А.Е. Дайнеко. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 364 с.
6. Боровко, М.В. Внешнеторговые отношения: Республика Беларусь и Европейский союз (1999–2004 гг.) / М.В. Боровко // Журн. Междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 1. – С. 94–99.
7. Абрамчук, Н. Оценка состояния внешней торговли Беларуси: товарный аспект / Н. Абрамчук // Банк. вестн. – 2016. – № 2. – С. 46–53.
8. Вардеванян, Г.Л. Динамика сальдо внешней торговли товарами Республики Беларусь в 2005–2010 гг.: основные факторы и перспективные направления его сбалансированности / Г.Л. Вардеванян, Е.А. Червинский // Беларус. экон. журн. – 2011. – № 2. – С. 43–49.
9. Шмарловская, Г.А. Конкурентоспособность Республики Беларусь в мировой экономике / Г.А. Шмарловская // Беларус. экон. журн. – 2016. – № 1. – С. 22–41.
10. Левкович, А.П. Внешняя сбалансированность национальной экономики / А.П. Левкович // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2019. – № 5. – С. 12–19.
11. Внешнеэкономическая деятельность как источник экономического роста: науч. докл. / А.Ю. Кнобель [и др.]. – М.: Изд. дом Дело РАНХиГС, 2019. – 60 с.
12. Закиров, И.В. Сравнительно-географический анализ внешней торговли товарами регионов Беларуси и России (на примере Гомельской области и Республики Башкортостан) / И.В. Закиров, А.Н. Шавель // Журн. Беларус. гос. ун-та. География. Геология. – 2017. – № 2. – С. 40–51.
13. Быков, К.Р. Динамика сбалансированности внешней торговли товарами текстиля и одежды в странах ЕАЭС / К.Р. Быков // Материалы докл. 53-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов: в 2 т. / Витеб. гос. технол. ун-т; редкол.: Е.В. Ванкевич [и др.]. – Витебск, 2020. – Т. 1. – С. 149–152.
14. Макроэкономика: учебник и практикум / Г.А. Родина [и др.]; под ред. Г.А. Родиной. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 375 с.
15. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ees.eaeunion.org>. – Дата доступа: 20.07.2021.
16. Основные тенденции торгово-экономической деятельности в легкой промышленности Республики Беларусь – 2016–2017–2018 гг. / Беллепропром. – Минск, 2018. – 17 с.
17. Быков, К.Р. Сбалансированность внешней торговли предприятий текстильного производства в странах Евросоюза / К.Р. Быков // Материалы докл. 52-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов: в 2 т. / Витеб. гос. технол. ун-т; редкол.: Е.В. Ванкевич [и др.]. – Витебск, 2019. – Т. 1. – С. 168–171.

Поступила в редакцию 21.12.2021

Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции

Бекиш Е.И.¹, Брагина О.А.¹, Мантур Е.Е.²

¹Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси

Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

²Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»

В современных условиях непростой экономической ситуации, сложившейся в мире, и мер, которые принимаются для противодействия пандемии, повышение эффективности деятельности предприятий является предметом пристального внимания экономистов и руководителей. При этом успех стабильной работы любого предприятия во многом определяется взаимодействием маркетинга и логистики в реализации продукции.

Цель работы – определить значение интеграции маркетинга и логистики для компании в условиях конкуренции.

Материал и методы. Материалом для исследований послужили статистическая и бухгалтерская отчетность ОАО «Витебские ковры» и его показатели эффективности, электронные информационные ресурсы и другие источники.

В ходе анализа были использованы методы группировки и сравнения, аналитический метод.

Результаты и их обсуждение. При проведении оценки маркетинга и логистики выявлено их эффективное взаимодействие, которое позволяет предприятию повышать конкурентоспособность производимой продукции. Преимущество витебских ковровых изделий в условиях конкуренции объясняется их широким ассортиментом и высоким качеством, которое соответствует международному стандарту Standard 100 by Oeko-Tex. Используемые современные информационные технологии и открытие интернет-магазина обеспечивают повышение объема и эффективности реализации продукции.

Заключение. Согласованная работа маркетинга и логистики обеспечит повышение конкурентных преимуществ новых видов продукции и реализацию их на новых рынках, что подтверждается положительной динамикой экспорта производимой продукции и ростом показателей чистой прибыли.

Ключевые слова: маркетинг, логистика, рынок сбыта, экспорт, продукция, объем продаж, предприятие, прибыль.

The Significance of the Integration of Marketing and Logistics in Competitive Environment

Bekish E.I.¹, Bragina O.A.¹, Mantur E.E.²

¹Education Establishment of Belarusian Federation of Trade Unions “International University of «MITSO»”

²Education Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”

In today's difficult economic situation in the world and the measures that are taken to counter the pandemic, improving the efficiency of enterprises is the subject of close attention of economists and managers. At the same time, the success of the stable operation of any enterprise is largely determined by the interaction of marketing and logistics in the sale of products.

The purpose is to determine the importance of the integration of marketing and logistics for the company in a competitive environment.

Material and methods. The materials for the research and analysis were statistical and accounting reports of JSC “Vitebsk Carpets” and its performance indicators, electronic information resources and other materials. In the process of the research, grouping and comparison methods as well as the analytical method were used.

Findings and their discussion. When assessing the marketing and logistics, their effective interaction was revealed, which allows the company to increase the competitiveness of its products. The advantage of Vitebsk Carpet products in competitive conditions is explained by their wide range and high quality, which corresponds to the international standard Standard 100 by Oeko-Tex. The application of modern information technologies and the opening of an online store provide an increase in the volume and efficiency of product sales, which is confirmed by the positive dynamics of growth in net profit indicators.

Conclusion. Coordinated work of marketing and logistics will ensure an increase in the competitive advantages of new types of products and their sale in new markets, which is confirmed by the positive dynamics of exports of manufactured products and the growth of net profit indicators.

Key words: marketing, logistics, sales market, export, products, sales volume, enterprise, profit.

В современных условиях непростой экономической ситуации финансовая устойчивость служит залогом выживаемости и основой стабильного положения предприятия [1]. Система экономической устойчивости работы предприятия во многом зависит от взаимодействия маркетинга и логистики, которые являются основными звеньями в сбыте продукции. Это имеет обоснования – именно в процессе реализации готовой продукции выясняется, как точны и удачны были ранее использованные концепции и стратегии по продвижению товара на рынок. И если все оказалось так, как и было задумано, то покупатель обязательно заметит товар и прибыль – конечная цель любой предпринимательской деятельности – не заставит себя ждать. В противном случае ни о каких высоких доходах и говорить не приходится [2; 3].

На практике до сих пор ведутся дискуссии относительно вопросов взаимодействия маркетинга и логистики. Поэтому нами была поставлена следующая цель – определить значение интеграции маркетинга и логистики ОАО «Витебские ковры» в условиях конкуренции.

Материал и методы. Материалом для исследований послужили статистическая и бухгалтерская отчетность ОАО «Витебские ковры» и его показатели эффективности, электронные информационные ресурсы и другие источники.

В ходе анализа были использованы методы группировки и сравнения, аналитический метод.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время предприятие развивается активно и успешно реализует инвестиционные проекты. Оно является наиболее крупным производителем ковровой продукции в Беларуси. Общество входит в состав Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности «Беллепром».

Основной вид деятельности открытого акционерного общества – производство и реализация ковров и ковровых изделий. Оно специализируется на выпуске продукции так называемого эконом-класса – недорогих тканых и прошивных ковровых изделий и покрытий (80 и 20% от общего объема) [2].

Миссия организации заключается в выпуске конкурентоспособной продукции на рынках Республики Беларусь и стран СНГ, удовлетворяющей требованиям и ожиданиям потребителей.

Главной стратегической целью организации является производство и реализация конкурентоспособной и безопасной продукции, которая соответствует законодательным и другим обязательным требованиям, превосходит ожидания и требования потребителей, направлена на получение

устойчивой прибыли для дальнейшего развития производства [4].

Маркетинг и логистика на предприятии используются для повышения конкурентоспособности производимой продукции. Они постоянно взаимодействуют между собой в первую очередь в системе сбыта предприятия.

Одним из конкурентных преимуществ ковров витебского производства является большое разнообразие их ассортимента. В настоящее время в каталоге выпускаемой продукции представлено более 10 тыс. современных модных дизайнов в различных вариациях. Разработку новых изделий ассортимента обеспечивают 20 специалистов-дизайнеров. Они обеспечивают постоянное обновление ассортимента, создание новых коллекций и палитр, соответствующих современным тенденциям и трендам в стилистике модного оформления интерьера.

Основная задача маркетинговой деятельности ОАО «Витебские ковры» – повышение роста объемов продаж, увеличение доли рынка, приобретение и удержание весомой позиции на зарубежном рынке. Для этого специалисты маркетинга занимаются исследованием рынка, рекламой и психологическим воздействием на покупателя.

Чтобы повысить конкурентоспособность и осваивать новые рынки сбыта в зарубежных странах, продукция предприятия сертифицирована на соответствие требованиям международного стандарта Standard 100 by Oeko-Tex. Это является подтверждением того, что все используемые в производстве материалы (ткани, нити, фурнитура) и красители прошли проверку на наличие вредных веществ, что свидетельствует об их безвредности и нетоксичности. Наличие этого сертификата значительно повышает шансы в успешном продвижении продукции на высококонкурентных европейских и азиатских рынках.

В настоящее время предприятие является высококонкурентным на отечественном рынке. Это обеспечивается благодаря наличию оптимальных каналов товародвижения, которые контролируются логистической системой управления организации. Открытое акционерное общество в республике реализует свою продукцию через 34 торговых объекта. Самое большее количество объектов расположено в Витебской области – 17. Примерно одинаковое их количество располагается по другим областям: в Брестской – 2 объекта, Гомельской – 2, Гродненской – 3, Могилевской – 3, Минской – 3 и в г. Минске – 4. Доля предприятия составляет 0,96 в объеме производства ковровой продукции всего рынка Республики Беларусь [5].

Предприятие ОАО «Витебские ковры» имеет собственный транспортный цех, что обеспе-

чивает большие преимущества в логистической системе по доставке производимой ковровой продукции потребителям в определенном размере и конкретном месте.

Основными задачами транспортного цеха являются:

- перевозка грузов для обеспечения работы предприятия;
- доставка продукции предприятия в фирменные магазины;
- вывоз безвозвратных отходов производства и мусора;
- обеспечение внутрицеховых перевозок средствами напольного транспорта;
- организация своевременного проведения ремонтов автотранспорта.

По результатам доставки продукции специалисты маркетинга и логистики проводят анализ всего алгоритма выполнения заказа и оценивают качество его исполнения, вносят предложения по совершенствованию. Важным условием согласованной работы маркетинговой и логистической деятельности предприятия является наличие информационной системы, которая должна обеспечивать систему контроля за прохождением товара и в состоянии быстро и экономично предоставить необходимый сигнал к конкретной точке в нужный момент.

Различные информационные потоки, циркулируя внутри логистической и маркетинговой систем и между внешней средой, формируют общую информационную систему. Поэтому ОАО «Витебские ковры» использует современные информационные технологии с целью повышения эффективности и скорости обмена информацией

для согласованной деятельности различных отделов предприятия.

Значительно легче и проще купить ковровое изделие витебского производства стало благодаря официальному открытию своего розничного интернет-магазина <http://vitkovr.by>, которое состоялось 22 апреля 2021 г. Он является крупнейшим магазином ковров и ковровых дорожек в Республике Беларусь. Не выходя из дома, посетитель сайта может посмотреть турецкие, бельгийские, российские, витебские и брестские ковры, а также разнообразие их форм – овальные, прямоугольные и круглые.

На сайте интернет-магазина покупатель может ознакомиться с представленным товаром, его описанием и ценой, осуществить свой выбор, определиться в способе его оплаты и условиях доставки в удобное время и по определенному адресу. На протяжении последних лет в связи с загруженностью человека и огромным потоком информации особенно большим спросом пользуется ковровая продукция природных дизайнов «экологического характера» и классических рисунков «с эффектом старения» с имитацией ручной работы. Команда интернет-магазина доводит до сведения покупателя всю необходимую интересующую информацию и обеспечивает возможность правильного выбора понравившегося товара с учетом проводимых акций и возможности получить бесплатную доставку или примерку коврового изделия.

Одним из важных направлений по увеличению объема продаж является расширение работы с сетями DIY-магазинов. Предприятие уже по-

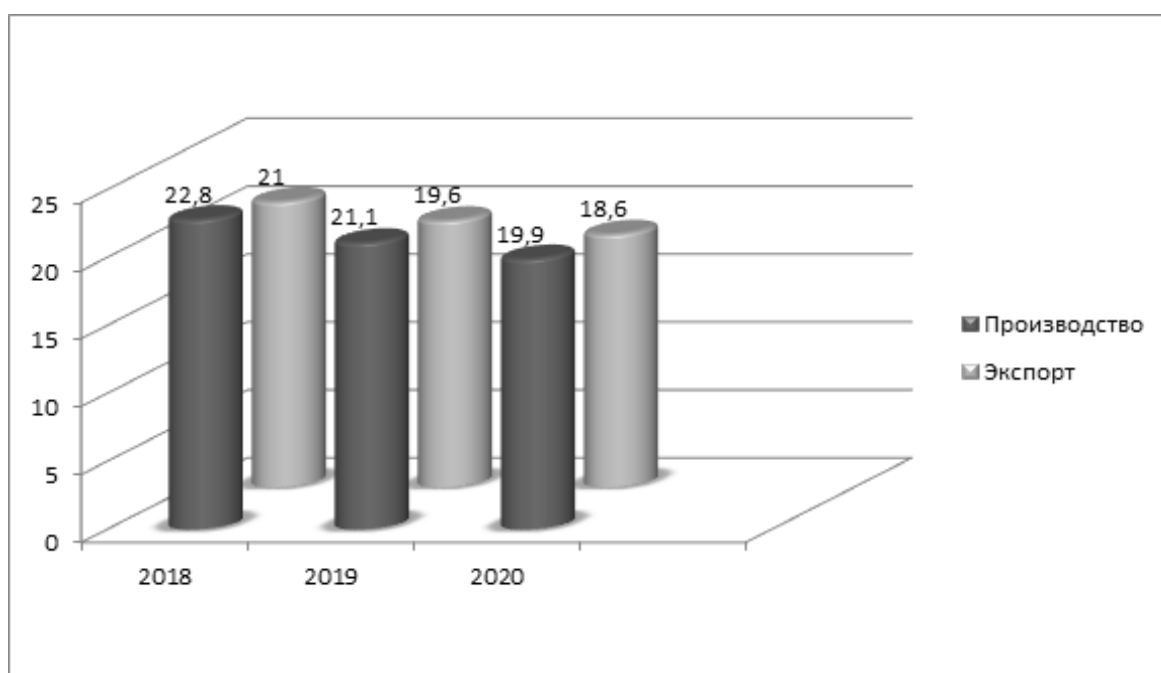

Рисунок 1 – Производство и экспорт ковровых изделий компании за 2018–2020 годы, млн м²

ставляет свою продукцию в сеть строительных материалов «Эпицентр» Украины. Ведутся переговоры о сотрудничестве с представителями европейской холдинговой компании «IKEA».

Положительным моментом является то, что исследование рынка и продвижение продукции на предприятии осуществляется под единым руководством и характеризуется четким распределением обязанностей.

На рисунке 1 рассмотрим производство и экспорт ковровых изделий предприятия за 2018–2020 годы.

Рисунок 1 наглядно демонстрирует, как изменяется динамика производства и экспорта готовой продукции за исследуемый период. Больше всего было произведено ковровых изделий в 2018 году – 22,8 млн м². Затем в 2019–2020 гг. наблюдается незначительное снижение производства ковровых изделий.

Это обусловлено тем, что на предприятии во втором квартале 2019 года в результате реализации инвестиционного проекта произведен запуск нового производства по выпуску полипропиленовых нитей. Освоение этой технологии позволило осуществить производство новой необходимой импортозамещающей продукции – полипропиленовых нитей BCF, ПП BCF Heat-Set, ПП BCF Frise коврового назначения.

Следует отметить положительную динамику доли экспорта производимой продукции. Экспорт в 2018 году составлял 21,0 млн м², а его доля была в общем объеме производства 92,1%. В последующие 2019–2020 годы доля экспорта незначительно, но повышалась. И уже в 2020 году она составила 93,5% произведенных ковровых изделий.

Предприятие максимально ориентировано на экспорт своей продукции. Эффективная совместная работа маркетинга и логистики предприятия за последние годы по экспорту обеспечила его лидерство среди предприятий легкой промышленности страны. Этому способствовало внедрение новых видов продукции и выхода на новые рынки.

В настоящее время продукция экспортируется в 15 стран. Это рынки таких государств, как Россия, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Украина, Молдова, страны Балтии, Румыния и другие. Более 80% экспортируемой продукции реализуется в Российскую Федерацию. Отсутствие серьезных таможенных барьеров позволяет оставлять приоритетными экспортными направлениями для предприятия страны Таможенного союза, а также некоторые страны Европейского союза.

В 2020 году начали экспортировать изделия на рынок Германии. Для увеличения и закрепления присутствия на европейском рынке планируется провести модернизацию отделочных производств и расширение ассортимента изделий на резиновой основе.

Известно, что эффективность маркетинговой и логистической деятельности во многом влияет на размер получаемой прибыли предприятия. В частности, показатели финансовых результатов деятельности предприятия напрямую зависят от объема реализации готовой продукции. Как показывают маркетинговые исследования, дальнейшее успешное развитие компании на ближайшие годы обеспечит наращивание объемов реализации, что приведет к увеличению чистой прибыли.

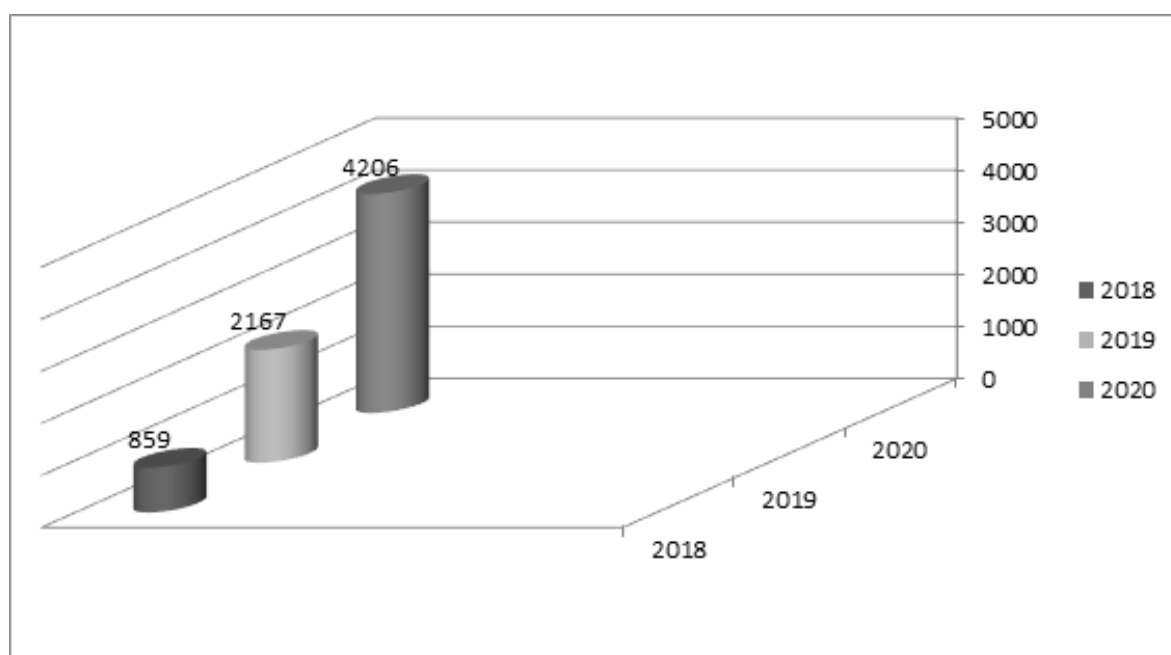

Рисунок 2 – Показатели чистой прибыли за 2018–2020 годы, тыс. руб.

С этой целью мы проанализируем изменения показателей полученной чистой прибыли за исследуемый период в компании (рисунок 2).

Из данных рисунка 2 следует, что на протяжении рассматриваемого периода ОАО «Витебские ковры» является прибыльной организацией. В компании наблюдается положительная динамика роста чистой прибыли за 2018–2020 годы. Самый высокий показатель чистой прибыли был получен в 2020 году. Чистая прибыль здесь составила 4206 тыс. руб., что значительно выше по сравнению с 2018 годом – на 3347 тыс. руб. Меньше всего чистой прибыли было получено в 2018 году – 859 тыс. руб. При этом, как отмечалось выше, в 2018 году был получен самый высокий выпуск ковровых изделий – 22,8 млн м².

Это было вызвано тем, что на предприятии в 2018 году были самые большие расходы по инвестиционной деятельности, которые должны способствовать повышению качества выпускаемой продукции и ее конкурентоспособности. Предприятие приобрело и начало осваивать оборудование фирмы «Michel Van de Wiele nv» (Бельгия).

Заключение. В результате проведенных исследований выявлено, что взаимодействие маркетинга и логистики на предприятии повышает конкурентоспособность производимой продукции.

Определено, что преимуществом в конкуренции ковров витебского производства является их широкий ассортимент и наличие международного сертификата стандарта Standard 100 by Oeko-Tex.

Исследования показывают, что обеспечение и контроль каналов товародвижения осуществляет логистическая система компании. Пре-

имущество в логистической системе – наличие собственного транспортного цеха.

Установлено, что, используя современные информационные технологии, компания повышает эффективность согласованной деятельности различных отделов предприятия.

С помощью проведенного анализа выявлена положительная динамика экспорта производимой продукции. Открытое акционерное общество является прибыльной организацией.

Таким образом, слаженное взаимодействие маркетинга и логистики и их эффективная координация позволят повысить конкурентные преимущества новых видов ковровой продукции и реализации их с высоким уровнем сервиса обслуживания на новых рынках при оптимальных затратах, что будет способствовать повышению эффективности деятельности предприятия в целом.

Литература

1. Бекиш, Е.И. Анализ управления финансовой деятельностью на ОАО «Витебский мясокомбинат» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Ученые записки учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины». – 2012. – Т. 47, вып. 2. – С. 243–246.
2. Бекиш, Е.И. Сбытовая деятельность ОАО «Витебские ковры» / Е.И. Бекиш // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 1(17). – С. 61–66.
3. Ермолович, Л.Л. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Л.Л. Ермолович. – Минск: Соврем. шк., 2006. – 376 с.
4. Бекиш, Е.И. Анализ финансовых результатов деятельности организации / Е.И. Бекиш, А.А. Барина // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 3(23). – С. 24–29.
5. Официальный сайт ОАО «Витебские ковры» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://vitcarpet.com/shop/by/>. – Дата доступа: 18.01.2022.

Поступила в редакцию 09.03.2022

Гендерные особенности социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в Беларуси

Су Тао, Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет

Исследование посвящено изучению гендерных особенностей социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в Беларуси.

Цель статьи – выявление гендерных различий в показателях социокультурной адаптации, копинг, социальной поддержки и психического здоровья китайских студентов.

Материал и методы. Выборку составили 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина), обучающихся в высших учебных заведениях Республики Беларусь. В качестве инструментария была использована «Шкала социокультурной адаптации», «Шкала способов реагирования», «Многомерная шкала социальной поддержки», «Шкала самооценки симптомов».

Результаты и их обсуждение. По показателям социокультурной адаптации китайские студенты имели статистически более высокие оценки по сохранности личных интересов и участию в общественной деятельности и были относительно лучше приспособлены к темпу и качеству жизни и экологической обстановке, чем студентки. Незнание языка является возможным фактором снижения уровня социокультурной адаптации. Китайские студентки в большей степени ориентированы на поддержку значимых других и имеют условно более высокую потребность в социальной поддержке, чем китайские студенты. В условиях аккультурационного стресса в способах реагирования (активного и пассивного копингов) гендерных различий выявлено не было. Независимо от пола китайские студенты чаще используют активные стратегии совладания. Китайские студентки имеют достоверно более высокие показатели обсессивно-компульсивного расстройства, чем студенты. Количество студентов по показателям параноидальных симптомов и психотизма статистически значимо преобладает над количеством студенток.

Заключение. Существуют гендерные различия в социокультурной адаптации, социальной поддержке и психическом здоровье китайских студентов.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, копинг, социальная поддержка, психическое здоровье.

Gender Peculiarities of Social and Cultural Adaptation of Chinese Students Who Study in Belarus

Su Tao, Furmanov I.A.

Belarusian State University

The research deals with the study of gender features of social and cultural adaptation of Chinese students who study in Belarus.

The purpose of the study is to identify gender differences in the indicators of social and cultural adaptation, ways of coping, social support and mental health of Chinese students.

Material and methods. The study surveyed 198 Chinese students (107 men and 91 women) studying at universities of the Republic of Belarus. The "Social and Cultural Adaptation Scale", "Ways of coping questionnaire", "Multidimensional Scale of Perceived Social Support" and "Symptom Checklist-54" were used as the research tools.

Findings and their discussion. According to the indicators of social and cultural adaptation, Chinese male students had statistically higher scores on the preservation of personal interests and participation in public activities and were relatively better adapted to the pace and quality of life and environmental conditions than female students. The fact that they do not know the language is a possible factor in reducing the level of social and cultural adaptation. Chinese female students are more focused on supporting others, and have a relatively higher need for social support than Chinese students. Under the conditions of acculturation stress, there were no gender differences in the ways of reaction (active and passive coping). Regardless of gender, Chinese students are more likely to use active coping strategies. Chinese female students have significantly higher rates of obsessive-compulsive disorder than male students. The number of male students in terms of paranoid symptoms and psychoticism significantly prevails over the number of female students.

Conclusion. Gender differences were found out in the social and cultural adaptation social support and mental health of Chinese students.

Key words: social and cultural adaptation, coping, social support, mental health.

В последние годы согласно новой китайской инициативе «Один пояс и один путь» был предпринят целый ряд шагов, направленных на продвижение новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих двусторонних культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, в том числе и в сфере образования.

В этой связи белорусская система высшего образования вызывает определенный интерес у китайской стороны. Число китайских студентов, приезжающих учиться в Беларусь, растет из года в год. В настоящее время почти 5000 китайских студентов обучаются только в Минске.

Как показывают исследования, с одной стороны, образовательный опыт в странах другой культуры предоставляет студентам возможности для расширения их межкультурной компетенции и мировоззрения, что, в свою очередь, способствует их личностному развитию и будущим карьерным перспективам. С другой стороны, адаптация к новой культуре может быть сложным и напряженным процессом. По сравнению с местными студентами временно проживающие студенты сталкиваются с большими проблемами адаптации, вызванными факторами аккультурационного стресса, такими как языковые барьеры, дискриминация, одиночество, тоска по дому, финансовые проблемы, проблемы с повседневными жизненными задачами и академические трудности из-за новой образовательной среды [1].

Дж.В. Берри [2] определил аккультурацию как процесс адаптации к новой культуре, который включает в себя культурные и психологические изменения, происходящие в результате контакта между двумя или более культурными группами и их отдельными членами. Выделяют два различных, но взаимосвязанных аспекта кросс-культурной адаптации: социокультурную адаптацию и психологическую адаптацию. Социокультурная адаптация относится к компетенции решения повседневных жизненных проблем и социальных взаимодействий в новом культурном контексте, тогда как психологическая адаптация – к множеству психологических последствий, связанных с четким ощущением личной и культурной идентичности, субъективным благополучием и эмоциональным удовлетворением в новой культурной среде.

Эмпирические исследования показали, что социокультурная адаптация и психологическая адаптация коррелируют друг с другом [2]. Однако существуют веские научно обоснованные причины для их различия. Одна из причин заключается в том, что они предсказываются различными

факторами. Социокультурная адаптация прогнозируется культурной дистанцией между родной и другой культурами, продолжительностью проживания, культурными знаниями и компетенциями, а также контактами с гражданами другой страны, в то время как психологическая адаптация прогнозируется личностными переменными, событиями, меняющими жизнь, и факторами социальной поддержки [3]. Другая причина заключается в том, что в то время как социокультурная адаптация лучше понимается в рамках изучения социальных навыков или культуры, психологическая адаптация лучше анализируется с точки зрения подходов к стрессу (негативным последствиям, возникающим в результате контакта между двумя различными культурными группами) и психопатологии (состоянию психического здоровья).

Кросс-культурная адаптация может быть оценена как состояние, так и как процесс. В последнем случае, когда речь идет о понимании процесса культурной адаптации, можно с полным основанием утверждать, что он является очень сложным механизмом, связанным с изменениями как на социокультурном уровне, так и на психологическом уровне. Иными словами, на него оказывают влияние как социальные, так и личностные факторы.

К. Уорд [3] разработал модель процесса культурной адаптации, основанную на систематическом обобщении предыдущих исследований, в которой основное внимание уделяется самому процессу и факторам влияния на культурную адаптацию на всех уровнях (рисунок 1).

В представленной модели культурные контакты и межкультурная миграция рассматриваются как ключевые события в жизни человека [4]. Они приводят к изменениям в жизни и межкультурным контактам. Этот новый опыт может заставить индивида предпринимать действия, необходимые для успешной адаптации. Во всяком случае культурные адаптанты, как правило (по крайней мере, на начальном этапе), не совсем готовы реагировать на требования, предъявляемые к ним новой средой. Поэтому для описания этого этапа адаптации часто используют такие термины, как «изнуряющее давление» или «дефект социальных возможностей». В обоих случаях социальные субъекты реагируют соответствующим образом на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях, пытаются управлять стрессом или приобрести определенные культурные способности. Результаты процесса культурной адаптации включают как социокультурные, так и психологические изменения. Реакции культурных адаптантов на трех уровнях (эмоций, когнитивных и поведения), а также результаты их культурной

адаптации в социокультурном и психологическом плане находятся под влиянием ряда факторов, существующих на индивидуальном и социальном уровнях. Факторы, оказывающие влияние на социальном уровне, можно разделить на факторы страны происхождения адаптанта и на факторы «принимающей стороны».

Таким образом, согласно представленной модели процесс социокультурной адаптации начинается с культурного контакта и изменения жизни, которые оказывают «давление» на межкультурных субъектов, что приводит к эмоциональным, когнитивным и поведенческим реакциям, которые в конечном итоге и могут приводить к адаптации/дезадаптации на социокультурном и психологическом уровнях.

В литературе отмечается, что одним из ценных ресурсов для преодоления аккультурационных стрессовых ситуаций и поддержания хорошего физического и психического здоровья является социальная поддержка [5]. Социальная поддержка может выполнять эмоциональную, информационную, инструментальную и оценочную функции. В исследованиях по проблемам аккультурации подчеркивается роль социальной поддержки в ослаблении стресса, связанного с адаптацией к незнакомой культурной среде, и в содействии физическому и психологическому здоровью и благополучию во время кросс-культурных переходов [6]. Так, например, С. Чэнь [7] в исследовании межличностного общения китайских студентов в США обнаружил, что отсутствие коммуникации и труд-

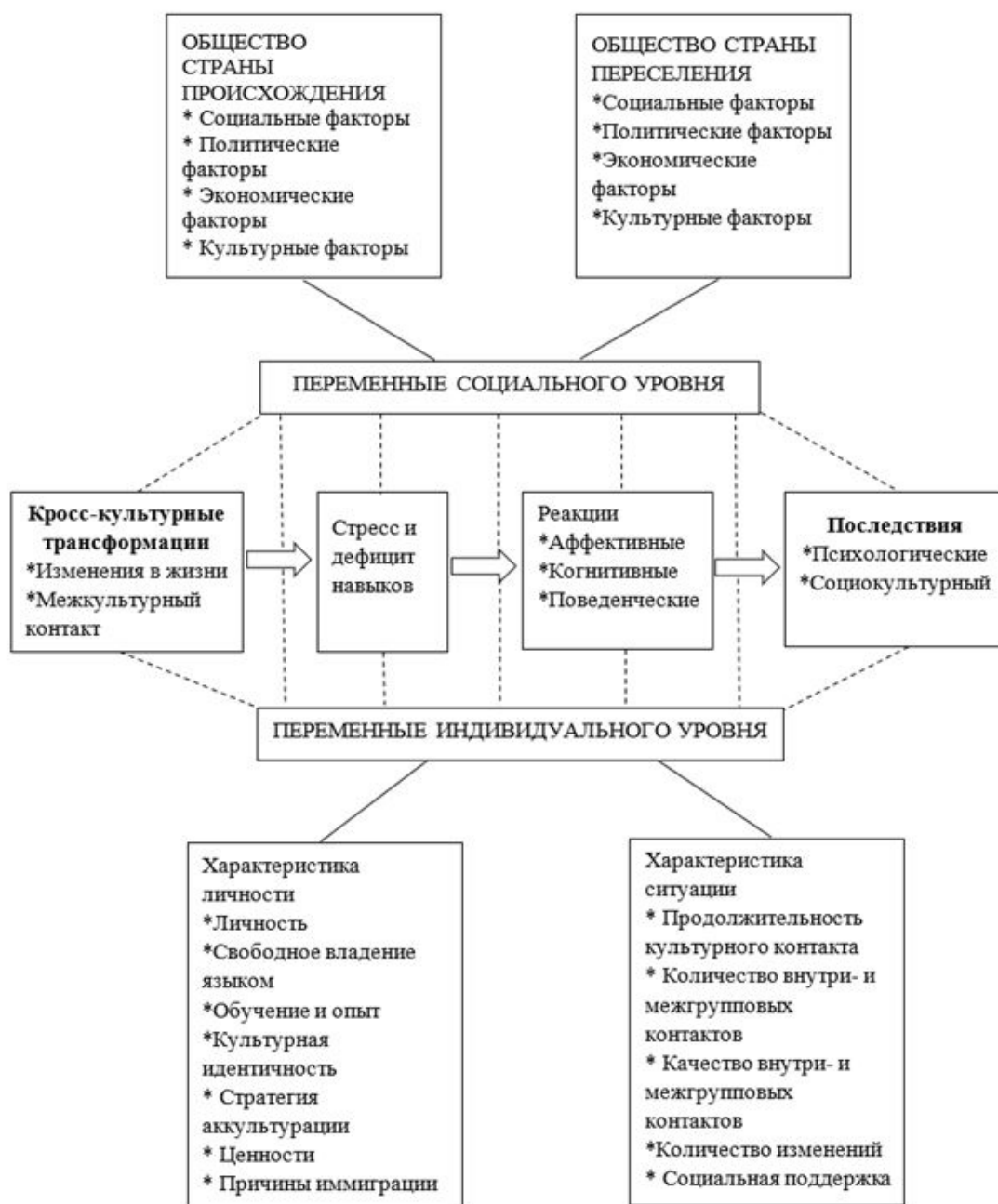

Рисунок – Теоретическая модель процесса культурной адаптации

ности в общении с местными жителями привели к возникновению многочисленных негативных переживаний среди китайских студентов, таких как одиночество, беспомощность, депрессия и т.д.

Китайские студенты, обучающиеся в Беларуси, не обладая достаточными знаниями русского языка и особенностей белорусской культуры, в процессе межкультурной адаптации сталкиваются с гораздо более серьезными проблемами, чем китайские студенты в США. В связи с этим, с нашей точки зрения, трудности кросс-культурной адаптации китайских студентов к белорусской социокультурной среде могут напрямую влиять на состояние их психического здоровья. Однако, как показывает анализ литературы, исследований в рамках данного проблемного поля обнаружено не было.

Еще одна проблема, которая недостаточна раскрыта при изучении аккультурации, – это гендерные различия в различных аспектах социокультурной и психологической адаптации. Согласно некоторым исследованиям, женщины с большей вероятностью испытывают больший стресс, чем мужчины. Эта гипотеза о гендерных различиях также была подтверждена другими исследованиями, изучающими проблемы адаптации среди иностранных студентов. Ученые частично объясняют это гендерное различие культурными нюансами, такими как ожидания в отношении гендерных ролей. Например, исследования среди иностранных студентов показывают, что студентки из стран, практикующих меньшую свободу, чем в США, с большей вероятностью испытывают большие трудности с адаптацией. Однако, с другой стороны, также сообщалось, что мужчины сталкиваются с большими проблемами адаптации, чем женщины [8]. В дополнение к вышеупомянутым гендерным различиям имеется значительное количество доказательств, свидетельствующих об отсутствии существенных гендерных различий в общем процессе адаптации иностранных студентов. Этот вывод также был подтвержден исследователями, которые изучали аккультуративный стресс среди иностранных студентов. Таким образом, данные по адаптации студентов остаются противоречивыми в отношении гендерных различий, поскольку они относятся к общим проблемам адаптации. Таким образом, необходимы целенаправленные исследования для изучения взаимосвязи между гендером и особенностями социокультурной адаптации среди иностранных студентов.

Цель исследования – выявление гендерных различий в показателях социокультурной адаптации, копинг, социальной поддержки и психического здоровья китайских студентов.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 198 китайских студентов факуль-

тета довузовской подготовки БГУ (107 мужчин и 91 женщина). Средний возраст $19,33 \pm 0,57$. Стаж пребывания в Беларуси 3–4 месяца.

Для достижения поставленной цели – изучения гендерных особенностей социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в Беларуси, – были использованы следующие методики:

1. Китайский вариант «Шкалы социокультурной адаптации» (Revised Sociocultural Adaptation Scale, SCAS-R) [9; 10], которая состоит из 21 утверждения, оценивающего 5 измерений (межличностное общение; личные интересы и общественная деятельность; адаптация к окружающей среде; знание языка) по пятибалльной шкале Ликерта.

2. Китайский вариант «Шкалы способов реагирования» (Ways of coping questionnaire, WCQ) [11], которая состоит из 20 утверждений, оценивающих 2 измерения (активный копинг; пассивный копинг) по пятибалльной шкале Ликерта.

3. Китайский вариант «Многомерной шкалы социальной поддержки» (Multidimensional Scale of Perceived Social Support, MSPSS) [12], которая состоит из 12 утверждений, оценивающих 3 измерения (поддержка семьи; поддержка друзей; поддержка значимых других) по семибалльной шкале Ликерта.

4. Китайский вариант «Шкалы самооценки симптомов» (Symptom Checklist-54, SCL-54) [13], которая состоит из 54 утверждений, оценивающих 10 измерений (соматизация, обсессивность-компульсивные расстройства, межличностная чувствительность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, а также дополнительные пункты, фиксирующие психофизическое состояние) по пятибалльной шкале Ликерта. Высокие показатели по перечисленным шкалам свидетельствуют о наличии нарушений психического здоровья.

Статистическая обработка осуществлялась с помощью Т-теста Стьюдента для двух независимых выборок и χ^2 -квадрата. Весь статистический анализ выполнялся с помощью программного обеспечения SPSS 26.0.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного исследования были выявлены статистически значимые гендерные различия в социокультурной адаптации китайских студентов.

Социокультурная адаптация. Полученные данные свидетельствуют о том, что китайским студентам в новой социокультурной среде в большей мере, чем студенткам, удается сохранить собственные увлечения и интересы, они чаще посещают и участвуют в общественных мероприятиях ($t = 1,99$, $p = 0,05$), относительно лучше (на уровне тенденции) приспособлены к темпу и качеству жизни и экологической обстановке, луч-

ше ориентируются в окружающей среде ($t = 1,76$, $p = 0,08$) (таблица 1).

Как уже отмечалось, мужчины в процессе адаптации подвергаются большему риску и имеют больше проблем, чем женщины. Поэтому, вероятно, принятие рисков китайскими студентами помогает им увеличить социальную фасилитацию, что в новых культурных условиях делает их более активными, предприимчивыми и более адаптивными в сравнении со студентками в некоторых сферах социальной жизни. Полученные данные также позволяют сделать предположение о том, что китайские студентки в большей мере испытывают культурный шок из-за необходимости отказаться от собственных культурных привычек ввиду изменений окружающей среды и трудностей принятия новых культурных норм и традиций.

Кроме того, анализ собственно показателей факторов социокультурной адаптации обнаруживает, что у китайских студентов независимо от пола основной проблемой, возможно, вызывающей аккультурационный шок, является знание языка. В исследованиях, проведенных ранее, было установлено, что языковой барьер является доминирующим среди основных барьеров адаптации китайских студентов. Один из самых сложных моментов в образовательном процессе

китайских студентов – уровень знания ими русского языка [14]. Также отмечается, что языковой барьер – это то, с чем многим иностранным студентам не под силу справиться за первые 1–2 года обучения [15]. Возможно, это объясняется тем, что на начальных этапах социокультурной адаптации китайские студенты чаще общаются с соотечественниками и, следовательно, не участвуют в общественных мероприятиях с участием студентов из принимающей страны [16].

Социальная поддержка. Было установлено, что китайские студентки в большей степени ориентированы на поддержку значимых других, чем китайские студенты ($t = -1,62$, $p = 0,01$). Это позволяет заключить, что студентки сильнее испытывают нужду в близости и эмоциональной поддержке, потребность в человеке, которому небезразличны их чувства, с которым они могут поделиться своими радостями и печалью, который является настоящим источником утешения. Также они в целом больше нуждаются в социальной поддержке и со стороны окружающих (таблица 2).

Относительно более высокую потребность в социальной поддержке студенток по сравнению со студентами ($t = -1,80$, $p = 0,07$) можно объяснить тем, что в традиционной китайской культуре мужчины должны быть независимыми, а женщины

Таблица 1 – Гендерные различия в показателях социокультурной адаптации китайских студентов

Факторы	Всего		Мужчины		Женщины		t	p
	М	СД	М	СД	М	СД		
Межличностное общение	3,43	0,72	3,43	0,71	3,44	0,73	-0,13	0,89
Учебные достижения	3,49	0,80	3,50	0,81	3,48	0,80	0,13	0,90
Личные интересы и общественная деятельность	3,06	0,88	3,17	0,86	2,92	0,89	1,99	0,05
Адаптация к окружающей среде	3,70	0,79	3,79	0,80	3,59	0,76	1,76	0,08
Владение языком	3,03	0,92	3,03	0,97	3,02	0,88	0,12	0,91
Общий балл культурной адаптации	3,36	0,71	3,40	0,71	3,31	0,71	0,84	0,40

Примечание: М – средние значения, СД – стандартное отклонение.

Таблица 2 – Гендерные различия в показателях социальной поддержки и копинга китайских студентов

Факторы	Всего		Мужчины		Женщины		t	p
	М	СД	М	СД	М	СД		
Поддержка семьи	5,32	1,20	5,26	1,19	5,38	1,20	-0,73	0,46
Поддержка друзей	5,18	1,10	5,07	1,15	5,30	1,03	-1,50	0,13
Поддержка значимых других	5,21	1,07	5,02	1,08	5,41	1,07	-1,62	0,01
Общая социальная поддержка	5,24	0,99	5,12	1,00	5,37	0,96	-1,80	0,07
Активный копинг	23,27	5,63	23,46	6,14	23,04	5,00	0,51	0,61
Пассивный копинг	9,16	4,38	8,81	4,70	9,57	3,94	-1,21	0,23

Примечание: М – средние значения, СД – стандартное отклонение.

нежными, способными к открытому выражению своих эмоций. Таким образом, женщины в большей степени зависят от других, чем мужчины, и, следовательно, вероятно, нуждаются в получении большей социальной поддержки. Кроме того, что касается социальных ожиданий, то предполагается, что китайское общество в большей мере ориентировано в процессе социализации на исполнение девочками предписанных гендерных ролей, в рамках которых больше внимания уделяется межличностному общению и поддержанию хороших социальных отношений.

Копинг. В способах реагирования (активного копинга и пассивного копинга) различий между китайскими студентами и студентками выявлено не было (таблица 2). Вместе с тем анализ взвешенных средних арифметических показывает, что у китайских студентов независимо от пола преобладает активная стратегия совладания. Полученные данные свидетельствуют о том, что, сталкиваясь с трудностями социокультурной адаптации, китайские студенты пытаются снизить влияние стресса повышением активности в учебе, путем активного участия в культурных и спортивных мероприятиях, расширения спектра межличностной коммуникации с друзьями, однокурсниками и родственниками. Также они прилагают и когнитивные усилия с целью изменения некоторых первоначальных тактик поведения, обращаясь к опыту других людей в решении подобных сложных ситуаций и переосмыслению способов решения собственных проблем.

Полученные данные согласуются с результатами исследований, которые показывают, что чаще всего иностранные студенты, как правило,

используют «активный копинг» и редко «негативный копинг», когда они сталкиваются с социально-культурными проблемами адаптации [17; 18]. Это касается и китайских студентов, обучающихся за рубежом. В частности, результаты исследования Я. Чжан [19] демонстрируют, что китайские студенты могут решать проблемы социокультурной адаптации эффективным способом, когда они сталкиваются со стрессом.

Психическое здоровье. Было установлено, что китайские студентки имеют достоверно более высокие показатели обсессивно-компульсивного расстройства, чем студенты. Это может свидетельствовать о том, что китайские студентки по сравнению со студентами более склонны к устойчивой модели поведения со стремлением к порядку, перфекционизму и контролю над собой, другими людьми и ситуациями (таблица 3).

Кроме того, при анализе отклонений от нормы обращает на себя внимание факт того, что количество студентов по показателям паранойяльных симптомов и психотизма преобладает над количеством студенток (таблица 4). Это свидетельствует о том, что среди студентов по сравнению со студентками больший процент личностей, предрасположенных к первазивной модели необоснованного недоверия и подозрительности к другим людям, склонных к установлению сверхценных идей, к эгоцентризму, к негативной оценке факторов стресса и фрустрации, а также характеризующихся конфликтностью, сильным внутренним напряжением, неадекватностью эмоциональных реакций.

Полученные данные отчасти можно объяснить тем, что Беларусь является типичной

Таблица 3 – Гендерные различия в показателях психического здоровья китайских студентов

Факторы	Мужчины		Женщины		t	p
	М	СД	М	СД		
Соматизация	0,51	0,61	0,58	0,56	-0,89	0,34
Обсессивность-компульсивные расстройства	0,88	0,71	1,08	0,69	-1,94	0,06
Межличностная сензитивность	0,69	0,74	0,71	0,67	-0,26	0,79
Депрессия	0,48	0,68	0,54	0,63	-0,63	0,53
Тревожность	0,55	0,74	0,58	0,64	-0,35	0,73
Враждебность	0,55	0,69	0,50	0,64	0,49	0,63
Фобическая тревожность	0,34	0,55	0,40	0,55	-0,74	0,46
Паранойяльные симптомы	0,55	0,64	0,45	0,56	1,12	0,27
Психотизм	0,41	0,59	0,36	0,55	0,61	0,54
Дополнительные пункты	0,67	0,68	0,60	0,64	0,74	0,46
Всего баллов (психическое здоровье)	0,56	0,50	0,59	0,50	0,39	0,70

Примечание: М – средние значения, СД – стандартное отклонение.

Таблица 4 – Гендерные различия в отклонениях от нормы показателей психического здоровья китайских студентов

Факторы	Мужчины		Женщины		χ^2	p
	Количество выше нормы	Процент выше нормы	Количество выше нормы	Процент выше нормы		
Соматизация	13	12,15	11	12,10	0,01	0,99
Обсессивность-компульсивные расстройства	38	35,51	41	45,05	1,87	0,17
Межличностная сензитивность	25	23,36	17	18,68	0,65	0,42
Депрессия	14	13,08	13	14,29	0,06	0,81
Тревожность	23	21,50	20	21,98	0,01	0,94
Враждебность	19	17,76	12	13,19	0,78	0,38
Фобическая тревожность	12	11,22	12	13,19	0,18	0,67
Паранойяльные симптомы	22	20,56	10	10,99	3,33	0,07
Психотизм	13	12,15	5	5,49	2,64	0,10
Дополнительные пункты	26	24,30	15	16,48	1,83	0,18
Всего баллов (психическое здоровье)	18	16,82	12	13,19	0,51	0,48

Примечание: М – средние значения, СД – стандартное отклонение.

восточноевропейской страной, которая сильно отличается от Китая по условиям жизни, культурной среде, образованию, культуре питания и т.д. Иными словами, между культурами и образом жизни Китая и Беларуси существует значительная социокультурная дистанция. В частности, в литературе отмечается, что чем ближе две культуры, тем слабее давление на культурную адаптацию, меньше психических и поведенческих нарушений и наоборот. Например, У. Чжиган [20], изучив иностранных студентов, обучающихся в Китае, обнаружил психологические проблемы, такие как выраженность обсессивно-компульсивных расстройств, повышенную межличностную сензитивность и тревожность. В. Чжоу [21], проведя исследование психического здоровья иностранных студентов, также выявил преобладающую симптоматику: обсессивность-компульсивные расстройства, паранойяльные симптомы, межличностную сензитивность и депрессию. Ц. Си [22], изучив показатели межкультурной адаптации и психического здоровья китайских студентов, обучающихся в Германии, пришел к заключению, что среди иностранных студентов кроме проблем кросс-культурной адаптации были и психологические проблемы, такие как нервозность и трудности со сном.

Вышеуказанные исследования в значительной степени согласуются с результатами проведенного нами исследования. Эти результаты по-

зволяют выразить обоснованное предположение, что независимо от того, в какой стране обучаются иностранные студенты, какие существуют культурные и языковые различия между странами, будут иметь психологические проблемы, связанные с аккультурационным стрессом адаптации.

Заключение. По показателям социокультурной адаптации китайские студенты имели статистически более высокие оценки по сохранности личных интересов и участию в общественной деятельности и относительно лучше приспособлены к темпу и качеству жизни и экологической обстановке, чем студентки. Незнание языка является возможным фактором снижения уровня социокультурной адаптации.

1. Китайские студентки в большей степени ориентированы на поддержку значимых других и имеют условно более высокую потребность в социальной поддержке, чем китайские студенты.

2. В условиях аккультурационного стресса в способах реагирования (активного и пассивного копирования) гендерных различий выявлено не было. Независимо от пола китайские студенты чаще используют активные стратегии совладания.

3. Китайские студентки имеют достоверно более высокие показатели обсессивно-компульсивного расстройства, чем студенты. Однако количество студентов по показателям паранойяльных симптомов и психотизма статистически значимо преобладает над количеством студенток.

Литература

1. Ng, T.K. Acculturation and cross-cultural adaptation: The moderating role of social support / T.K. Ng, K.W.C. Wang, W. Chan // *International journal of intercultural relations*. – 2017. – Vol. 59. – P. 19–30.
2. Berry, J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures / J.W. Berry // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2005. – Vol. 29. – P. 697–712.
3. Ward, C. The measurement of sociocultural adaptation / C. Ward, A. Kennedy // *International Journal of Intercultural Relations*. – 1999. – Vol. 23. – P. 659–677.
4. Ward, C. The psychology of culture shock / C. Ward, S. Bochner, A. Furnham. – 2nd ed. – London: Routledge, 2001. – P. 43.
5. Chu, P.S. Meta-analysis of the relationships between social support and well-being in children and adolescents / P.S. Chu, D.A. Saucier, E. Hafner // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2010. – Vol. 29. – P. 624–645.
6. Ward, C. Home and host culture influence on sojourner adjustment / C. Ward, A. Rana-Deuba // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2000. – Vol. 3. – P. 291–306.
7. 陈 向明. 旅居者和“外国人”: 留美中国学生跨文化人际交往研究 / 向明 陈 // 北京: 教育科学出版社 [Чэнь Сяоминг. Путешественники и «иностранцы»: Временные жители и «иностранцы»: исследование межкультурного межличностного общения китайских студентов в США] / Сяоминг Чэнь. – Пекин: Изд-во образоват. наук, 2004. – С. 33.
8. Eustace, R.W. Factors influencing acculturative stress among international students in the United States [Electronic resource] / R.W. Eustace // A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy. – Kansas State University, 2007. – Mode of access: <https://krex.k-state.edu/dspace/bitstream/handle/2097/452/RosemaryEustace2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Date of access: 05.04.2022.
9. Yue, H. Research on the Chinese Sojourners' Cross-cultural Adaptation in Confucius Institutes / H. Yue // *Zhengzhou*. – 2016. – P. 50–51.
10. Wilson, J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct / J. Wilson // A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy. – Wellington, 2013. – Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/41338074.pdf>. – Date of access: 10.04.2022.
11. 解 亚宁. 简易应对方式量表信度和效度的初步研究 / 亚宁 解 // 中国临床心理学杂志 [Се Янин. Предварительное исследование достоверности и эффективности простых методов реагирования] / Янин Се // *Китайский журнал клинической психологии*. – 1998. – № 6(2). – С. 114–115.
12. Psychometric characteristics of the Multidimensional Scale of Perceived Social Support / G. Zimet [et al.] // *Journal of Personality Assessment*. – 1990. – Vol. 55. – P. 610–617.
13. 王 姿欢, 俞 文兰等. 症状自评量表简化版 (SCL-54) 在女生医疗卫生人员心理测评中的信度效度评价 / 姿欢 王, 文兰俞 // *中国工业医学杂志* [Ван Цзихуан. Упрощенная версия шкалы самооценки симптомов (SCL-54) оценивает достоверность в психологической оценке медицинского персонала девочек] / Цзихуан Ван, Вэньлан Юй // *Китайск. журн. промышл. медицины*. – 2018. – № 32(5). – С. 351–355.
14. Юаньян, В. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в российских вузах / В. Юаньян // *Пед. психология*. – 2018. – № 2. – С. 65–71.
15. Жданова, С.Ю. Копинг-стратегии как механизмы адаптации иностранных студентов к условиям российской образовательной среды / С.Ю. Жданова, В.А. Федотова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. – 2018. – № 4. – С. 89–105.
16. Ren, P. Factors affecting the cultural adaptation of Chinese students in Uppsala University / P. Ren // Independent thesis Advanced level (degree of Master). – 2017. – Mode of access: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1115844/FULLTEXT01.pdf>. – Date of access: 20.04.2022.
17. Lazarus, R. Stress, Appraisal, and Coping / R. Lazarus, S. Folkman. – New York: Springer Publishing, 1984. – P. 117–126.
18. Лебедева, Н.М. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: метаанализ / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко // *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / под общ. ред. Н.М. Лебедевой*. – М.: Менеджер, 2017. – С. 383–412.
19. 张 燕, 张 涛, 焦 迎娜, 李 桐. 中韩留学生的压力应对方式与心理幸福感关系的比较研究 / 燕 张, 涛 张, 迎娜 焦, 桐 李 // *乐山师范学院学报* [Чжан Янь. Сравнительное исследование взаимосвязи между реакцией на стресс и психологическим счастьем китайских и корейских студентов] / Чжан Янь, Тао Чжан, Инна Цзяо, Тонг Ли // *Журн. Лэшанск. пед. ун-та*. – 2018. – № 32(12). – С. 109–114.
20. 伍 志刚, 向 学勇, 谢 芸. 来华留学生和中国学生心理健康状况及应对方式比较 / 志刚 伍, 学勇 向, 芸 谢 // *中国临床心理学杂志* [Ву Чжиган. Сравнение психического здоровья и реакции между иностранными и китайскими студентами] / Чжиган Ву, Сюэюн Сян, Юн Се // *Китайск. журн. клинич. психологии*. – 2010. – № 18(02). – С. 252–253.
21. 周 琬馨, 胡 椿, 罗 雁龙. 留学生心理健康状况调查与研究——以大理学院为例 / 琬馨 周, 椿 胡, 雁龙 罗 // *大理学院学报* [Чжоу Ваньцзянь. Исследование психического здоровья иностранных студентов – на примере Университета Дали] / Ваньцзянь Чжоу, Чун Ху, Яньлун Ло // *Журн. Ун-та Дали*. – 2013. – № 6. – С. 70–77.
22. Xi, J.H. Chinese Undergraduate Students' Intercultural Adaptation in German Higher Education—A Report from a Double First-Class University in Shanghai / J.H. Xi, R. Song, X.F. Rao // *Open Access Library Journal*. – 2020. – Vol. 7. – P. 1–14.

Поступила в редакцию 24.05.2022

Дисфункциональные сценарии детско-родительских отношений в семье, воспитывающей нормотипичного ребенка и ребенка с особенностями психофизического развития

Пергаменщик Л.А., Коженевская Е.Ю.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

В статье описывается проблема материнского отношения к нормотипичному ребенку в семье, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития, представлены результаты эмпирического исследования, позволяющие делать выводы о факторах, влияющих на характер детско-родительских отношений, а также выделить два типа дисфункционального сценария семейного поведения матери.

Цель работы – определить особенности отношения матери к нормотипичному ребенку в семье, имеющей ребенка с особенностями психофизического развития.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ОБО «Белорусский детский хоспис» и ЦКРОиР Центрального района г. Минска. В нем приняли участие 33 матери и 46 нормотипичных детей в возрасте от 6 до 12 лет, имеющих сиблинга с нарушениями опорно-двигательного аппарата, сопровождающимися либо не сопровождающимися интеллектуальными нарушениями, но способного к взаимодействию с членами семьи, а также 14 детей с особенностями психофизического развития, воспитывающихся в этих семьях.

Для изучения эмоционального компонента отношений использовалась методика «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда, для изучения структурных характеристик семьи – «Системный тест Геринга» (FAST), для изучения особенностей детско-родительских отношений – опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» (ВРР) И.М. Марковской. Кроме того, было использовано полуструктурированное интервью, позволяющее оценить степень вовлеченности нормотипичного ребенка в уход за сиблингом.

Результаты и их обсуждение. Было обнаружено, что ключевым фактором отношения к нормотипичному ребенку является отношение матери к ребенку с особенностями психофизического развития и к собственной семье. Мы выявили два дисфункциональных сценария, один из которых связан с симбиозом между матерью и детьми, а второй – с их эмоциональным отвержением.

Заключение. Отношение матери к нормотипичному ребенку в семье, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития, не носит самостоятельного характера, ребенок не имеет полноценного места в семье, выполняя помогающую функцию.

Ключевые слова: семья, детско-родительские отношения, нормотипичный ребенок, ребенок с особенностями психофизического развития.

Disfunctional Scenarios of Parent-Child Relationships in a Family With a Healthy Child and a Child With Disability

Pergamenshchik L.A., Kozhenevskaya E.Yu.

Education Establishment "Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University"

The article describes the problem of maternal attitude towards a healthy child in a family raising a child with disability, presents the results of an empirical study that allow drawing conclusions about the factors influencing the nature of parent-child relationship, as well as highlighting two types of dysfunctional scenarios of mother's family behavior.

The purpose of the work is to determine the features of the mother's attitude to a healthy child in a family with a child with disability

Material and methods. The research was carried out on basis of the Belarusian Children's Hospice and the Center for Correctional Training and Development of the Central District of Minsk. The study involved 33 mothers and 46 healthy children aged 6 to 12 with a sibling with musculoskeletal disorders, accompanied or not accompanied by intellectual disabilities, but capable of interacting with family members; as well as 14 children with disability, brought up in these families.

To study the emotional component of the relationships Color Relationship Test by A.M. Etkind was used; to study structural family characteristics Gering System Test was used; to study features of child-parent relationships Interaction Child-Parent Questionnaire by I.M. Markovskaya was used. A semi structural interview was also used, which made it possible to evaluate the degree the healthy child involvement into taking care after the sibling.

Findings and their discussion. It was found out that the main factor of the attitude to a healthy child is the mother's attitude to a child with disability and to her own family. We identified two dysfunctional scenarios, one of which is associated with the symbiosis between mother and children, and the second with their emotional rejection.

Conclusion. The mother's attitude to a healthy child in a family raising a child with disability is not independent, the child does not have a full-fledged place in the family while performing a helping function.

Key words: family, parent-child relationship, healthy child, child with disability.

Когда в семье появляется ребенок с особенностями психофизического развития (ОПФР), переживание этого события становится центром эмоциональной жизни семьи. Рождение ребенка с нарушениями развития обозначает начало кризиса, который не только отражается на уровне внутрисемейных переживаний членов семьи, но и затрагивает все сферы их отношений. Социальные, супружеские, детско-родительские, межсиблинговые отношения перестраиваются с учетом текущей ситуации для того, чтобы семья продолжала функционировать в изменившихся условиях. Наиболее разработанной в научной литературе темой являются детско-родительские отношения в паре мать–ребенок с ОПФР (Е.Н. Ермакова, Н.А. Кетова, Н.В. Мазурова, В.А. Меренков, Ю.М. Миланич, И.В. Тимофеева, В.В. Хитрюк). Тема супружеских отношений в семьях, имеющих данную проблему, также представлена достаточно широко (Ш.Р. Гусейнзаде, Т.С. Гутова, О.С. Ефимова, Е.В. Кулагина, Е.А. Полоухина, А.А. Сагдулаев). Детско-родительские отношения с нормотипичным ребенком освещены в меньшей степени, хотя несомненно заслуживают внимания, поскольку претерпевают ряд существенных изменений. Главным фактором изменений становится перемещение фокуса внимания матери на проблемы ребенка с ОПФР [1]. На фоне ребенка с особенностями развития «здоровый» ребенок выглядит благополучным, хотя это не вполне так. Ему приходится сталкиваться с рядом специфических проблем: личностных, внутрисемейных и социальных.

Отношения с матерью – один из основных аспектов психологического благополучия ребенка. В ситуации стресса, вызванного любыми изменениями в привычном течении жизни семьи, дети младшего школьного возраста особенно нуждаются в принятии и эмоциональной близости со стороны родителей [2]. При этом родители не всегда способны правильно понять эмоции своих детей: усталость может восприниматься как капризность, обида как дерзость, собственная потребность в любви может принимать форму послушания и желания помочь. Австралийские ученые М. Allison и М. Campbell (2015) в своей работе установили, что матери детей, имеющих сиблингов с ОПФР, описывают их отношения также, как и матери тех детей, которые имеют только

нормотипичных сиблингов, а также считают отношения более теплыми, когда нормотипичный ребенок старше ребенка с особенностями [3]. Это указывает на склонность родителей не замечать многие эмоциональные потребности нормотипичного ребенка в ситуации, когда в семье есть ребенок с ОПФР.

Цель работы – определить особенности отношения матери к нормотипичному ребенку в семье, имеющей ребенка с особенностями психофизического развития.

Материал и методы. Для того чтобы выяснить, какие факторы влияют на отношение матери к нормотипичному ребенку в семье, воспитывающей ребенка с ОПФР, на базе ОБО «Белорусский детский хоспис» и ЦКРОиР Центрального района г. Минска нами было проведено исследование, в котором приняли участие 33 матери и 46 нормотипичных детей в возрасте от 6 до 12 лет, имеющих сиблинга с нарушениями опорно-двигательного аппарата, сопровождающимися либо не сопровождающимися интеллектуальными нарушениями, но способного к взаимодействию с членами семьи, а также 14 детей с ОПФР, воспитывающихся в этих семьях. Для изучения эмоциональных отношений использовалась методика «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинды, для изучения структурных характеристик семьи – «Системный тест Геринга» (FAST), для изучения особенностей детско-родительских отношений – опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» (ВРР) И.М. Марковской. Кроме того, было использовано полуструктурированное интервью, позволяющее оценить степень вовлеченности нормотипичного ребенка в уход за сиблингом.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования нами были получены следующие результаты.

Эмоциональная привлекательность нормотипичного ребенка для матери связана с его возрастом и порядком рождения по отношению к ребенку с ОПФР: нормотипичный ребенок представляет для матери тем большую эмоциональную привлекательность, чем он младше, а также если он младше ребенка с ОПФР. Вероятнее всего, это может быть связано с тем, что мать в большей степени пережила кризис, связанный с рождением ребенка с особенностями, и адаптировалась к семейной ситуации. К тому же ожидания, связанные с рождением нового ребенка, когда в семье уже присутствует ребенок с ОПФР, носят

более напряженный характер, чем обычно. Родители в полной мере осознают и даже преувеличивают риски возможных сложностей со здоровьем нового ребенка. Благоприятное разрешение этих переживаний может быть источником облегчения и значимым фактором родительской любви.

Отношение к нормотипичному ребенку оказалось связано с особенностями эмоциональных отношений между матерью и ребенком с ОПФР следующим образом: чем больше мать любит ребенка с ОПФР, чем больше идентифицирует себя с ним и чем больше ребенок с ОПФР любит свою мать, тем больше эмоционального тепла достается нормотипичному ребенку. Отличительной чертой отношений стало отсутствие связи эмоциональной привлекательности нормотипичного ребенка для матери и ее идентификации с ним. Во всех остальных случаях в нашем исследовании симпатия к объекту и идентификация с ним имеют прямую корреляционную связь. Здесь же можно видеть, что нормотипичного ребенка мать воспринимает в большей степени сквозь призму своих отношений с ребенком с ОПФР. Получается, что в семье, в которой есть нормотипичный ребенок и ребенок с ОПФР, детско-родительские отношения со стороны матери выглядят не как отношения «мать–ребенок», а как отношения «мать+ребенок с ОПФР–нормотипичный ребенок».

Эмоциональная привлекательность нормотипичного ребенка связана с отношением матери к семье, а именно: с идентификацией семьи с супругом, ребенком с ОПФР и самим нормотипичным ребенком. То есть со всеми членами семьи кроме себя. Это говорит о признании женщиной значимости всех членов семьи и одновременно отсутствии восприятия себя исключительно в качестве части семьи. То есть в подобном случае мы видим отсутствие такой типичной проблемы, на которую указывают Г.Ф. Нестерова (2006) и Ш.Р. Гусейнадзе (2018), а именно: ограниченности реализации и самоидентификации женщины только рамками семьи [1; 4]. На основании данной связи мы можем предполагать, что гибкое распределение семейных ролей, в противоположность доминированию матери при обеспечении решения всех бытовых и внутрисемейных задач, становится фактором эмоциональной близости в детско-родительских отношениях.

Другим указанием на то, что высока эмоциональная привлекательность нормотипичного ребенка является позитивным фактором, обеспечивающим его нормальное развитие, становится признание авторитета матери в случае близких с ней отношений, что находит отражение в выборе для нее более высокого места в иерархии в текущей и конфликтной репрезентациях при выполнении методики FAST. Также ребенок подчер-

кивает авторитет сиблинга с ОПФР в конфликтной и идеальной репрезентациях. Конфликтная и идеальная репрезентации отличаются от типичной тем, что они подразумевают ситуацию взаимодействия. То есть ребенок признает авторитет сиблинга с ОПФР и его способность влиять на других членов семьи в различных эмоционально окрашенных ситуациях. В конфликтной репрезентации фигурку сиблинга с ОПФР, в случае теплого отношения со стороны матери, ребенок склонен выставлять в более раннюю очередь, что можно трактовать как указание на роль сиблинга в развитии конфликта. Вероятно, в подобном случае идет речь о межсиблинговых конфликтах, которые, в свою очередь, свидетельствуют о наличии активного взаимодействия между сиблингами, даже при отсутствии любви между ними.

Что касается стиля родительского воспитания, снижение эмоциональной привлекательности нормотипичного ребенка со стороны матери связано с ее обеспокоенностью наличием воспитательной конфронтации в семье, что, в свою очередь, указывает на сложности в отношениях как с самим ребенком, так и с другими взрослыми членами семьи. При выполнении методики FAST это подтверждается тем, что в случае низкой эмоциональной привлекательности со стороны матери ребенок увеличивает дистанцию с ней и с сиблингом с ОПФР в конфликтной репрезентации семьи, и одновременно уменьшает с отцом в идеальной – отец в данном случае становится для ребенка более комфортной фигурой. Более того, тот факт, что ребенок ставит фигурку матери в ситуации конфликта в первую очередь, указывает на активную роль матери в озвучивании конфликтных ситуаций и их эскалации. При выполнении методики не было обнаружено признаков того, что ребенок и отец образуют коалицию против матери в конфликте, но есть признак того, что в идеальной ситуации ребенок предпочитает быть к отцу ближе.

При анализе интервью было обнаружено, что отсутствие эмоциональной привлекательности нормотипичного ребенка для матери в том числе связано с его бытовой загруженностью. В таком случае мать отмечает, что у ребенка есть постоянные домашние обязанности и ответственность за их выполнение.

Таким образом, мы наблюдаем картину, при которой теплое эмоциональное отношение к нормотипичному ребенку связано со сплоченностью в триаде: «мать–ребенок с ОПФР–нормотипичный ребенок». Эта ситуация представлялась бы позитивной с точки зрения детско-родительского взаимодействия, если бы в таком случае из ситуации отношений не оказывался исключен отец. Мы видим, что эмоциональная привлекательность

нормотипичного ребенка со стороны матери связана с признанием ребенком ее высокого статуса в типичной и конфликтной репрезентациях семьи, но не связана с признанием статуса отца. То есть правильное представление об иерархии, при котором подчеркивается доминирующая роль родителя, относится только к матери. Отец в данном случае практически не участвует в эмоциональных процессах внутри семьи, касающихся детско-родительских отношений. Триада «мать–ребенок с ОПФР–нормотипичный ребенок» образует целостную подсистему, что является нарушением внутренних границ семьи [5]. Другой полюс представляет отвержение матерью всей семьи, повышение количества открытых конфликтов с ее участием и желание часть своей бытовой нагрузки делегировать ребенку. Такая ситуация похожа на эмоциональное выгорание матери – проблему, имеющую широкое распространение в семьях, воспитывающих ребенка с ОПФР [6; 7].

Исследование эмоционального отношения матери к нормотипичному ребенку позволило обнаружить два дисфункциональных сценария взаимодействия матери и нормотипичного ребенка, связанных с необходимостью семьи адаптироваться к ситуации воспитания ребенка с ОПФР.

В первом случае мать демонстрирует слияние с ребенком с ОПФР, отношения между ними близкие, мать идентифицирует себя с ним, при этом ее любовь к нормотипичному ребенку также возрастает. Для нее высока значимость семьи и значимость нормотипичного ребенка, но отсутствует идентификация с ними. Идентификация именно с гипофункционирующим членом семьи может говорить о собственном чувстве беспомощности женщины. Семья в таком случае становится для нее важным ресурсом, который носит внешний характер, то есть женщина ожидает помощи со стороны всех членов семьи. Супруг берет на себя основное материальное обеспечение, а нормотипичный ребенок выполняет функцию эмоциональной поддержки. Стиль воспитания может быть любым, поскольку только воспитательная конфронтация, которая говорит в большей степени об отношениях с другими взрослыми членами семьи, чем об отношениях с ребенком, коррелирует с эмоциональным отношением к нормотипичному ребенку. Также не имеет значения распределение эмоционального влечения нормотипичного ребенка к членам семьи. Таким образом, сами отношения со здоровым ребенком не имеют значения, имеет значение характер отношения матери с ребенком с ОПФР. Слияние с ребенком с ОПФР создает для матери потребность в нормотипичном ребенке как в сиблинге и друге для особенного ребенка, то есть в эмоциональной поддержке их симби-

отического образования. Если нормотипичный ребенок младше ребенка с особенностями, не имел опыта переживания острого семейного кризиса и его восприятие сиблинга с ОПФР в меньшей степени связано с негативными переживаниями, то ему легче иметь дружеские отношения с сиблингом, поскольку он меньше чувствует ответственность перед семьей и нет оснований для развития невротической вины. Мать, ребенок с ОПФР и нормотипичный ребенок в подобном случае образуют альянс, позволяющий матери чувствовать себя комфортно, но нарушающий границы между родительской и детской подсистемами. Отец может не находиться в оппозиции к альянсу, но ему комфортнее уклониться от выполнения воспитательных функций, сосредотачиваясь на решении других вопросов, например, материальных. Такое распределение семейных ролей в случае наличия ребенка с ОПФР упоминается у некоторых авторов: например, О.В. Югова в своем исследовании получила результат, свидетельствующий о том, что в полных семьях, имеющих детей с ОПФР, только около трети отцов участвуют в воспитании [8]. Данный сценарий в большей степени вероятен в том случае, когда нормотипичный ребенок младше ребенка с ОПФР.

Второй сценарий развивается в случае эмоциональной дистанции по отношению к нормотипичному ребенку. Такая позиция оказалась связана с неприятием матерью ребенка с ОПФР и своей родительской роли, что становится причиной повышенной конфликтности в семье, о чем свидетельствуют особенности выполнения теста Геринга, отмеченные выше. Данный сценарий более характерен для семей, где нормотипичный ребенок старше ребенка с ОПФР. По отношению к старшему ребенку больше ожиданий, мать больше полагается на него в вопросах бытовой помощи. Другим фактором, который связывает дистанцию по отношению к нормотипичному ребенку с его бытовой загруженностью, может быть не возраст, а экстернальность женщины, переживающей эмоциональное выгорание, в отношении быта, что проявляется как склонность возлагать ответственность за происходящее на окружающих и ожидать их участия в решении проблем. Е.Ю. Шебанец в своей диссертации доказывает связь между интернальностью женщины, имеющей ребенка с ОПФР и ее чувством субъективного благополучия [9]. Дистанция по отношению к нормотипичному ребенку связана с дистанцией по отношению к ребенку с ОПФР, что означает, что мать воспринимает их целостно, как часть семьи, в которой ей дискомфортно, таким образом, мы можем говорить, что в данном случае ребенок с ОПФР не является конкурентом нормотипичному ребенку в вопросах получения эмоционального тепла

со стороны матери. Ребенок с ОПФР может быть тем, кто стоит между нормотипичным ребенком и материнской любовью, но только в том случае, если мать, не справляясь со своими родительскими обязанностями, тяготеет к ним и эмоционально дистанцируется от семьи. Здесь важно понимать, что мать может продолжать опекать ребенка с ОПФР в полном объеме, поскольку не имеет возможности заставить его быть более самостоятельным. Тем более что, вероятно, она будет склонна переживать вину за свои чувства (Е.С. Гринина, Л.Г. Заборина, А.А. Мальцева, Е.О. Седова). По отношению к нормотипичному ребенку мать может себе позволить уменьшить объем опеки, переложив ее часть на самого ребенка, а также делегировав ему часть своих обязанностей. Таким образом, внешне картина будет выглядеть как забота о ребенке с ОПФР в ущерб заботе о нормотипичном ребенке. В подобном случае специалистам, помогающим семьям с детьми с особенностями развития, необходимо понимать, что проблема не в дисбалансе материнской любви, а в эмоциональном выгорании матери, и помощь должна быть направлена на решение вопроса самочувствия женщины и ее образа себя как родителя.

Выше описаны два дисфункциональных сценария, первый из которых связан с симбиозом матери и ребенка с ОПФР, а второй – с его эмоциональным отвержением. Это крайние позиции эмоционального аспекта материнского отношения. При нормальной адаптации к сложившейся ситуации эмоциональное отношение ко всем членам семьи остается в пределах средних значений, хотя может и колебаться в зависимости от характера текущих событий. Таким образом, дезадаптивными эти сценарии могут считаться, только если они носят постоянный характер. Ключевым аспектом, описывающим отношение матери к нормотипичному ребенку, здесь является неразрывная связь этого отношения с отношением к ребенку с особенностями, с идентификацией матери с ребенком с ОПФР, но отсутствие связи с идентификацией с нормотипичным ребенком, что указывает на несамостоятельность родительского отношения в данном случае, на его зависимость от отношения с особым ребенком. Нормотипичный ребенок не может не чувствовать такую обусловленность материнского отношения, даже если он не осознает этого, он всегда находится на «роли второго плана» – помогает, дополняет. Его положение похоже на положение замещающего ребенка, описанное М. Поро в одноименной книге [10]. Несмотря на то, что под понятием «замещающий ребенок» имеется в виду несколько иная семейная ситуация, а именно рождение ребенка в условиях не пережитой смерти

предыдущего, общим становится то, что в случае наличия сиблинга с ОПФР, как и в случае наличия «призрака» умершего ребенка, замещающий или нормотипичный ребенок не имеет своего самостоятельного места в семейной системе, оказываясь в восприятии родителей связанным с первым. Такая ситуация может оказывать значительное влияние на его личность, он ощущает себя связанным с сиблингом с ОПФР, ощущает свою стигматизацию перед лицом не только социума, но даже и родителей, он должен каким-то образом компенсировать гипофункциональность сиблинга. Это может быть причиной повышенной тревожности и требовательности к себе, которые часто наблюдаются у здоровых сиблингов детей с ОПФР.

Заключение. Полученные данные позволяют расширить взгляд на работу психологов с семьями, воспитывающими детей с ОПФР и нормотипичных детей. Необходимо помогать родителям смещать фокус с ребенка с ОПФР на его сиблинга и стремиться строить такие отношения с нормотипичным ребенком, которые бы отражали его индивидуальность и собственную ценность.

Литература

1. Нестерова, Г.Ф. Психолого-социальная работа с инвалидами: абилитация при синдроме Дауна / Г.Ф. Нестерова, С.М. Безух, А.Н. Волкова. – СПб.: Речь, 2006. – 120 с.
2. Адушкина, К.В. Оптимизация эмоциональной стороны детско-родительских отношений у родителей первоклассников / К.В. Адушкина // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 6. – С. 85–89.
3. Allison, M. Mothers' Perceptions of the Quality of Childhood Sibling Relationships Affected by Disability / M. Allison, M. Campbell // The Educational and Developmental Psychologist. – 2015. – Vol. 356, № 32. – P. 56–70.
4. Гусейнзаде, Ш.Р. Особенности супружеских отношений в полных семьях, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Ш.Р. Гусейнзаде // Вестн. РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. – 2018. – № 2(12). – С. 153–166.
5. Черников, А.В. Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики / А.В. Черников. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 208 с.
6. Базалева, Л.А. Отношение матери к ребенку в связи с ее эмоциональным выгоранием / Л.А. Базалева // Гуманизация образования. – 2009. – № 6. – С. 88–92.
7. Хазова, С.А. Динамика совладающего поведения родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья / С.А. Хазова, М.В. Рыжева // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 3. – С. 203–209.
8. Югова, О.В. Специфика родительской позиции и семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья / О.В. Югова // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2017. – № 2(77). – С. 195–203.
9. Шебанец, Е.Ю. Связь личностных особенностей субъективного благополучия матерей, имеющих ребенка-инвалида, с уровнем их субъективного благополучия / Е.Ю. Шебанец, Т.К. Хозяинова // Вестн. Адыг. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 4(89). – С. 115–121.
10. Поро, М. Замещающий ребенок / М. Поро. – М.: Когнитивный Центр, 2016. – 211 с.

Поступила в редакцию 20.04.2022

Социально-психологические предикторы адаптации лиц с ограниченными физическими возможностями

Косареvская Т.Е.¹, Мамась А.Н.², Ткач М.Г.¹

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение здравоохранения «ВБХМТИ»

В статье представлены результаты исследования предикторов успешности социально-психологической адаптации к трудной жизненной ситуации лиц с ограниченными физическими возможностями.

Цель работы – представить значимые социальные и психологические детерминанты адаптации, позволяющие прогнозировать ее эффективность у лиц с ограниченными физическими возможностями.

Материал и методы. В исследовании приняли участие взрослые лица, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата (лица с детским церебральным параличом и лица с травмой позвоночника). Эмпирические данные комплексного исследования подвергнуты статистической обработке с использованием U-критерия Манна-Уитни, χ^2 -критерия Пирсона, дискриминантного анализа.

Результаты и их обсуждение. Установлена взаимосвязь социально-демографических и индивидуально-личностных характеристик лиц с ограниченными физическими возможностями с уровнем адаптации. Построены дискриминантные модели, позволившие выделить предикторы, с помощью которых можно решать задачу прогнозирования того, какого уровня адаптации достигнуто лица с ограниченными физическими возможностями разного генеза. Группу риска с негативным прогнозом адаптации составляют взрослые с детским церебральным параличом с не критичным отношением к себе, со слабой мотивационной вовлеченностью в деятельность и слабостью негативных ожиданий, т.е. нереалистичным оптимизмом, неготовностью к неудачам и ожиданием постоянных успехов. Группу риска среди взрослых с травмой позвоночника составляют лица с сильной напряженностью копинга разрешение проблем, низкими показателями принятия себя, управляемости жизни как параметра жизнестойкости и неготовностью получать удовольствие от настоящего.

Заключение. Выявлены прогностические психологические детерминанты адаптации взрослых лиц с детским церебральным параличом и с травмой позвоночника.

Ключевые слова: адаптация, лица с ограниченными физическими возможностями, социально-психологические предикторы.

Social and Psychological Predicators of Adaptation of People With Physical Disabilities

Kosarevskaya T.E.¹, Mamas A.N.², Tkach M.G.¹

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Medical Establishment "VBKhMTI"

The article presents research findings of predicators of successful social and psychological adaptation to a difficult life situation of people with physical disabilities.

The purpose is to present significant social and psychological determiners of people's with physical disabilities adaptation which make it possible to forecast its efficiency.

Material and methods. Adults with physical disabilities (children's cerebral paralysis and spinal injuries) participated in the research. Empiric data of the complex study were statistically processed using Mann-Whitney U-Criterion, χ^2 -Criterion by Pierson, discriminant analysis.

Findings and their discussion. A connection between social demographic and individual personality characteristics of people with physical disabilities with the level of adaptation is established. Discriminant models are built which make it possible to identify predicators with the help of which it is possible to solve the task of forecasting the level of adaptation which people with various physical disabilities can reach. Adults with children cerebral paralysis and non-critical self-identification, with weak motivation involvement into activities and weakness of negative expectations, i.e. unrealistic optimism, negative attitude to failures and expectation of endless success constitute the risk group. Among adults with spinal injuries the risk group is constituted by people with strong problem solution coping tension, with low indications of accepting oneself, life management as a parameter of life sustainability and unpreparedness to enjoy the present.

Conclusion. Prognostic psychological determinants of adults with children cerebral paralysis and spinal injuries adaptation are established.

Key words: adaptation, people with physical disabilities, social and psychological predicators.

Актуальность изучения особенностей психологической реабилитации людей с ограниченными физическими возможностями обосновывается необходимостью решения задач, с которыми сталкивается человек с инвалидностью. Изучение личностных возможностей и ресурсов, которые позволяют преодолевать трудные жизненные ситуации, в том числе ситуацию инвалидизирующего заболевания, представляется актуальным как для самого человека, так и для общества. Многие исследователи сходятся во мнении, что значимым является определение источников и детерминант, обеспечивающих адаптацию личности. От того, какой будет жизненная позиция человека с инвалидизирующим заболеванием, зависит не только возможность включения в реабилитационный процесс, но и эффективность самореабилитации в течение жизни. Социальная поддержка лицам с ограниченными физическими возможностями (ОФВ) помогает решать задачи, которые без нее решить было бы сложнее, и выступает как усилитель личностных ресурсов [1–3].

Цель статьи – представить значимые социальные и психологические детерминанты адаптации, позволяющие прогнозировать ее эффективность у лиц с ограниченными физическими возможностями.

Материал и методы. В эмпирическом исследовании принял участие 51 человек. В состав выборки вошли взрослые люди, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата. В первую группу вошли 27 респондентов с детским церебральным параличом (ДЦП), во вторую – 24 респондента с нарушением функционирования опорно-двигательного аппарата вследствие травмы позвоночника (ТП). Проведено изучение социально-демографических характеристик (пол, возраст, проживание, трудоустройство). Комплексное психологическое исследование личностных характеристик участников осуществлено с использованием следующих методик: «Реабилитационный потенциал личности» (И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич); личностный опросник социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд (адаптация А.К. Осницкого); методика «Тип отношения к болезни (ТОБОЛ)»; опросник жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой); тест смысловых ориентаций Дж. Крамбо, Л. Махолика (адаптация Д.А. Леонтьева); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо; тест диспозиционного оптимизма (Ч. Карер, М. Шейер, адаптация Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина); методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, адаптированная

Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским. Для статистической обработки результатов психодиагностики использовался программный пакет Statistica for Windows. Сравнение групп респондентов (с ДЦП и с ТП) по психологическим параметрам было проведено с помощью U-критерия Манна–Уитни и χ^2 -критерия Пирсона, осуществлен дискриминантный анализ.

Результаты и их обсуждение. По социально-демографическим параметрам с достоверными различиями: группа респондентов с ДЦП достоверно младше, но стаж инвалидности в этой группе достоверно больше, чем в группе респондентов с ТП, в силу врожденного характера заболевания. Взрослые люди с ДЦП достоверно чаще живут с родителями и пользуются помощью при передвижении.

Статистически значимые различия были выявлены по следующим психологическим параметрам: *позитивное прошлое* ($U = 288,5$, $p = 0,017$), *эмоциональный дискомфорт* ($U = 299,5$, $p = 0,026$), *внешний контроль* ($U = 274$, $p = 0,009$) и *внутренняя картина болезни* ($U = 318$, $p = 0,05$). На уровне тенденции к статистической значимости группы различаются по таким параметрам, как *будущее* ($U = 336$, $p = 0,092$), *непринятие себя* ($U = 321,5$, $p = 0,058$), *ведомость* ($U = 332$, $p = 0,082$), *эскапизм* ($U = 330$, $p = 0,076$), *вовлеченность* ($U = 321$, $p = 0,057$) и *контроль* ($U = 331,5$, $p = 0,08$).

Анализ средних рангов для вышеперечисленных переменных показал, что показатели достоверно выше в группе респондентов с ДЦП, а показатели характеристик *будущего*, *позитивного прошлого*, *вовлеченности* и *контроля* достоверно выше в группе респондентов с ТП. Исходя из результатов статистического анализа различий между группами испытуемых, можно прийти к заключению, что эти группы существенно различаются, в связи с чем дальнейший анализ данных групп проводился раздельно.

Статистический анализ данных группы респондентов с ДЦП. Для того чтобы определить, существуют ли параметры, по которым в группе с ДЦП различаются лица с высокой и низкой адаптацией, оцененной по жизненным показателям, были использованы U-критерий Манна–Уитни (для количественных данных) и χ^2 -критерий Пирсона (для номинативных данных).

Статистически значимые различия между группами с высоким и низким уровнями адаптации были обнаружены по таким психологическим параметрам, как *будущее* ($U = 56,5$, $p = 0,011$) и *мотивационный компонент* ($U = 62$, $p = 0,021$), а также по таким социально-демографическим параметрам, как *пол* ($\chi^2 = 7,3$, $p = 0,007$), *образование* ($\chi^2 = 9,31$, $p = 0,002$) и *трудоустройство* (обнару-

жена лишь тенденция к статистической значимости различий – $\chi^2 = 3,48$, $p = 0,062$).

По выраженности характеристики *позитивное прошлое* выявлены различия по полу: женщины среди хорошо адаптированных лиц встречаются чаще, чем мужчины ($U = 68,5$, $p = 0,052$). Средний ранг для этой переменной у представительниц женского пола равен 18,69, у представителей мужского пола – 12,27, из чего следует, что у женщин оценка своего позитивного прошлого достоверно выше. Кроме того, было установлено, что у лиц с высшим образованием, у которых уровень адаптации значимо чаще является высоким, *мотивационный компонент* выражен достоверно сильнее ($U = 63,5$, $p = 0,025$). У них средний ранг для этой переменной равен 19,26, у лиц со средним образованием – 12,04. Работающих респондентов, у которых уровень адаптации значимо чаще высокий, отличают от неработающих следующие параметры: *принятие других* ($U = 54,5$, $p = 0,052$), *ведомость* ($U = 42,5$, $p = 0,04$) и *коммуникационный компонент* ($U = 52,5$, $p = 0,038$). Средние ранги в сравниваемых группах для данных переменных свидетельствуют о том, что выраженность этих показателей (*принятие других* – на уровне тенденции) достоверно выше у тех, кто работает.

Дискриминантная модель для группы респондентов с ДЦП. Для того чтобы установить, с помощью каких параметров из совокупности переменных исследования можно предсказывать, к какой из групп (с высокой или низкой адаптацией) будут отнесены взрослые респонденты с ДЦП, был применен дискриминантный анализ. Он производился пошаговым методом с включением переменных.

В качестве дискриминантных переменных (предикторов) в модель статистически значимо вошли 3 социально-демографических параметра: *образование* ($\beta = 0,77$), *пол* ($\beta = -0,68$) и *проживание* ($\beta = 0,66$). Указанные для каждой дискриминантной переменной стандартизированные коэффициенты β полученной канонической функции были использованы для оценки относительного частного вклада каждого предиктора в предсказание исхода для испытуемых. Наибольший вклад в разделение лиц с ДЦП на группы с высокой и низкой адаптацией вносит *образование*, затем следуют *пол* и *проживание* несмотря на то, что мощность стандартизованных коэффициентов влияния β приблизительно одинакова у всех параметров.

Таким образом, на основании результатов дискриминантного анализа можно описать лиц с ДЦП с высокой и низкой адаптацией. Группу риска с низким уровнем адаптации составляют мужчины, не имеющие высшего образования, проживающие с родителями. В успешную группу

с высокой адаптацией чаще попадают женщины, получившие высшее образование, проживающие отдельно от родителей.

Для психологических характеристик была получена дискриминантная модель, которая правильно предсказала принадлежность 81% испытуемых к группам с высокой и низкой адаптацией. В качестве дискриминантных переменных в модель статистически значимо вошли 3 психологических параметра: *непринятие себя* ($\beta = 1,06$), *мотивационный компонент* ($\beta = 0,72$) и *негативные ожидания* ($\beta = 0,70$). Наибольший вклад в разделение лиц с ДЦП на группы с высокой и низкой адаптацией вносит *непринятие себя* (мощность данного предиктора приблизительно в 1,5 раза больше, чем двух других).

Группу риска с низким уровнем адаптации составляют взрослые с ДЦП с не критичным отношением к себе, со слабой мотивационной вовлеченностью в деятельность и слабостью негативных ожиданий, т.е. нереалистичным оптимизмом, неготовностью к неудачам и ожиданием постоянных успехов. В группу с более благоприятным прогнозом (с высокой адаптацией) имеют больше шансов попасть лица, которые реалистично оценивают свои возможности и ограничения, осознают проблемы и имеют сильную мотивацию к активности, развитию и изменению своей жизни.

Статистический анализ данных группы респондентов с ТП. Аналогичный статистический анализ данных был проведен для группы респондентов с ТП.

По социально-демографическим параметрам группы с высоким и низким уровнями адаптации статистически значимо различаются по уровню образования ($\chi^2 = 9,22$, $p = 0,002$) и проживанию ($\chi^2 = 7,18$, $p = 0,007$). У лиц с высшим образованием частота встречаемости высокой адаптации достоверно выше, чем у лиц со средним образованием. Значения переменных *адаптация* и *проживание* свидетельствуют о том, что доля испытуемых с высокой адаптацией среди проживающих отдельно достоверно больше, чем доля таких испытуемых среди проживающих с родителями. Достоверных различий между группами с разным уровнем адаптации не выявлено по следующим социально-демографическим характеристикам: *возраст* ($U = 95$, $p = 0,756$), *стаж инвалидности* ($U = 96,5$, $p = 0,807$), *пол* ($\chi^2 = 0,55$, $p = 0,460$), *трудоустройство* ($\chi^2 = 0,55$, $p = 0,460$). Таким образом, можно сказать, что *образование* и *проживание* у лиц с ТП связаны с различиями в уровне адаптации.

Статистически значимые различия между группами с высоким и низким уровнями адаптации были обнаружены по таким психологическим параметрам, как *отношение к болезни* ($U = 58,5$,

$p = 0,054$), гедонистическое настоящее ($U = 34,5$, $p = 0,003$), позитивное настоящее ($U = 43,5$, $p = 0,009$), принятие себя ($U = 52$, $p = 0,027$), эмоциональный дискомфорт ($U = 50,5$, $p = 0,022$), доминирование ($U = 50,5$, $p = 0,022$), эскапизм ($U = 40,5$, $p = 0,006$) и разрешение проблем ($U = 42$, $p = 0,007$). Однако по параметру отношение к болезни обнаружена лишь тенденция к статистической значимости различий. Анализ средних рангов для вышеперечисленных психологических переменных показал, что все показатели, за исключением разрешения проблем, достоверно выше в группе с высокой адаптацией.

Дискриминантная модель для группы респондентов с ТП. Для социально-демографических характеристик, являющихся номинативными переменными, проводился отдельный дискриминантный анализ. Полученная в результате дискриминантная модель успешно предсказала принадлежность испытуемых к группам с высокой и низкой адаптацией в 90% случаев. В качестве дискриминантных переменных (предикторов) в модель статистически значимо вошли 3 социально-демографических параметра: образование ($\beta = 1,02$), проживание ($\beta = 0,76$) и пол ($\beta = 0,55$). Наибольший вклад в разделение лиц с ТП на группы по уровню адаптации вносит образование.

На основании результатов дискриминантного анализа можно описать лиц с ТП с высокой и низкой адаптацией. Группу риска с низким уровнем адаптации составляют женщины, не имеющие высшего образования, проживающие с родителями. В успешную группу с высокой адаптацией имеют больше шансов попасть мужчины, получившие высшее образование, проживающие отдельно от родителей.

В результате дискриминантного анализа, проведенного для психологических характеристик, была получена более качественная дискриминантная модель, чем на социально-демографических данных. Рассматриваемая модель успешно предсказала принадлежность испытуемых к группам с высокой и низкой адаптацией, о чем свидетельствует 97% правильных классификаций. В качестве дискриминантных переменных в модель статистически значимо вошли 4 психологических параметра: разрешение проблем ($\beta = -1,23$), принятие себя ($\beta = 0,83$), локус контроля – жизнь как параметр жизнестойкости ($\beta = 0,683$) и гедонистическое настоящее ($\beta = 0,678$). Наибольший вклад в разделение лиц с ТП на группы по уровню адаптации вносит копинг разрешение проблем (мощность данного предиктора приблизительно в 1,5–2 раза больше трех других).

На основании результатов данного дискриминантного анализа можно описать лиц с ТП

с высокой и низкой адаптацией с психологической точки зрения. Группу риска – с вероятностью попадания в группу с низким уровнем адаптации – составляют взрослые с ТП с сильной напряженностью копинга разрешения проблем, а также низким уровнем принятия себя на фоне слабого локуса контроля – жизнь и низким показателем гедонистического настоящего. Это можно интерпретировать как избегание проблем, низкую самооценку и неуверенность в своих силах, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее, а также неготовность получать удовольствие от настоящего.

В группу с более благоприятным прогнозом (с высокой адаптацией) имеют больше шансов попасть лица с менее напряженным копингом разрешения проблем, высокими показателями принятия себя на фоне усиленного локуса контроля – жизнь и отчетливого восприятия гедонистического настоящего. Это означает, что эти люди имеют активную поведенческую стратегию при столкновении с трудностями, опираются на собственные ресурсы и позитивные межличностные отношения, убеждены в том, что возможно контролировать свою жизнь, принимать решения и реализовывать их, прилагая усилия, ориентируются на получение удовольствия от происходящего в настоящем времени.

Заключение. Установлена взаимосвязь социально-демографических и индивидуально-личностных характеристик лиц с ОФВ с уровнем адаптации. Построены модели дискриминантных предикторов, позволяющих наилучшим образом решать задачу прогнозирования того, каким уровнем адаптации обладает человек с ограниченными физическими возможностями различного генеза, что позволяет успешнее осуществлять психологическое сопровождение процесса адаптации и самореабилитации лиц с ограниченными физическими возможностями.

Литература

1. Щербакова, А.М. Сравнительная характеристика отношения к ограниченным возможностям своего здоровья лиц с врожденными и приобретенными нарушениями статодинамической функции / А.М. Щербакова, О.Н. Гудилина // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 77–86.
2. Шипицына, Л.М. Детский церебральный паралич / Л.М. Шипицына, И.И. Мамайчук. – СПб.: Дидактика Плюс, 2001. – 272 с.
3. Леонтьев Д.А. Место и функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья / Д.А. Леонтьев, А.А. Лебедева, Т.А. Силантьева // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11, № 3. – С. 120–134.

Поступила в редакцию 04.04.2022

Satisfaction With Professional Activity as a Condition for Teacher Personality Self-Implementation

Lautkina S.V., Semenova N.S., Tong Chunyu

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The most important condition for the development of professional activity of a teacher is job satisfaction. Most of all, teachers are satisfied with the recognition of their personality by colleagues, parents of pupils, interest in work, payment and job security. Dissatisfaction with work is expressed in tension, apathy, irritation, fatigue, which often leads to turnover of teaching staff.

The purpose of the article is to research the satisfaction with the professional activities of teachers.

Material and methods. The research material was compiled by publications of scientists and practitioners on the problems of professional satisfaction, protocols of the Minnesota Satisfaction Questionnaire, protocols of the five-factor personality questionnaire. Teachers from different types of education establishments (state and private universities, independent colleges) from Guizhou Province of the People's Republic of China were involved in the study. Statistical methods of material processing using the SPSS 11.5 application program were used. Correlation and regression analysis were carried out.

Findings and their discussion. The results of the research indicate the relationship of the personal characteristics of the teacher (self-organization and self-discipline, extraversion, kindness, neuroticism, openness) with general and internal satisfaction with professional activity. The influence of age, education, specialty, gender, professional rank, personal characteristics on the success of a teacher's professional activity are analyzed. It is proved that satisfaction with professional activity is a condition for teacher self-implementation.

Conclusion. The results of the research should be taken into account when solving issues related to preparation for professional activity, at the student stage including, in the practice of psychological counseling in the context of personal and socio-psychological problems of teachers, as well as career guidance to identify risk factors for dissatisfaction with professional activity. The obtained data allow us to build psychocorrective work aimed at leveling the problems of dissatisfaction with work. Also, the results obtained can be used in the field of education management of teachers for purposeful planning of a successful career and professional growth, professional development, development of professional competencies.

Key words: satisfaction with professional activity, work activity, professionalism, profession, self-implementation, teacher.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью как условие для самореализации личности педагога

Лауткина С.В., Семёнова Н.С., Тонг Чунью

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Важнейшим условием развития профессионального самосознания педагога является удовлетворенность трудом. Больше всего педагогов удовлетворяют в работе признание своей личности со стороны коллег, родителей воспитанников, интерес к труду, оплата и гарантированность труда. Неудовлетворенность трудом выражается в напряженности, апатии, раздражении, быстрой утомляемости, что часто приводит к текучести педагогических кадров.

Цель статьи – изучить удовлетворенность профессиональной деятельностью педагогов.

Материал и методы. Материал исследования составили публикации ученых и практиков по проблематике удовлетворенности профессиональной деятельностью, протоколы Миннесотского опросника удовлетворенности (Minnesota Satisfaction Questionnaire), протоколы пятифакторного личностного опросника. К исследованию были привлечены педагоги из разных типов учреждений образования (государственные и частные университеты, независимые колледжи) из провинции Гуйчжоу Китайской Народной Республики. Использовались статистические методы обработки материала с помощью прикладной программы SPSS 11.5. Были проведены корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты исследования говорят о взаимосвязи личностных характеристик педагога (самоорганизации и самодисциплины, экстраверсии, доброты, невротизма, открытости) с общей и внутренней удовлетворенностью профессиональной деятельностью.

Особое внимание уделяется влиянию возраста, образования, специальности, пола, профессионального звания, личностных характеристик на успешность профессиональной деятельности педагога. Доказано, что удовлетворенность профессиональной деятельностью выступает в качестве условия самореализации педагога.

Заключение. Результаты исследования должны быть учтены при решении вопросов, связанных с подготовкой к профессиональной деятельности, в том числе на этапе студенчества, в практике психологического консультирования в контексте личностных и социально-психологических проблем педагогов, а также профориентации для выделения факторов риска по неудовлетворенности профессиональной деятельностью. Полученные данные позволяют выстроить психокоррекционную работу, направленную на нивелирование проблем неудовлетворенности трудом. Также полученные результаты можно использовать в сфере управления образованием педагогов для целенаправленного планирования успешной карьеры и профессионального роста, повышения профессионализма, развития профессиональных компетенций.

Ключевые слова: удовлетворенность профессиональной деятельностью, трудовая деятельность, профессионализм, профессия, самореализация, педагог.

Satisfaction with professional activity, according to modern researchers (A.A. Baranova, F.P. Berezina, V.N. Gordienko, A.A. Rean etc.), is one of the significant conditions for the success of teachers in the profession, their professional and personal improvement [1].

In the most general sense, satisfaction is defined as the feeling of someone who is satisfied with the fulfillment of their aspirations, desires, needs, and profession is the main occupation, work activity. Based on this, satisfaction with professional activity should be understood as a state that arises as a result of the fulfillment of aspirations, desires, and needs related to the realization of labor activity.

In psychological and pedagogical research, the concept of "satisfaction with professional activity" is revealed by scientists through various aspects of this phenomenon: an integrative indicator reflecting the attitude of the subject to the chosen profession (A.A. Rean, Ya.L. Kolominsky [2]); the system of value orientations and social attitudes related to the profession and to the specifics of the specific organization in which a person works, the reaction to a set of objective and subjective factors related to work (age, gender, social status, work experience, level of remuneration, relations between people in the organization) (B.Yu. Berzin, A.V. Maltsev [1]); fulfillment of human expectations from the material, social and spiritual and moral results of their work (D.P. Schultz); assessment of the degree of saturation of the needs that a person seeks to satisfy in the field related to the labor process (V.A. Yadov); the ratio of expectations, needs, requests of teachers and their fulfillment regarding the content aspects, conditions and results of work (V.N. Gordienko).

According to V.G. Podmarkov, the main groups of needs that a teacher seeks to realize in his work, along with material needs, the desire to realize personal potential, include the need for the prestige of the profession, the need to realize his social role, to take part in socially significant activities [3].

A number of authors also point to an emotional component in satisfaction with their professional activities. So, A.A. Prokhvatilov singled out an emotional component in the holistic attitude of a person to his profession, along with cognitive and behavioral, using the following criteria

of the latter: attractiveness of the work performed (like – dislike); passion for work; mood caused by work. E.A. Klimov, interpreting cosmogonic myths and speaking about the phenomenon of satisfaction with what he has done, explains this concept as follows: "I created and saw that it was good" [4].

In the works of foreign and domestic scientists related to this topic, the issues of the relationship between motivation and job satisfaction are actively being worked out. The theory of two factors by F. Herzberg caused a wide resonance among scientists and managers [5]. He researched two hundred engineers and accountants in order to identify motivational factors and their strength. Employees were asked two questions: "Can you describe in detail when you feel exceptionally good at work?" and "Can you describe in detail when you feel exceptionally bad at work?". As a result of the research, two groups of factors clearly emerged that clearly do not equally affect the motivation of work. The first group of factors is F. Herzberg. He called hygiene factors (hygienic factors), the second – motivators. The term "hygiene" is used here in its medical meaning – hygiene as a warning, prevention of disease, and not as a treatment for it. By themselves, hygienic factors do not cause satisfaction, but their deterioration generates dissatisfaction with work. When improving hygienic factors, dissatisfaction is not felt, but when such an improvement is perceived by employees as natural, self-evident, then there is no satisfaction. Hygienic factors include: relationships with colleagues, superiors and subordinates; the moral climate in the organization; remuneration (in the case of a fixed salary); the ability of the manager; physical working conditions; stability of the workplace. The second group of factors consists of motivators that directly cause job satisfaction, a high level of motivation and labor achievements. They act as stimulators of effective work. These include: achievement of goals, recognition, interesting content of work, independence (your area of work) and responsibility, professional and job growth, opportunities for personal self-realization. Of course, the boundaries between individual hygienic factors and motivators are relative, mobile. So, money in the form of a fixed salary refers to hygiene factors, at the same time, such a motivator as job

growth also implies a salary increase. In order to avoid dissatisfaction with work, it is enough to have hygienic factors in the usual volume, while increasing labor productivity is achieved with the help of motivators. Summarizing the results of his research, F. Herzberg made a number of conclusions: 1) the absence of hygienic factors leads to dissatisfaction with work; 2) the presence of motivators can only partially and incompletely compensate for the absence of hygiene factors; 3) under normal conditions, the presence of hygienic factors is perceived as natural and does not have a motivational effect; 4) a positive maximum motivational effect is achieved with the help of motivators in the presence of hygiene factors.

Despite the large number of works by domestic and foreign authors, the problem of studying teacher satisfaction with professional activity in other socio-cultural, territorial, socio-economic conditions has not been raised in any of the works and is insufficiently developed and relevant. Proceeding from the position that the achievement of satisfaction with professional activity occurs through the self-actualization of the individual in the teaching profession and the implementation of professional orientation (E.A. Klimov, N.V. Kuzmina, L.M. Mitina, A.K. Markova etc.), all researchers note the high importance of achieving teacher satisfaction with professional activity for the effectiveness of the pedagogical process. However, the current level of professional satisfaction is assessed by school teachers as medium or low. Hence the contradiction between the high desired and required teaching profession and the prevailing low real level of achievement of professional satisfaction. The resolution of this contradiction determines the main problem of the study – the study of indicators of teacher satisfaction with professional activity. The novelty of this research will be the study of satisfaction with professional activity on a sample of teachers from various educational institutions from China.

The relationship between teachers' personal situation and personality characteristics and professional activity satisfaction can provide reliable basis for school management, targeted career planning guidance for teachers; teachers can also consciously improve and utilize their personality characteristics, treat work with a positive attitude and effectively promote professional development.

Since the concept of professional activity satisfaction was proposed, scholars at home and abroad have begun to devote themselves to the research of professional activity satisfaction. However, the definition of professional activity satisfaction is different. For example, Hoppock said that professional activity satisfaction is a kind of single concept of psychological integrity, refers to the staff satisfaction in physical and psychological aspects, that is, employee subjective response to the

working environment, so the most inconvenient way to measure the satisfaction of professional activities, is to directly consult the staff work satisfaction degree, without having to divide several different levels to measure. Vroom determined professional activity satisfaction as emotional orientation held by individuals to the work role played at present. If he holds a positive attitude towards the work, he represents the work satisfaction. If he holds a negative attitude towards the work, he is not satisfied with the work. The view of Zhang Chunxi of professional activity satisfaction is that it is the degree to which the individual or the majority of the employees are satisfied with the work they perform [6].

There are many factors affecting professional satisfaction with activities, which can roughly be classified as internal satisfaction (such as work content, work stability, supervisor leadership style), external satisfaction (such as salary, welfare and promotion channels), general satisfaction (such as working environment, relationships, etc.), and demographic variation (such as age, gender, education, etc.) [7; 8].

There are different general theoretical methods for studying the satisfaction of professional activities:

- Work Satisfaction Indicator Scale (An Index of Job Satisfaction, IJS) Work Satisfaction Indicator Scale is an attitude scale to measure the overall work satisfaction of individuals, not 18 scales and Sexstone mixed five-point scale
- Job Description Index (Job Descriptive Index JDI). The work description indicators are divided into five levels: work, colleagues, promotion, supervision and salary. Each level is composed of nine to 18 topics, which is an adjective inspection scale. The score of each scale represents the satisfaction sheet of the answer, while the total score of the five components represents the overall situation of the work.
- Working Diagnosis Indicators (Job Descriptive Survey, JDS). The work diagnosis indicators have three main questions: JDS long topic book, JDS short question book and work evaluation scale.
- General Workload Table (Job In General Scale, JIG). The general worksheet is used to measure overall employee work satisfaction.
- Minnesota Satisfaction Questionnaire (Minnesota Satisfaction Questionnaire, MSQ). The Minnesota satisfaction questionnaire is divided into long and short types, using the five-point scale. Both questions all have 20 configurations. There are five questions in each configuration book, a total of 100 questions. Short question this each configuration surface has a question, a total of 20 questions. Both questionnaires can achieve internal satisfaction, external satisfaction and general satisfaction.
- The five-factor personality questionnaire, better known as the "Big Five" ("The Magnificent

Five”) was developed in 1983–1985 by American psychologists R. McCrae and P. Costa. Subsequently, the questionnaire was improved and finally presented in 1992 with the NEO PI test (from the English “neuroticism, extraversion, openness – a personal questionnaire”). According to the authors, the five independent variables identified on the basis of factor analysis (neuroticism, extraversion, openness to experience, cooperation, conscientiousness) are quite sufficient for an adequate description of the psychological portrait of a person.

Each teacher has a stable and inclined professional personality characteristic, which determines a variety of teaching styles, affects the choice of a variety of educational behaviors, and produces direct teaching benefits.

The purpose of the article: study the relationship between satisfaction with the teacher's professional activity and the level of self-realization, relationship of personality characteristics and satisfaction of professional activities

Material and methods. With college teachers in Guizhou Province, this study mainly collects and handles the data through a questionnaire survey. In this study, 6 selected schools (2 public universities, 1 private university and 3 independent colleges), a total of 340 questionnaires (60 public universities, 110 private universities, 170 independent colleges), 297 recycled questionnaires (57 public universities, 89 private universities and 151 independent colleges) with a recovery rate of 87,4%. Excluding incomplete answers, the valid number is 280 (52,5 public universities, 85 private universities, 143 independent colleges) and an effective recovery rate of 82,4%.

In the recovered effective questionnaire, the analysis of sample data is as follows:

- gender sample data: 33% males, 67% females.
- age of the respondents: 20–30 years – 28%, 31–40 years – 39%, 41–50 years – 19%, 51–60 years – 14%.
- education level: graduate students – 70%, university undergraduate degree – 30%.
- job title: general teacher – 91%, department director – 8%, school-level leader – 1%.
- work seniority: for less than three years – 35%, 4–9 years – 40%, 10–15 years – 20%, 16 years and more – 5%.
- professional title: teaching assistant – 43%, instructor – 48%, associate professor – 8%, professor – 1%.

After excluding the incomplete or obviously perfunctory questionnaire, the data is archived, and the SPSS11.0 FOR WINDOWS software conducts statistics and analysis. The analysis methods include:

- confidence Analysis

The questionnaire scale of this study came from famous questionnaires abroad and translated by domestic scholars. Due to the different subjects,

the reliability index of the scale was Cronbach's a value.

- Descriptive Statistical Analysis (Descriptive Statics Analysis)

The distribution of gender, age, education degree, working life, position, professional title and other samples of the basic personal data is made for the number of distribution and percentage analysis. See Table 3–1 Sample Data Descriptive Statistical Analysis Table for details.

- Single Factor Variability Analysis (Oneway Anova)

The single-factor variability analysis is used to verify whether there are significant differences between different individual basic situation and personality characteristics and professional activity satisfaction.

- Pearson Wood Mu Analysis (Pearson correlation analysis)

Pearson correlation analysis to test the correlation of personal basic variables and personality characteristics to the satisfaction of professional activities.

- Regression Analysis

The study used regression analysis to discuss the influence of personal basic situation, personality characteristics on professional activity satisfaction and whether their significance

This research divided five views of personality traits into extroversion, kindness, neuroticism, openness and self-discipline.

Extraversion: refers to the degree that a person is comfortable with the relationship with others, and if a person is more comfortable with him, the more outgoing.

Kindness: refers to the degree that a person follows the rules set by others, the higher the score, the higher the degree of kindness.

Self-discipline: refers to a person's concentration, concentration on the goal of the pursuit, if the less a person's goal, the more dedicated to it, the higher the degree of self-discipline.

Neuroticism: represents the tendency to worry experience in cognition and behavior style. Openness: refers to a small interest and depth, relative depth, higher openness.

Findings and their discussion. Five categories of personality traits are measured by the NEO Five-factor Assessment (Form S) Personality Characteristics Questionnaire of Costa & McCrae. This study simplified the scoring method, changed Likert to five points, which was 1 = very disagree to 5 = respectively. The reverse score is 1 = very disagree to this 5 =, and simply averaged the score of the topic, as the score of the personality trait.

The scale title used in this Institute are translated into Chinese and revised. Morrison (1996)

measures total dealers in four industries in the US, with Cronbach d coefficient, 0,77. Discipline is 0,82, 0,78, neuroticism, 0,84. openness is 0,66.

The definition of the satisfaction of professional activities measures the degree of satisfaction of the work from the internal satisfaction, external satisfaction and general satisfaction. Seashore & Taber (1975) organizes the major variables related to professional activity satisfaction into a conceptual architecture that will affect factors affecting work satisfaction, roughly divided into individual variants, organizational, and environmental variants.

This study used the Minnesota Professional Activity Satisfaction Questionnaire (Minnesota Satisfaction Questionnaire, for MSQ), which is presented by Weiss Davis England & Lofquist (1967) was prepared from. Weisset al. (1967) For the results of 1723 subjects in six different occupations, the overall confidence of 0,87 to 0,92, internal satisfaction of 0,84 to 0,91 and external satisfaction of 0,77 to 0,82.

Short topic has an acceptable internal consistency confidence. This study used short book (20 questions) as the questionnaire.

Professional activity satisfaction questionnaire has three levels, divided into 6 internal satisfaction (topics 1, 2, 3, 4, 3, 7, 8, 8, 9, 10, 11th, 15, 16 and 20), 6: external satisfaction (topics 5, 6, 12, 12, 13, 14 and 19), plus 20 questions of internal satisfaction and 17 and 18. The score adopts the Likert five-point scale, with 1–5 points (5 very agreed, 1 very disagree). The higher the score, the higher the tested teachers' satisfaction of professional activities, and the lower the satisfaction of professional activities.

This article analyzes the survey data to explore whether different personality characteristics and personal variables have an impact on work satisfaction, and whether there are significant differences.

Descriptive statistical analysis of the factors of personality characteristics: teachers have low neuroticism, 2,381, and the average score of kindness, self-discipline, extroversion, and openness is above 3,0, among which especially self-discipline is the highest, with the average value of 3,625.

Descriptive statistical analysis of professional activity satisfaction: it is seen that the teacher's internal satisfaction and overall satisfaction with work are above 3,2, while the external satisfaction with work is slightly lower than 2,8893. It shows that the teachers are basically satisfied with the feelings of their work.

In terms of internal satisfaction, external satisfaction or overall satisfaction, the satisfaction of teachers in public universities is slightly higher, with the lowest satisfaction of private universities: 3,3098 and 2,8235 and 3,1871 respectively. Internally and overall, teachers have the highest satisfaction between 41 and 50 years basically showed an satisfaction trend with age, with a slight decline after 50.

Teachers with a master's degree have the highest professional activity satisfaction and the lowest for college undergraduate students, especially with external dissatisfaction (2,8708). The internal, external and overall professional activity satisfaction of middle school teachers

Table 1 – The reliability factor of the personality characteristics

Study variation	Questionnaire item	Cronbach coefficient
Kindness	4, 9, 14, 19, 24, 34, 39, 49, 59	0,77
Self-discipline	10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60	0,82
Extraversion	2, 17, 22, 32, 37, 42, 52, 57	0,78
Neuroticism	1, 6, 11, 16, 21, 26, 3, 36, 41, 46, 51, 56	0,84
Openness	8, 13, 18, 23, 28, 43, 48, 53	0,66

Table 2 – Descriptive statistical analysis of the factors of personality characteristics

	Kindness	Self-discipline	Extraversion	Neuroticism	Openness
Valid	280	280	280	280	280
Missing	0	0	0	0	0
Mean	3,263	3,625	3,313	2,381	3,24
Standard dev.	2,2890	2,4429	2,5033	2,4405	2,42
Min	2,3	2,2	1,9	1,0	1,2
Max	4,1	4,8	4,8	4,1	5

increases with the improvement of their positions, with the school-level leaders, department directors and ordinary teachers from high to low. The internal satisfaction of teachers is rising along with the improvement of professional title. The internal, external and overall satisfaction of professors are the highest. Min external satisfaction for instructor teacher (2,8408).

For a differential analysis of professional activity satisfaction among teachers in different school classes, we found $P = 0,006 > 0,003$, both less than 0,01, thus showing very significant differences between them. For teacher and professional activity satisfaction, there was no significant difference between age and work satisfaction ($P > 0,05$).

There are significant differences between different teacher positions and external satisfaction ($P = 0,047 < 0,05$), but no significant differences between internal and overall satisfaction. There are no significant differences between the different professional titles ($P > 0,05$), however, there were significant differences in overall satisfaction ($P = 0,04 < 0,05$).

There was no significant difference between kindly personality traits and professional activity satisfaction ($P > 0,05$). Extroverted personality traits differ very significantly between internal, external, and overall satisfaction ($P < 0,05$).

There were no significant differences between internal, external, and overall satisfaction ($P > 0,05$). Analysis on the difference between the openness personality characteristics and the satisfaction of professional activities shows that $P = 0,607 > 0,220$, 0,347 between 0,220 and overall satisfaction are greater than 0.05, so there is no significant difference between open personality traits and internal, external satisfaction and overall satisfaction. Self-disciplined personality traits differ significantly between internal, external, and overall satisfaction ($P < 0,01$).

This article mainly studies the correlation between various factors of personality traits and professional activity satisfaction to obtain significant levels and relevance between different variants. This

study uses a method of Pearson product correlation analysis to identify the relationship strength between the two variables.

The correlation shows us: negative correlation between the school category and overall job satisfaction ($r = -0,121$, $P = 0,043 < 0,05$) is, the more ordinary the school, the lower the overall teacher satisfaction. Significant correlation between position and external satisfaction ($r = 0,128$, $P = 0,032 < 0,05$). There were significant associations between professional title and internal and overall satisfaction ($r = 0,143$, $P = 0,016 < 0,05$; $r = 0,129$, $P = 0,031 < 0,05$).

Relevant analysis between various factors of personality characteristics and professional activity:

- There is an extremely significant correlation between kindness and intrinsic satisfaction ($r = 0,534$ $P = 0,000 < 0,01$), kindness and overall satisfaction ($r = 0,125$ $P = 0,037 < 0,05$) was significantly related.

- Self-discipline and overall satisfaction of personality traits ($r = 0,371$ $P = 0,000 < 0,01$). Extraverted and overall satisfaction ($r = 0,445$ $P = 0,000 < 0,01$); internal discipline and internal satisfaction ($r = 0,341$ $P = 0,000 < 0,01$), extroversion and intrinsic satisfaction ($r = 0,427$, $P = 0,000 < 0,01$); and external satisfaction of personality traits ($r = 0,222$, $P = 0,000 < 0,01$). Significant correlation between extroversion and external satisfaction ($r = 0,329$, $P = 0,000 < 0,01$);

- Neuroticism has an extremely significant negative correlation with intrinsic satisfaction ($r = 0,235$ $P = 0,000 < 0,01$), with overall satisfaction ($r = -0,230$, $P = 0,000 < 0,01$), and with external satisfaction ($r = -0,133$, $P = 0,027 < 0,05$).

- Openness and intrinsic satisfaction ($r = 0,166$, $P = 0,005 < 0,01$). Openness and overall satisfaction ($r = 0,182$ $P = 0,002 < 0,01$) has an extremely significant correlation.

Regression analysis is a method to study the extent of the influence of one or several variables on the other, find out the relationship between them according to the data, and speculate on the value or range of the known values of explanatory variables. Whether the basic information, individuals

Table 3 – Regression Analysis of Personality Characteristics to External Satisfaction

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients	T	Sig
	B	Std. error	Beta		
Constant	1,650	608		2,71	0,007
Kindness	1,257	0,142	0,117		0,071
Self-discipline	1,229	0,101	0,159	2,26	0,024
Extraversion	1,387	0,085	0,306	4,57	0,000
Neuroticism	1,927E-02	0,091	0,013	0,211	0,833
Openness	-2,47E-02	0,087	0,017	0,283	0,778

has a significant impact on professional activity satisfaction is shown. Degree ($P = 0,020 < 0,05$) has a significant impact. Personality traits have significant effects on professional activity satisfaction.

There are very significant implications on the self-discipline of personality traits ($P = 0,000 < 0,01$) and overall satisfaction ($P = 0,000 < 0,01$). Self-discipline and external satisfaction of personality traits ($P = 0,024 < 0,05$) have very significant implications. External insic satisfaction of personality traits ($P = 0,000 < 0,01$). External satisfaction ($P = 0,000 < 0,01$) and overall satisfaction ($P = 0,000 < 0,01$) both had very significant implications.

Conclusion. The problem of the teacher's personality as a subject of activity is currently being considered in various aspects. At the same time, we mean the intensification and complication of the teacher's activities, the development of his spiritual and personal potential and the corresponding growth and realization of his needs for recognition and respect from other subjects of the educational process, parents of pupils and the whole society as a whole. The creation of optimal conditions in the process of pedagogical activity for the personal growth of a teacher, the realization of his capabilities in the pedagogical process and determines the increase in the criteria of personal and professional growth, leads to professional and personal satisfaction with pedagogical activity. The expansion of opportunities to choose forms and means of activity, as well as the recognition of this profession as socially significant, lead to an improvement in the psychological and social well-being of the individual, satisfaction with this activity and its result. The psychological and social well-being of a teacher can be understood only on the basis of an analysis of the activity and those personal properties and qualities that are formed and developed at the same time.

According to the survey, the factors affecting the satisfaction of teachers' professional activities are mainly as follows:

1. Relationship between the personal basic information and the satisfaction of the professional activities:

- the internal satisfaction and overall satisfaction of public university teachers are significantly higher than that of the other two schools, but there is no significant difference in the outside satisfaction, and the satisfaction of private university teachers is the lowest;

- has significantly different between education degree and external satisfaction, which is an important factor affecting external satisfaction.

Professional activity satisfaction of teachers with master's degree is significantly higher than teachers with undergraduate degree;

- has significant differences in external satisfaction of teachers from different positions. With the improvement of positions, external satisfaction increases;

- there is a significant difference between the professional title and the overall satisfaction, and with the improvement of the professional title, the overall satisfaction also increases.

2. Relationship of personality characteristics and satisfaction of professional activities:

- kindly personality traits and intrinsic satisfaction are significantly related with overall satisfaction;

- open personality traits are significantly associated with internal and overall satisfaction;

- extroverted personality traits are extremely significantly associated with internal, external, and overall satisfaction. The level of exersion is significantly different from the satisfaction of professional activities;

- neuroses have a very significant negative correlation with internal satisfaction and overall satisfaction, and a significant negative correlation with external satisfaction;

- self-discipline personality characteristics are extremely significantly related to internal satisfaction, external satisfaction and overall satisfaction. There are significant differences between the level of self-discipline and professional activity satisfaction.

References

1. Berzin, B.Y. Uchitel': udovletvorennost' professiej i social'no-psihologicheskoe samochuvstvie / B.Y. Berzin, A.V. Mal'cev // Social'naya filosofiya i sociologiya. – 2016. – № 7. – P. 91–97.
2. Rean, A.A. Social'naya pedagogicheskaya psihologiya / A.A. Rean, Ya.L. Kolominskij. – SPb.: Piter, 2000. – 416 p.
3. Podmarkov, V.G. Sovremennaya "sociologicheskaya teoriya organizacii" i problema truda / V.G. Podmarkov // Social'nye problemy organizacii truda. – M.: Mysl', 1969. – P. 193–213.
4. Klimov, E.A. Vvedenie v psihologiyu truda / E.A. Klimov. – M.: Kul'tura i sport, YUNITI, 1998. – 350 p.
5. Herzberg, F.I. A motivation-hygiene concept of mental health / F.I. Herzberg // Mental hygiene. – 1961. – № 45. – P. 394–401.
6. Guo Cheng, Yinshan Yan, Zhang Ji: Comments on the Personality Research of Chinese Teachers in the Last 20 Years / Guo Cheng // Psychological Science. – 2005. – № 28(4). – P. 937–940.
7. Liu Jiliang, Kong Keqin: New progress in personality characteristics research / Jialing Liu // Psychological Science. – 2001. – № 24, iss. 3.
8. Li Liping, Huang Qiaoxiang: Teachers' professional activity satisfaction and teacher incentive / Liping Li // Education Science Journal of Hunan Normal University. – 2004. – Iss. 7.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Психологические особенности студентов, склонных к прокрастинации

Богомаз С.Л., Циркунова Н.И., Гущина Е.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей личности студентов, склонных к прокрастинации. Установлена положительная взаимосвязь уровня прокрастинации с уровнем практичности, тревожности, расслабленности. Обратная взаимосвязь определена между уровнем прокрастинации и уровнем самооценки, эмоциональной стабильности, нормативностью поведения и самоконтролем.

Цель работы – выявить личностные особенности студентов, склонных к прокрастинации.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ВГУ имени П.М. Машерова. В качестве респондентов выступили 45 студентов III и IV курсов дневной формы получения образования факультета социальной педагогики и психологии. При этом применялись следующие методики: 16-факторный личностный опросник Кеттелла (форма С) в адаптации Н.А. Капустиной, опросник академической прокрастинации (PASS) в адаптации М.В. Зверевой, опросник на склонность к прокрастинации (О.А. Ширвари, Е.Е. Черная, В.А. Панов и др.).

Результаты и их обсуждение. Исследование позволило определить испытуемых, имеющих высокий уровень общей и академической прокрастинации, факторы академической прокрастинации. Корреляционный анализ, проведенный в исследовании, показал, что существует взаимосвязь между прокрастинацией и личностными характеристиками студентов, однако эти данные и выводы не претендуют на полное освещение всех аспектов такого сложного и многогранного явления, как прокрастинация.

Заключение. Знание личностных характеристик студентов и их взаимосвязи с прокрастинацией будет способствовать созданию условий для более полного и гармоничного развития личности и главным образом выявлению возможных путей устранения негативных последствий воздействия прокрастинации на жизнедеятельность человека, его психическое и физическое здоровье.

Ключевые слова: прокрастинация, академическая прокрастинация, студенческая среда, самооценка, планомерность, тревожность, психологические особенности.

Psychological Characteristics of Students Prone to Procrastination

Bogomaz S.L., Tsirkunova N.I., Gushchina E.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article presents the results of a study of the psychological characteristics of the personality of students prone to procrastination. A positive correlation between the level of procrastination and the level of practicality, anxiety, and relaxation was revealed. The inverse relationship is identified between the level of procrastination and the level of self-esteem, emotional stability, normativity of behavior and self-control.

The purpose of the work is to identify the personal characteristics of students prone (predisposed) to procrastination.

Material and methods. The study was conducted on the basis of Vitebsk State P.M. Masherov University. The respondents were 45 third- and fourth-year full-time students of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology. The study used such questionnaires as: the 16-factor Kettell personality questionnaire (form C) adapted by N.A. Kapustina, the questionnaire of academic procrastination (PASS) in the adaptation of M.V. Zvereva, the questionnaire on procrastination propensity by O.A. Shirvari, E.E. Chernaya, V.A. Panov, etc.

Findings and their discussion. The study made it possible to identify the percentage of subjects who have a high level of general and academic procrastination. The factors of academic procrastination were also identified. The results obtained during the correlation analysis indicate that there is a relationship between procrastination and personal characteristics of students, however, these data and conclusions do not claim to fully cover all aspects of such a complex and multifaceted phenomenon as procrastination.

Conclusion. Knowledge of the personal characteristics of students and their relationship with procrastination will contribute to creating conditions for a more complete and harmonious development of personality and, mainly, identifying possible ways to eliminate the negative effects of procrastination on human life, his mental and physical health.

Key words: procrastination, academic procrastination, student environment, self-esteem, planning, anxiety, psychological characteristics.

Каждый человек в современном мире рано или поздно сталкивается с такой проблемой, как нехватка времени для выполнения поставленных задач и реализации намеченных целей. Считается, что для устранения данной проблемы необходимо правильно планировать свое время и соответствующе тратить свои силы и ресурсы. Но часто оказывается, что люди, несмотря на хорошо спланированные действия, откладывают выполнение некоторых своих дел на потом. При этом они могут заниматься малыми, незначительными делами, но не выполнять чего-то действительно важного. Как правило, в таком случае выполнение значимых дел постоянно откладывается, и выполняются они либо в последний момент, либо не выполняются вовсе.

Поведенческий паттерн, при котором выполнение ведущей для человека в данный период времени деятельности осознанно откладывается, определяется термином «прокрастинация», введенным впервые П. Рингенбахом в 1977 году. В том же году публикуется книга «Преодоление прокрастинации» А. Элисса и У.Дж. Кнауца. Авторы рассматривают прокрастинацию как тактику поведения, при которой откладывание дел происходит ввиду иррациональных убеждений [1].

Позже, в 1983 году, в своем труде «Прокрастинация: что это такое и как с ней бороться» Дж. Бурка и Л. Юэнь представили прокрастинацию как сложную психологическую проблему, в основе которой лежат низкая самооценка и страх неудачи. В 2008 году данными авторами издается книга «Прокрастинация: почему мы все откладываем на потом и как с этим бороться». В данном издании, которое подготовлено на основе практической деятельности, авторы делают попытку распутать так называемые корни прокрастинации. Они не только связывают прокрастинацию с низкой самооценкой и страхом неудач, но и определяют корни прокрастинации в страхе перед успехом, потери контроля над ситуацией, перед разрывом или близостью [2].

В конце XX – начале XXI века эта проблема привлекла внимание как российских [3–8], так и белорусских психологов [9–13]. В работе «Прокрастинация как психологический феномен современного общества» Я.С. Вольнич, Т.Е. Яценко на основании теорий зарубежных и отечественных психологов описали различные негативные последствия прокрастинации, выделили две характеристики феномена прокрастинации и ее пять основных видов в зависимости от сферы проявления. Кроме того, были определены главные причины возникновения прокрастинации [10].

В исследовании взаимосвязи между ургентной аддикцией, синдромом эмоционального выгорания и прокрастинацией у учителей И.Н. Андреева и А.Ч. Вырвич определили, что сельские и городские учителя различаются на достоверном уровне по характеру взаимосвязей ургентной аддикции, синдрома эмоционального выгорания и прокрастинации [9].

Согласно ряду исследований данного феномена, именно в студенческой среде чаще всего проявляется феномен прокрастинации [3–8; 11; 12]. Современному студенту для выполнения учебных задач необходимы навыки самоконтроля и планирования своей деятельности. Отсутствие или недостаточная сформированность данных навыков часто приводит к тому, что самостоятельное выполнение необходимых заданий откладывается на более поздние сроки. Невыполнение студентами учебных обязанностей в установленный срок влечет за собой не только материальные или административные последствия, но и осложняет личностную и профессиональную самореализацию.

В работе «Взаимосвязь особенностей прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов» Л.А. Забродина и Ю.Р. Мухина определили, что нет взаимосвязи между прокрастинацией и возрастом студентов, мотивацией успеха и боязнью неудач, а также характеристиками темперамента, но они обнаружили взаимосвязь между прокрастинацией и моральной нормативностью, тревожностью, самодисциплиной, напряженностью [6]. Исследуя индивидуально-психологические особенности студентов педагогического вуза с разным уровнем прокрастинации, Н.Э. Солянин и А.В. Лингваль определили, что у студентов с низким и высоким уровнями прокрастинации существуют различия в уровнях выраженности следующих психологических особенностей: бегство–избегание, планирование решения проблемы, мотивация к успеху [8]. Н.К. Плавник и С.В. Позняк при исследовании психологических факторов академической прокрастинации у учащихся определили, что проблемы в ценностно-смысловой сфере, эмоциональная неустойчивость, эмоциональная апатия и низкий самоконтроль влияют на проявление академической прокрастинации [11]. О.В. Кожевникова и Е.П. Шкляева в своем научном труде «Психологические предикторы склонности субъекта к академической прокрастинации» выявили, что лица, не обладающие выраженными навыками самоконтроля, стратегического и тактического планирования времени, испытывающие затруднения при организации и структурировании собственной деятельности, склонны к академической прокрастинации [7].

Анализ работ по изучению феномена прокрастинации свидетельствует о том, что существует множество теорий, подходов и гипотез о природе прокрастинации, причин ее возникновения. Но, к сожалению, многие вопросы, связанные с данным феноменом, до сих пор остаются неизученными или малоизученными (в частности, вопрос взаимосвязи особенностей личности с прокрастинацией в студенческой среде) [13]. Малоизученность данной проблемы и обусловила выбор темы нашего исследования.

Цель работы – изучение и определение взаимосвязи уровня прокрастинации с личностными характеристиками студентов.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ВГУ имени П.М. Машерова. В качестве респондентов выступили 45 студентов III и IV курсов дневной формы получения образования факультета социальной педагогики и психологии.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе, используя опросник на склонность к прокрастинации (авторы О.А. Ширвари, Е.Е. Черная, В.А. Панов и др.), был определен уровень общей, личностно-обусловленной и ситуативно-обусловленной прокрастинации. Для определения академической прокрастинации применяли опросник PASS в адаптации М.В. Зверевой, позволяющий выявить частоту и возможные факторы проявления академической прокрастинации. Для определения индивидуально-личностных характеристик респондентов мы использовали 16-факторный личностный опросник Кеттелла (форма С) в адаптации Н.А. Капустиной.

На втором этапе исследования мы определили возможную корреляционную связь между уровнем и частотой прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью метода ранговой корреляции Ч. Спирмена. Расчеты были проведены с использованием статистической программы IBM SPSS Statistics 20.

Результаты и их обсуждение. В ходе первого этапа исследования, направленного на определение уровня прокрастинации, было выявлено, что 57,8% студентов показали высокий уровень по шкале «Личностно-обусловленная прокрастинация». У данных респондентов наблюдается склонность выполнять задания в различных сферах своей деятельности не своевременно. Студенты не проявляют волевых усилий для нахождения способов решения возникающих трудностей на пути достижения намеченной цели. Средний уровень личностно-обусловленной прокрастинации показали 15,6% респондентов, низкий – 26,6%.

Данный опросник позволил нам выявить также показатели по шкале «Ситуативно-обуслов-

ленная прокрастинация». Получены следующие результаты:

– высокий уровень определен у 48,9% обследуемых студентов. Респонденты склонны выполнять задания только при наличии интереса и мотивации. При возникновении трудностей они не проявляют активности, если для этого нет острой необходимости;

– средний уровень выявлен у 17,8% обследуемых. Респонденты также склонны откладывать выполнение заданий при отсутствии внутренней мотивации и интереса, но при наличии внешней мотивации выполняют задания в установленный срок;

– низкий уровень определен у 33,3% респондентов. Студенты не склонны откладывать свои дела на потом.

По шкале «Общая прокрастинация» у 42,2% респондентов выявлен высокий уровень по данному показателю, свидетельствующий о том, что студенты данной выборки склонны откладывать выполнение заданий не только в академической, но и в повседневной деятельности. Средний показатель по данной шкале определили у 33,3% респондентов, низкий – у 24,5% (им не свойственно откладывать выполнение дел на неопределенный срок). Можем предположить, что, согласно классификации Н. Милграма, для данных студентов характерна бытовая, академическая, невротическая прокрастинация, а также прокрастинация в принятии решения [1].

Далее с помощью опросника PASS в адаптации М.В. Зверевой были диагностированы частота академической прокрастинации и возможные факторы ее проявления. Методика состоит из трех частей. Первая часть данной методики позволила определить частоту академической прокрастинации.

Высокий уровень частоты академической прокрастинации наблюдается у 37,8% респондентов. Они довольно часто откладывают выполнение тех или иных учебных заданий. Заметим, что не для всех респондентов с высоким уровнем частоты академической прокрастинации такое откладывание дел на потом является большой проблемой. Некоторые студенты в более сжатые сроки работают очень продуктивно и все успевают сделать вовремя. Но для большинства студентов с таким уровнем частоты прокрастинации откладывание выполнения заданий может привести к негативным последствиям в учебном процессе.

Средний уровень частоты академической прокрастинации показали 42,2% респондентов. Для таких студентов также характерно откладывание выполнения заданий на потом, но в умеренной степени. Здесь можно предположить, что

откладывание выполнения заданий происходит по ряду причин, таких как: не интересен предмет, по которому необходимо выполнить задание; сложность выполняемой работы; временные рамки для выполнения (чем больше времени дано на выполнение задания, тем чаще исполнение будет откладываться) и т.д.

Низкий уровень частоты академической прокрастинации выявили у 20% опрошенных. Для таких студентов не характерно прокрастинировать в учебном процессе. Они стараются выполнять все в установленный срок или даже раньше.

Вторая часть опросника позволила нам определить такие факторы академической прокрастинации, как социальная тревожность, лень, вызов, плохой перфекционизм. Результаты оказались следующими:

- большинство участников опроса (71,1%) имеют средний уровень по шкале «Социальная тревожность», низкий уровень определили у 15,6% респондентов, высокий уровень по данной шкале имеют 13,3% обучающихся. В данном случае под социальной тревожностью понимается боязнь насмешек, оценки окружающими, не одобрение выполненной работы с их стороны, боязнь выглядеть нелепыми, глупыми;

- по шкале «Лень» высокий уровень определили у 20% респондентов, средний – у 60% опрошенных, низкий – у 20%. В данном случае под ленью понимается нежелание выполнять конкретный вид работы под воздействием низкой мотивированности личности. Выполнение заданий студентами происходит впопыхах, следствием чего может являться низкая самоорганизованность;

- по шкале «Вызов» высокий показатель определили у 20% респондентов, средний – у 64,4%, низкий – у 15,6% респондентов. В данном случае речь идет о поведении так называемых «активных прокрастинаторов». Такие «прокрастинаторы» склонны к выполнению задания в последнюю минуту, поскольку только в последний момент они могут мобилизоваться и сконцентрироваться;

- по шкале «Плохой перфекционизм» высокий показатель определили у 26,7% респондентов, средний – у 62,2%, низкий – у 11,1%. Под плохим перфекционизмом в данном случае понимается излишняя концентрация на выполнении задания. Студент не будет удовлетворен результатом своей работы, пока она не будет сделана идеально. Скрупулезность, проявляемая при выполнении работы, может стать причиной нехватки времени для выполнения задания.

Третья часть опросника позволяет определить такие личностные факторы «прокрастинатора», как организованность, избегание неудач,

импульсивность и самоконтроль. Результаты оказались следующими:

- по шкале «Организованность» высокий показатель определили у 13,3% респондентов, средний – у 60%, низкий – у 26,7%. По данной шкале выявляется способность сбалансировать студентами свой учебный процесс, умение эффективно распределить свои силы и время, а также умение сконцентрироваться на поставленной задаче и выполнении всего намеченного;

- по шкале «Избегание неудач» высокий показатель определили у 11,1% респондентов, средний – у 62,2%, а низкий – у 26,7%. С помощью данной шкалы определяется уровень потребности студента в любой ситуации действовать так, чтобы избежать неудачу, особенно в тех случаях, когда результаты его деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми. Студенты, имеющие высокие показатели по шкале «Избегание неудач», ориентированы при осуществлении деятельности не на результат, а на избегание оценивания;

- по шкале «Импульсивность» высокий показатель определили у 13,3% респондентов, средний – у 62,2%, а низкий – у 24,5% респондентов. С помощью данной шкалы выявляли степень склонности студентов к действию по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств и эмоций. Студенты с высоким уровнем импульсивности не взвешивают все «за» и «против». Как правило, студенты быстро и непосредственно берутся за выполнение поставленной задачи, но и также быстро раскаиваются в своих действиях, им становится жалко потраченных усилий и времени на выполнение учебных заданий;

- по шкале «Самоконтроль» высокий показатель определили у 8,9% респондентов, средний – у 71,1%, а низкий – у 20%. С помощью данной шкалы выявили способность студентов регулировать свои эмоции, мысли и поведение. Студенты, имеющие высокие показатели самоконтроля, способны выдерживать большие психические и физические нагрузки, умеют мобилизовать свои усилия при решении сложных задач. В процессе обучения это позволяет им равномерно распределять интеллектуальную нагрузку при подготовке к учебным занятиям.

Таким образом, было установлено, что высокий уровень частоты академической прокрастинации наблюдается у 37,8% респондентов. В нашем исследовании были выявлены такие факторы академической прокрастинации, как социальная тревожность, лень, вызов, плохой перфекционизм, а также личностные факторы «прокрастинатора», такие как организованность, избегание неудач, импульсивность и самоконтроль.

С помощью метода ранговой корреляции Ч. Спирмена был проведен корреляционный анализ для установления факта наличия или отсутствия взаимосвязи между уровнем прокрастинации и личностными характеристиками студентов.

Проанализировав полученные результаты, обнаружили, что фактор Н (робость – смелость) и фактор L (доверчивость – подозрительность) не имеют взаимосвязи с общей прокрастинацией, из чего мы можем сделать вывод о том, что данные факторы не влияют на проявление прокрастинации. Не оказывают влияния на проявление прокрастинации такие факторы, как фактор В (конкретное – абстрактное мышление), фактор I (реализм – чувствительность), фактор N (прямолинейность – проницательность), фактор Q₁ (консерватизм – радикализм) и фактор Q₂ (конформизм – неконформизм), т.к. данные факторы не показали корреляционной связи с прокрастинацией.

Корреляционный анализ позволил нам установить также, что между прокрастинацией и другими личностными характеристиками студентов обнаруживается взаимосвязь (см. таблицу).

Как видно из таблицы, корреляционный анализ полученных результатов позволил нам определить среднюю отрицательную взаимосвязь между уровнем прокрастинации и уровнем самооценки ($r = -0,545$). Данные результаты позволяют нам предположить, что с увеличением уровня прокрастинации может снизиться уровень адекватной самооценки. Соответственно, у студентов, демонстрирующих высокий уровень адекватной самооценки, может наблюдаться низкий уровень прокрастинации, а у студентов, чья адекватная самооценка находится на низком уровне, скорее всего определяется высокий уровень прокрастинации.

Обратная взаимосвязь обнаружена между уровнем прокрастинации и уровнем эмоциональной стабильности ($r = -0,405$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше уровень эмоциональной стабильности, тем ниже уровень

прокрастинации. Соответственно, те студенты, у которых наблюдается эмоциональная нестабильность, будут чаще откладывать выполнение заданий на потом. Этот факт можно объяснить тем, что студенты не устойчивы в своих интересах, т.е. они могут с легкостью перейти к другим делам, не закончив начатое дело из-за потери интереса и отложив начатое дело на неопределенный срок. Такие факторы, как импульсивность, раздражительность, утомляемость, могут спровоцировать повышение уровня прокрастинации.

Кроме того, была выявлена отрицательная взаимосвязь между уровнем нормативности поведения и уровнем прокрастинации ($r = -0,405$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что низкая нормативность поведения способствует увеличению уровня прокрастинации. Студенты с низким уровнем нормативности поведения неорганизованны, безответственны, импульсивны, склонны к непостоянству. Все вышеперечисленное только способствует повышению уровня прокрастинации.

Далее стоит отметить тот факт, что студенты, имеющие высокую нормативность поведения, ответственные, добросовестны, настойчивы в достижении поставленной цели. Развитое у них чувство долга и соблюдение общепринятых моральных правил не дают им возможности отложить дела на неопределенный срок. Такие студенты будут выполнять все полученные задания сразу, не дожидаясь последнего момента, чтобы не испытывать дискомфорта.

Таким образом, чем выше уровень нормативности поведения, тем ниже уровень прокрастинации.

Анализ корреляционных связей позволил определить обратную взаимосвязь между уровнем прокрастинации и уровнем самоконтроля ($r = -0,308$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что высокий самоконтроль способствует снижению уровня прокрастинации,

Таблица – Коэффициенты корреляции прокрастинации с личностными характеристиками студентов, при $0,05 \geq p \geq 0,01$

	Уровень самооценки (фактор MD)	Уровень эмоциональной стабильности (фактор C)	Уровень нормативности поведения (фактор G)	Уровень практичности (фактор M)	Уровень тревожности (фактор O)	Уровень самоконтроля (фактор Q ₃)	Уровень расслабленности (фактор Q ₄)
Уровень прокрастинации	-0,545	-0,405	-0,414	0,458	0,501	-0,308	0,337

и наоборот, чем ниже самоконтроль, тем выше уровень прокрастинации. Объяснить данный феномен можно тем, что студенты с низкой дисциплинированностью не обращают внимания на социальные требования и нормы, принятые в обществе. Также у таких студентов низкий уровень волевой саморегуляции, им тяжело приступить к выполнению заданий сразу, они «тянут» до последнего и тем самым, даже если и выполняют задание в срок, качество выполненной работы оставляет желать лучшего.

Студентам с высоким уровнем самоконтроля гораздо легче начать выполнять полученные задания сразу, так как у них сильная воля, они умеют контролировать свои эмоции и поведение. Даже если задания для них не привлекательны, противоречат их собственным желаниям, такие студенты будут выполнять задания сразу, не откладывая в «долгий ящик».

Благодаря корреляционному анализу была определена тенденция к прямой взаимосвязи между уровнем прокрастинации и уровнем практичности (фактор М) ($r = 0,458$). Так как фактор «М» биполярен, далее будут рассмотрены два фактора: практичность и мечтательность. Итак, высо-

кий уровень прокрастинации будет наблюдаться у студентов, которые показали высокие результаты по фактору «Мечтательность». И наоборот, низкий уровень прокрастинации будет наблюдаться у студентов, которые продемонстрировали высокие результаты по фактору «Практичность».

При анализе полученных результатов определили тенденцию к прямой взаимосвязи уровня прокрастинации с уровнем тревожности ($r = 0,501$). Студенты, показавшие высокий уровень тревожности, – беспокойны, ранимы, склонны к самобичеванию, чувствительны к одобрению окружающих. Казалось бы, если студенты чувствительны к одобрению других, они должны выполнять все в срок и качественно, чтобы о них не подумали плохо, но здесь открывается другая сторона чувствительности к одобрению. Такие студенты откладывают выполнение работы до последнего момента, чтобы избежать негативной оценки окружающих. Они как бы оттягивают момент оценивания.

Тенденцию к прямой взаимосвязи также определили между уровнем прокрастинации и уровнем расслабленности ($r = 0,337$). Чем выше уровень расслабленности, тем выше уровень про-

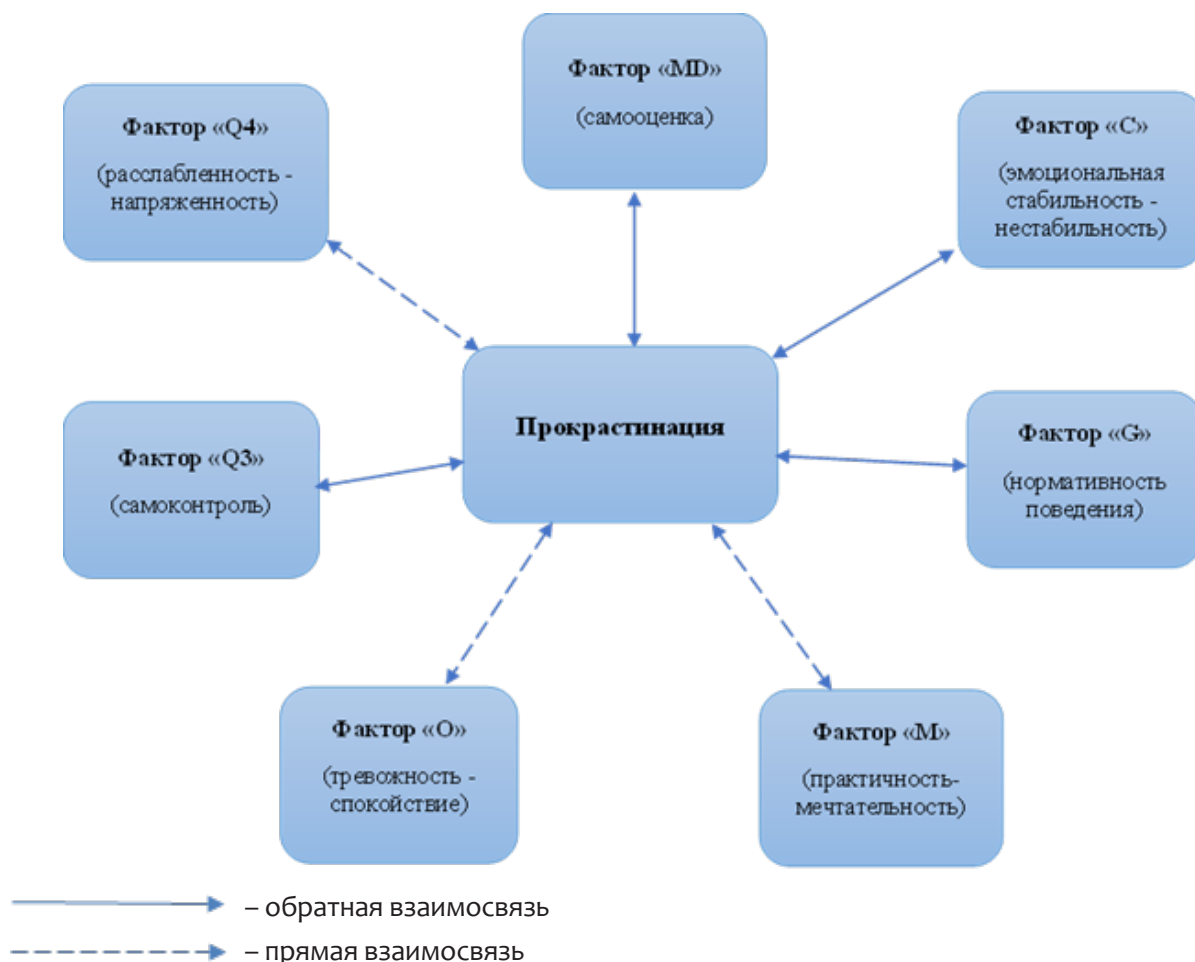

Рисунок – **Модель взаимосвязи прокрастинации и личностных характеристик студентов**

крастинации. Такую закономерность можно объяснить тем, что студенты с высоким уровнем расслабленности недостаточно мотивированы для выполнения заданий [12].

Данные результаты позволяют нам построить модель взаимосвязи прокрастинации и личностных характеристик студентов (рисунок).

Таким образом, результаты корреляционного анализа позволили выявить у студентов тенденцию к прямой взаимосвязи уровня прокрастинации с уровнем практичности, тревожности, расслабленности. Обратную взаимосвязь определили между уровнем прокрастинации и уровнем самооценки, эмоциональной стабильности, нормативности поведения и самоконтроля.

Заключение. Проведенное нами исследование показало, что знание личностных характеристик студентов и взаимосвязи их с прокрастинацией будет способствовать созданию условий для более полного и гармоничного развития личности и главным образом выявлению возможных путей устранения негативных последствий воздействия прокрастинации на жизнедеятельность человека, его психическое и физическое здоровье.

Результаты нашего исследования могут быть использованы при составлении рекомендаций, разработке и проведении тренинговых, коррекционно-развивающих занятий по снижению высокого уровня прокрастинации.

Литература

1. Калинина, Т.В. Феномен прокрастинации: современные исследования / Т.В. Калинина, Д.А. Кудачкин // Приволж. науч. вестн. – 2016. – № 11(63). – С. 58–61.
2. Бурка, Дж. Прокрастинация: почему мы все откладываем на потом и как с этим бороться прямо сейчас / Дж. Бурка, Л. Юэнь. – Минск: Попурри, 2020. – 432 с.

3. Ивутина, Е.П. Академическая прокрастинация как проявление защитносовладающего поведения у студентов / Е.П. Ивутина, Е.С. Шуракова // Вестн. Вятск. гос. ун-та. – 2013. – № 4(1). – С. 146–151.
4. Мохова, С.Б. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов / С.Б. Мохова // Вопросы психологии. – 2013. – № 1. – С. 24–35.
5. Корнилова, В.С. Прокрастинация как психологическая проблема студентов: обзор исследований / В.С. Корнилова // Вестн. магистратуры. – 2019. – № 9-2(96). – С. 38–40.
6. Забродина, Л.А. Взаимосвязь особенностей прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов / Л.А. Забродина, Ю.Р. Мухина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – № 3(20). – С. 311–315.
7. Кожевникова, О.В. Психологические предикторы склонности субъекта к академической прокрастинации / О.В. Кожевникова, Е.П. Шкляева // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – № 4. – С. 451–455.
8. Сольнин, Н.Э. Индивидуально-психологические особенности студентов педагогического вуза с разным уровнем прокрастинации / Н.Э. Сольнин, А.В. Лингураль // Вестн. Донец. пед. ин-та. – 2018. – № 3. – С. 161–166.
9. Вырвич, А.Ч. Взаимосвязи между ургентной аддикцией, синдромом эмоционального выгорания и прокрастинацией у учителей / А.Ч. Вырвич, И.Н. Андреева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е. Пед. науки. – 2020. – № 15. – С. 82–87.
10. Вольнич, Я.С. Прокрастинация как психологический феномен современного общества / Я.С. Вольнич, Т.Е. Яценко // Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2017. – № 2. – С. 22–26.
11. Плавник, Н.К. Психологические факторы академической прокрастинации у учащихся / Н.К. Плавник, С.В. Поздняк // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. – 2016. – № 16-2. – С. 192–197.
12. Гущина, Е.А. Взаимосвязь уровня прокрастинации с личностными характеристиками студентов / Е.А. Гущина, Н.И. Циркунова // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. ст. / редкол.: Е.Л. Михайлова (гл. ред.), С.Д. Матюшкова, С.Г. Туболец; отв. за вып. С.А. Моторов. – Витебск, 2021. – С. 135–139.
13. Богомаз, С.Л. Терминологическое поле исследования прокрастинации в различных психологических традициях / С.Л. Богомаз, Н.И. Циркунова, Е.А. Гущина // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 1(25). – С. 60–65.

Поступила в редакцию 31.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баньковский Алексей Леонидович – начальник информационно-аналитического управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Бекиш Евгений Иванович – доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат сельскохозяйственных наук.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Брагина Ольга Анатольевна – студентка Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”».

Быков Константин Романович – ассистент кафедры «Экономика» УО «ВГТУ».

Гуминский Максим Николаевич – старший инспектор управления охраны правопорядка и профилактики милиции общественной безопасности управления внутренних дел Витебского облисполкома, магистр юридических наук.

Гущина Елена Александровна – магистрант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Кожневская Елена Юрьевна – соискатель 2-го года обучения кафедры социальной и семейной психологии УО «БГПУ имени Максима Танка».

Кондратьева Вероника Дмитриевна – студентка факультета экономики и бизнес-управления УО «ВГТУ».

Косаревская Татьяна Евстафьевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Лауткина Светлана Владимировна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Мамась Александр Николаевич – заведующий УЗ «ВБХМТИ», кандидат медицинских наук, доцент.

Мантур Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры практической лингвистики УО «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Пергаменичик Леонид Абрамович – профессор кафедры социальной и семейной психологии УО «БГПУ имени Максима Танка», доктор психологических наук.

Петров Анатолий Петрович – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук.

Петров Владимир Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова.

Ребицкая Екатерина Витальевна – аспирант БГУ.

Савосина Ангелина Александровна – старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и маркетинг» УО «ВГТУ», магистр экономических наук.

Семенова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Су Тао – аспирант кафедры социальной и организационной психологии БГУ.

Тонг Чунью – магистр психологических наук, КНР.

Ткач Марина Григорьевна – аспирант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Турковский Станислав Ромуальдович – аспирант РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Циркунова Наталья Ивановна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Шаматульская Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры экологии и географии ВГУ имени П.М. Машерова.

Фурманов Игорь Александрович – заведующий кафедрой социальной и организационной психологии БГУ, доктор психологических наук, профессор.

Яшева Галина Артемовна – заведующий кафедрой «Экономическая теория и маркетинг» УО «ВГТУ», доктор экономических наук, профессор.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bankovski Alexey Leonidovich – Head of Information and Analytical Department of the Republic of Belarus Security Council State Secretariat, PhD (Law).

Bekish Evgeni Ivanovich – Assistant Professor of Vitebsk Branch of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies, PhD (Agricultural Sciences).

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Bragina Olga Anatolyevna – Student of Vitebsk Branch of International University “MITSO”.

Bykov Konstantin Romanovich – Assistant of Vitebsk State Technological University Department of Economics.

Gushchina Elena Aleksandrovna – Master Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Huminski Maksim Nikolayevich – Senior Inspector of the Department of Law Enforcement and Prevention of the Police of Public Security of the Department of Internal Affairs of the Vitebsk Regional Executive Committee, Master of Law.

Kozhenevskaya Yelena Yuryevna – Second Year Applicant of Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University Department of Social and Family Psychology.

Kondratyeva Veronika Dmitriyevna – Student of Vitebsk State Technological University Faculty of Economics and Business Management.

Kosarevskaya Tatyana Evstafyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Lautkina Svetlana Vladimirovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Mamas Aleksandr Nikolayevich – Head of Establishment of Medicine VBKhMTI, PhD (Medicine), Assistant Professor.

Mantur Elena Evgenyevna – Senior Lecturer of Belarusian State Agrarian Technical University Department of Practical Linguistics.

Pergamenshchik Leonid Abramovich – Professor of Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University Department of Social and Family Psychology, Dr.Sc. (Psychology).

Petrov Anatoli Petrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (Law).

Petrov Vladimir Anatolyevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process.

Rebitskaya Ekaterina Vitalyevna – Postgraduate Student of Belarusian State University Department of Public Administration.

Savosina Angelina Aleksandrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State Technological University Department of Economic Theory and Marketing, Master of Economics.

Semenova Natalya Sergeyevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Su Tao – Postgraduate Student of Belarusian State University Department of Social and Organization Psychology.

Tong Chunyu – Master of Psychology.

Tkach Marina Grigoryevna – Postgraduate Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Turkovski Stanislav Romualdovich – Postgraduate Student of Russian Economic G.V. Plekhanov University.

Tsirkunova Natalya Ivanovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Shamatulskaya Elena Vladimirovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Ecology and Geography.

Furmanov Igor Aleksandrovich – Head of Belarusian State University Department of Social and Organization Psychology, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Yasheva Galina Artemovna – Head of Vitebsk State Technological University Department of Economic Theory and Marketing, Dr. Sc. (Economics), Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет

(-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список **литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;
– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Material and methods”;
- section “Findings and their discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Material and methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Findings and their discussion**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated,

as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat. VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 31.08.2022. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 11,63. Тираж 100 экз. Заказ 145.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.